

ЙОН
КОЛФЕР

ПОСЛЕДНИЙ ДРАКОН

18+

ЙОН
КОЛФЕР

ИОН
КОЛФЕР

ПОСЛЕДНИЙ ДРАКОН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Сое)-44

К60

Eoin Colfer

HIGHFIRE

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

Дизайн обложки *Василия Половцева*

К60

Колфер, Йон.

Последний дракон: [роман] / Йон Колфер; перевод с английского К. Гусаковой. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 448 с. — (Шедевры магического реализма).

ISBN 978-5-17-114662-7

Было время, когда, паря в небесах, он поливал огнем разъяренные толпы, теперь же он прячется от туристических речных теплоходов и крайне неохотно покидает свое кресло. Это некогда великолепное огнедышащее создание ныне обитает в рыбакской хижине, где прикуривает «Мальборо» от сыплющихся из носа искр и пьет «Абсолют». Более того, он давно и плотно подсел на «Нетфликс»...

На протяжении веков Виверн, лорд Хайфайр, вселял страх в сердца людей. Теперь его зовут просто Верн. Он выжил, но даже моря алкоголя не могут заглушить тоску в его душе — последний в своем роду, последний дракон. Дни славы Верна давно прошли. Или нет?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Сое)-445

ISBN 978-5-17-114662-7

Copyright © 2020 Eoin Colfer

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*Эмили и Джо,
подарившим дракону крылья*

Глава 1

Верн совершенно не доверял людям — вот и всё. Ни одному представителю рода человеческого. За долгую жизнь он знал многих, некоторых даже находил приятными, однако в конце концов все они сдавали его разъяренной толпе. Потому он, от греха подальше, и жил как сыр на болотах Хани-Айленда.

Болота Верна устраивали, насколько его вообще что-либо устраивало за долгие годы одиночества. Черт побери, сколько этих лет прошло. Они убегали вдаль, словно кирпичи дороги, которую проложил король Дарий когда-то там, до нашей эры. Забавно, как на пустом месте вспоминаются всякие штуки. Как, например, эта древняя персидская дорога. Не мог вспомнить прошлую неделю, а тут вдруг перенесся на пару тысяч лет назад, ну, или около того. Да половину тех кирпичей Верн во-

обще обжигал лично — когда еще временами брался за черную работенку. Чуть свой двигатель внутреннего сгорания не износил. Сбросил кожу на два сезона раньше из-за этой паршивой работенки. А еще из-за рациона. В те времена о питательности никто и понятия не имел. Теперь уж Верн по большей части соблюдал кето-диету: много жиров, мало углеводов, исключение — его любимые хлопья на завтрак. Учитывая температуру тела дракона, этот рацион подходил ему как нельзя лучше. К несчастью, в нее совсем не входило пиво, и Верну приходилось довольствоваться водкой. Из марок он предпочитал «Абсолют»: многовато спирта, зато легче для организма. И Ваксмен доставлял ее целыми ящиками.

Так что Верн считал болота терпимыми. Место, не то чтобы славное, но и на дворе не то чтобы дни славы. Когда-то он был Виверном, лордом Хайфаэр из Гнезда Хайфаэр — вот и представь, каково жить с эдаким вычурным, мать его, имечком. А теперь он стал королем хрена лысого из Грязевилля, штат Луизиана. Но уж ладно, ему доводилось обитать и где похуже. А тут водичка прохладная, да и аллигаторы послушные — ну, по большей части.

«Если я говорю вам, мудилам, плясать, то чтоб мигом, мать вашу, все носы по линии выровняли и синхронное плаванье изобразили», — частенько говорил Верн, правда, не так многословно. И ведь поистине удивительно, на что способны

самые обыкновенные аллигаторы, если пнуть их в нужном направлении.

Так что Верн коротал деньки у заболоченной протоки, без труда вписываясь в местный колорит и держась подальше от экскурсий, хотя ему, бывало, отчаянно хотелось оттянуться и поджарить пароходик, полный этих радостных кретинов. Однако, поприжми он туристов, потом поприжмут самого Верна, а он явно не дожил бы до своих лет, если б привлекал к себе внимание. Совать собственную голову прямиком под софиты — поведение сущего идиота, по мнению Верна. А его мнение — по его же мнению — единственно верное. В конце концов, насколько ему было известно, он — последний представитель своего вида. И, если сие действительно так, долг перед этим самым видом требовал от него прожить как можно дольше. Вдобавок в данный момент он не страдал суициальными мыслями. Они его, конечно, посещали часто, однако против них помогали ментальные практики. Но пока отмокаешь в крошечных болотных затонах, времени для медитаций предостаточно.

И все-таки быть последним драконом — дело довольно одинокое. Примерно пятьдесят процентов тоски он мог залить алкоголем, однако постоянно случались такие ночи, когда свет полной луны серебрил гладь реки, и Верн задумывался, не подкатить ли к самке аллигатора. Бог свидетель, да они сами рвались попытать счастья с королем. Пару раз его даже хватило на то, чтобы маленько

побарахтаться с ними в иле — и это вовсе не эвфемизм. Но все-таки он чувствовал, что поступает неправильно. Может, в их ДНК и присутствовало некоторое сходство, однако сколько водки ни глотай, Верн никак не мог допиться до мысли, что можно вот так взять и воспользоваться более тупым биологическим видом. Не говоря уже о том, что у аллигаторов нет личности, и вообще они страшные, как жопа койота.

Они холоднокровные. А у него раскаленное нутро.

Все равно ничего не выйдет.

Верн коротал ночи в рыбакской лачуге на Боар-Айленд, заброшенной где-то с середины прошлого века. Хоть лачуга эта торчала у маленького заболоченного рукава, где ее медленно сжимал кулак мангрового леса, но пока — сойдет, и к тому же Верн неплохо ее обустроил, спасибо генератору и прочим нужным мелочам. Даже раздобыл телик с кучей кабельных каналов и небольшой холодильник, чтобы держать запас «Абсолюта» в прохладе. Поставками из внешнего мира ведал Ваксмен, обитавший выше по байу, так что Верн вполне находил чем заняться вочные часы.

Самым главным было выживание, а в выживании главное — информация или же полное отсутствие оной. Полный ноль. Никаких кредиток или мобильного телефона. Никаких поездок в Пети-Бато, никакого присутствия онлайн. Верн как-то завел себе страничку в соцсетях. Наклепал фейковую личность по имени Драко Смауг — что сам считал довольно милым, — но потом Фейсбук на-

чал добавлять геолокацию, и какие-то помешанные фанаты «Властелина колец» принялись задавать наводящие вопросы, так что Верн все свернул.

И усвоил урок.

С тех пор он довольствовался реалити-шоу и блужданием по интернету. Там хранились все необходимые Верну сведения, надо было лишь их разыскать.

Но никто не мог разыскать его.

Никогда.

Потому что всякий раз, как люди его находили, перефразируя Максима Децима Меридия, ад разверзлся в буквальном смысле этого выражения.

Но Верн-то носил ад в себе, так что вполне выживал.

А вот человек, который его находил — нет.

Когда-то у Пшика был папка.

И в те времена папка говорил всякое, в духе:

«И не смей таскать у меня из кармана доллары, Пшик, не то я шкуру с тебя спущу».

Или:

«Пиво не видал, малой? Ты б там мой «Бад» не прихлебывал, Пшик, а то ж я шкуру с тебя спущу».

Или:

«А чего это ты не в свое дело лезешь, Пшик? Слыхал присказку про кошку, а? Так вот с той кошки шкуру спустили и все такое».

Пшик довольно быстро сообразил, что отцовские высказывания обычно заканчивались спусканием с кого-нибудь шкуры — и чаще всего эта

шкура принадлежала именно Пшику. Он считал, что по большей части и правда виноват сам, ведь ему действительно было сложновато не совать нос в чужие дела.

«Мы живем в свободной стране, — рассуждал он в свою защиту, — а значит чужое дело — мое дело».

Но потом, в тринадцатый день рождения Пшика, папка ушел (видимо, купить своему пачану фигурку Оптимуса Прайма — серьезное же дело), и все его фразочки перестали быть важными. И, если уж на то пошло, папка даже не был настоящим, как бы Пшик ни пытался себя обмануть. Ваксмен, который жил в плавучем доме на реке, говорил, что для настоящего папки Пшика этот мир оказался чуточку слишком, а этот мужик — просто-напросто дармоед, который нарисовался, когда Пшик был еще совсем спиногрызом, а у его святой матушки все шло кувырком. И этот папаша, взятый на замену — не кто иной, как законченный кретин, что постоянно трепал языком, по словам Ваксмена, и сыпал тюремной тарабарщиной, если судить по наколкам, выглядывавшим из-за ворота рубашки, подхваченной в Анголе или в каталажке еще какого штата.

«Вам с Элоди куда лучше без этого никчемного придурка, — говорил Ваксмен Пшику, когда парнишка доставлял ему продукты. — Все, что он способен читать — это этикетки сигаретных пачек. Пользуется добрым сердцем твоей матушки, вот и все».

Зачастую Ваксмен сыпал никчёмной болотной мудростью, но на этот раз угодил не в бровь, а в глаз. Особенно с частью про Элоди.

Сердце у матушки Пшика было и правда добroе — нянчиться часами с народом за два бакса сверх минимальной ставки, а потом возвращаться домой к нему — придуруку и хулигану. С термином «хулиган» он познакомился слишком уж близко — его достаточно часто зачитывали из табеля успеваемости или протокола. Иногда Пшик думал, что пора ему уже завязывать с играми в плохого мальчика ради матушки, ведь он так сильно ее любил, что все уроды, которые разбивали ей сердце, приводили его в ярость. Настоящий папаша, который выпился из жизни и бросил всех тех, кто на него рассчитывал. Потом ненастоящий папка, который высосал сердце Элоди досуха, как вампир, отдавший предпочтение не любви, а крови. Потому Пшик и пытался себя приструнить; правда, ничего не получалось.

Пшик допускал, что скучает по папке, даже и по ненастоящему — но лишь пока эта мысль не покидала пределы его головы.

Даже если этот папка хлестал пиво так, словно оно поддерживало в нем жизнь, а не наоборот. Даже если он вытряхивал из матушкиной кофейной банки всю мелочь и тратил на лотерейные билеты.

Даже если он колотил Пшика всякий раз, как надирался.

Пшик пришел к выводу, что любил папку — по крайней мере, самую малость. Человек не может

не любить родича. Но это, впрочем, не значит, что он не может его и ненавидеть. И когда лже-папка бросил матушку Пшика, Элоди, с пустой кофейной банкой и столькими карточными долгами, что ими можно выложить дорожку до самого Нового Орлеана, Пшик возненавидел своего лже-папку со всей силой лазерного излучения — а для мальчишки, у которого еще даже пушок на подбородке не пробился, это довольно мощно.

И сейчас, два года спустя, Пшик не то чтобы сильно продвинулся в области пушки, но вырос на полфута и старательно вырабатывал задиристый нрав, благодаря которому за ним уже в пятнадцать пристально следили копы. Был у них констебль по имени Риджэнс Хук, которого Элоди однажды отшила в гриль-баре «Жемчужина» при толпе народа. С того самого вечера Хук заимел на Пшика зуб и все без исключения жалобы на парнишку принимал слишком уж близко к сердцу. Пшику казалось, что стоит ему пукнуть, как старик Риджэнс тут же постучится в дверь, предлагая «обо всем этом забыть» в обмен на каплю внимания от матушки Пшика.

«Чертов Хук, — думал Пшик. — Не отвалит, пока кого-нибудь не поимеют».

По сути, именно Риджэнс Хук пожаловал криминальный псевдоним «Пшик» Пшику, которого при рождении нарекли Эверетт Моро. Как заметил Хук еще в первый привод Пшика в отделение: «Моро — как у того доктора с островом уродцев, а, пацан? Ну так ты не док, а уродец».

Эпизод с кличкой случился еще во времена, когда Пшиков лже-папка квартировал в лачуге семьи Моро. Юный Эверетт как-то ночью выбрался на озеро, задумав повзрывать сомов динамитной шашкой, купленной у школьника, у папки которого был сейф. В ходе эксперимента ни одного сома не пострадало, ведь Эверетт сумел снести только мизинец левой руки себе и корму каноэ, которое одолжил для дела. Когда подлатанного мальчишку, зачем-то по всей строгости скованного наручниками, привели в отделение, там его уже дожидался Ридженс Хук.

«Говорят, у тебя там вышел не то чтобы взрыв, — заметил он. — Скорее мокрый пшик».

Ну и все.

Та ночь оставила Эверетта Моро с девятью пальцами и кличкой. Так что, когда настал час Ридженсу Хуку по-настоящему невзлюбить его за унижение, они уже были знакомы. Ну, и Пшика не так уж сложно узнать с руками за головой.

Узрите, Пшик Моро в пятнадцать: растущий, как сорная трава на болотах, воспитанный улицей, темноглазый сорванец каджунских кровей, с матушкой на грани отчаяния, с отсутствием будущего, если он, конечно, не хотел мутить креозот или таскать кирпичи в Слайделле. Полно мечтаний, мало планов. По большей части Пшик изо всех сил старался придерживаться верного пути, но этот путь, казалось, совсем не помогает оплачивать

счета, даже несмотря на его собственные три работы и матушкины смены в клинике Пети-Бато и Слайделл Мемориал.

Однако перемены были уже не за горами, ведь Пшику предоставилась неожиданная возможность. Этим летним вечером, под кровососущей пеленой комарья над болотным мраком и дозором из кипарисов на берегах Хани-Айленда, Пшик заключит сделку, и тогда они с матушкой смогут немного освободиться от внимания Ридженса Хука, который в ухаживаниях за Элоди Моро только наращивал обороты. Не проходило, казалось, и дня, чтобы он не заявился к двери Моро с очередным дермовым предлогом, за каким чертом его занесло по разбитой дороге в самую ее задницу:

«Жалоба на шум».

«Прогул занятый».

«Нарушение общественного порядка».

Господи, да хоть переход улицы в неподожденном месте — Хук бы и это откопал. Всегда с бутылкой игристого вина, облепленной хладоэлементами в сумке-холодильнике своего «шевроле». Блаш. Матушкино любимое. И лишь вопрос времени, когда Ридженс наконец шагнет на порог, а там единственной преградой останется москитная сетка. А стремительный галоп такого человека, как Хук, москитной сеткой не остановить. Пшик знал, что матушка так и не прониклась симпатией к констеблю; однако ночи на болотах долгие, а пока Ридженс Хук метил всю территорию, остальные псы держались подальше.

«Риджес мог бы нас обеспечить, дорогой, — одним вечером сказала Пшику Элоди, едва живая после длинной смены в клинике. — И мог бы тебя приструнить. Господь свидетель, я-то не могу».

Пшик понимал, что матушка, должно быть, смертельно устала и совсем уж упала духом — может, ухаживала за любимым пациентом в его последние часы на этой земле, — чтобы вообще заговорить о том, что Хук для нее вариант. Пшик понимал, что единственной причиной, по которой Элоди Моро способна впустить на порог столь первосортного мудака, было остановить его, Пшика, криминальный галоп, а потому чувствовал ответственность. Иногда Пшику снилось, как Риджес Хук обнимал его матушку, с поцелуями и прочим, и тогда он просыпался в холодном поту, не имеющем никакого отношения к болотной духоте.

Так что Пшик в сотый, наверное, раз поклялся взяться за ум: поклялся со всем пылом и, надо отдать ему должное, в то время считал свои слова сущей правдой. Однако в силу возраста был склонен ошибаться. И спустя всего лишь неделю Пшик вернулся к прогулкам.

«Просто я вот такой, — осознал он. — Мне никогда не измениться».

Потому, когда школу распустили на каникулы, Пшик поговорил с Уиллардом Карнаханом на парковке бара «Жемчужина». Карнахан был, наверное, единственным человеком в Луизиане, знающим болота лучше самого Пшика, так что мальчишка предложил самогонщику свои две руки и крепкую

спину. Ответом стал испытательный срок, и этой ночью начиналось Пшиково обучение ремеслу.

«На лето — и все, — сказал он себе. — Самогонку или сигареты — и все. Ну, запчасти. Но никакой наркоты, никаких людей и всего такого. Заработка так, чтобы от долгов избавиться и, может, взять жилье в городе. Подальше от Хука и славы лже-папки».

И вот Пшик прокрался на болота, не потрудившись поделиться этой новостью с Элоди; матушка была на смене в клинике и приковала бы его к батарее, если б узнала, с кем он связался.

Пшик опустил фанерную пирогу собственного изготовления на воду практически у самой лачуги Моро, но решил не заводить длиннохвостый двигатель, привинченный к корме. «Сегодня все изменится», — думал Пшик, работая веслами в полном ила затоне и держась поближе к границе камыша.

«На мне черная футболка, ну и на всякий есть с собой пачка джерки, — думал девятипалый мальчик. — Все будет пучком».

Ридженс Хук был, вне сомнений, личностью колоритной. Едва ли нашлось бы преступление, к которому он так или иначе не приложил руку, либо не закрыл на него глаза. Можно смело сказать, нынешнее свое место он занял отнюдь не потому, что регулярно ходил в церковь и пек печеньки для

Африки. Хук попал в охрану правопорядка через армию, а в армии он оказался, сочтя ее поприятнее федеральной тюрьмы. Именно такой выбор стоял перед ним, когда восемнадцатилетний Ридженс предстал перед судьей округа Майами-Дейд. Секретарю пришлось как следует набрать воздуха, чтобы зачитать обвинения, которые включали, но не ограничивались следующим:

Сговор о совершении преступления, мошенничество с использованием почтовой связи, подкуп свидетеля, угон автомобиля, угон игры «Великий автоугонщик» (незаконное скачивание), хранение наркотиков с целью сбыта, нанесение телесных повреждений, препятствие осуществлению правосудия.

Судья на сей перечень отозвался бранным «Господи, твою налево, Иисусе, пацан», из-за чего, по сути, оказался повинен в неуважении к собственному суду, и предоставил юному Ридженсу:

Вариант «А»: армия.

Или вариант «Б»: исправительная колония «Бейкер».

Ридженс выбрал «А», получил заключение по делу, поступил на службу, отправился по распределению, перебил массу народу и вернулся домой пару десятилетий спустя с кучей медалей, а позже перебрался на три штата западнее, в Пети-Бато, Луизиана, где заслуженного ветерана приняли с распростертыми объятиями — и без малейшего представления о многочисленных и разнообразных грехах его прошлого.

И теперь, разменяв четвертый десяток и являясь констеблем крошечного прихода, колесил по нему в собственном авто с полнейшей вседозволенностью. Риджэнс едва ли мог поверить в то, как радужно все сложилось. Папаша постоянно твердил: «Хорошее приходит к тем, кто благочестив», именно потому Риджэнс каждый гнилой бакс в своем бумажнике рассматривал, как увесистый «шел бы ты на хер» своему мертвому папаше, потому что ни черта не был благочестивым.

Главным источником гнилых баксов для Риджэнса была беготня на посылках для Айвори Конти, представителя картеля Лос-Сетас в Новом Орлеане. Айвори прикормил десятки копов, но Риджэнс взлетал по этой карьерной лестнице выше и выше — благодаря непоколебимой натуре и готовности перевозить через мост Пончартрейн все, что только влезет в багажник его «Шевроле Тахо». И похер, что парни под началом Айвори туда закладывают, пока оно не протекает, не просыпается или не оставляет компромат иным способом.

В ночь, когда начинается наша история, Риджэнс припарковал «шев» у лодочной станции Боди Ирвина и повел облюбованный им моторный катер вверх по реке — маленько побеседовать с парнем, который ужасно облажался на территории Айвори.

То, что эта беседа вообще должна состояться, вызывало сожаление, ведь парень, с которым Риджэнс обязался переговорить, был полезен — даже уникален. Но, с другой стороны, если работаешь

на Айвори — значит, должен переступать черту, а если переступаешь черту — значит, можешь заколачивать куда больше обычных двух тысяч четыреста долларов в месяц.

«Так что иди-ка ты на хер, папаша», — подумал Ридженс и прибавил газу, взрезая водоросли алюминиевым носом «Элоди».

«Элоди».

В честь сущего ангела, матушки этого недомерка Пшика Моро.

Видит бог, уж это таки заставит ее оттаять.

Свою натуру Ридженс знал достаточно хорошо и понимал, что он уже на пути к одержимости этой каджунской девчонкой. Девчонкой? Ха, да она взрослая женщина, у которой вышел срок годности и нечем похвастаться, кроме сынка-идиота, а его Хук считал скорее обузой, нежели ценностью.

«Так недолго и умом повредиться, сынок, — говорил он себе. — В конце этого пути только боль».

Однако Ридженс не мог сдержать в узде устремления, и дело отнюдь не в физической их стороне. Для этого было полным-полно хибар со шлюхами, куда он постоянно наведывался. А вот интерес к Элоди Моро был рассчитанным на несколько более долгосрочную перспективу.

«Да она должна небеса благодарить, что такой мужик, как я, вообще на ней взгляд задерживает», — повторял себе констебль Хук по несколько раз на дню, что, впрочем, ни на каплю не уменьшало раздражение от того, как продвигались его ухаживания. Ему хватало ума уловить психологию

ситуации — а именно, что он страстно желал того, на что не мог наложить лапы, — но знание это ничуть не умаляло его желания.

«Может, если бы она не отшила меня вот так на людях. Глядя сверху вниз, как будто я ей крыса, которая с реки приползла».

Женщины отвергали Ридженса и раньше, однако часто пересматривали сие решение, когда он подходил к ситуации по-другому, например, в четыре утра в темном переулке. Черт, да один раз ему даже говорить ничего не пришлось: свистнул немного фальшиво, склонил голову набок — и готово.

Но Элоди... в Элоди куда больше стали. А каким она смерила его взглядом в баре первый раз, тогда они столкнулись вне участка. Когда Ридженс вошел, она сидела, сгорбившись над кружкой кофе, до сих пор одетая в медицинскую форму после смены. Хук только глянул и подумал: «Элоди вся умаялась, авось даст слабину». Так что он подошел эдак вразвалочку и небрежно бросил: «Доброго утрупка, сладкая. Помнишь меня? Звать Хук, и я б присунул тебе свой крюк».

Пошло до ужаса, однако Ридженс не привык идти к цели сладкими речами. Обычно прокатывала любая избитая фразочка. Но не в этот раз. Элоди подняла голову так, словно та со всеми несчастьями внутри весила тонну. Уставилась на него глазами цвета шоколада и прямо перед всей завтракающей братией ответила — чуть громче нужного. А сказала она следующее: «Констебль, я всю ночь

соскребала деръмо старика с гипоаллергенного наматрасника, и лучше я буду всю жизнь заниматься ровно тем же, чем позволю вам что-либо мне присунуть».

Замечание вышло, безо всяких сомнений, остроумным и едким. Парни в «Жемчужине» чуть животы не надорвали от хохота, и Ридженс ретировался, сверкая багровеющей шеей. С тех пор Элоди, бывало, говорила вещи поприятнее, однако Ридженс по-прежнему чувствовал под воротом тот жар.

Глава 2

Пшику часто казалось, что в отношении удачи его сильно обделили. Всем везло ну хоть немного, всем матушка-природа подбрасывала кость. Пшику же достался дар, который нередко встречался среди каждунов — кровососущие твари не испытывали к нему ни малейшего интереса. Может, это все французская кровь, но скорее дело таки вカリбской. Пшик не мог даже представить, как остальные могут выбираться на болота после заката, когда москиты едят их поедом. А потом с утра видишь этих туристов, покрытых гематомами, как после пыток. Дерьмо в духе Гуантанамо. Ничто так не портит модную татуху на икре, как россыпь гнойных шишек. Пшика кусали разве что-то пару раз в сезон — и то, если разгулялись какие-нибудь лютые стрекозы.

Вот и вся его удача.

Незапятнанная кожа.

На такой почве парню жизнь не перевернуть. Ну, разве что, пока он будет зависать где-нибудь в торговом центре, его вдруг заметит менеджер модельного агентства. А это уж очень маловероятно. Пшик просто так не зависал. Он был из парней категории «не-хватает-часов-в-сутках». Все время крутился, все время пытался срубить деньжат.

С каджунской шкурой, по крайней мере, было сподручнее ставить ловушки на раков. Пшик до плывал на лодке до Хани-Айленда и подвешивал на воду с полдюжины этих клеток у приметных кувшинок, а потом еще несколько часов ловил рыбу сетями, пока шнур ловушек не натягивался до предела. За все годы рыболовства кусали Пшика всего раз — и то, не москит, а щитомордник, случайно запутавшийся в клетке. Да и то, змея уже, должно быть, вся изошлась, ведь следы зубов разве что припухли.

«Сегодня у меня на прицеле рыбка покрупнее, — подумал Пшик, поймав сентиментальный настрой. — Преступная жизнь».

Он знал, что перешагивает некую границу и возврата уже не будет, но Риджэнс Хук — дьявол в фуражке, на прицеле которого Элоди Моро, так что Пшик должен был позаботиться о том, чтобы убраться от Хука подальше.

«Может, если б мы жили посреди застройки, где куча свидетелей, тогда Хук поугомонился бы и отвалил».

Корявые рассуждения Пшика строились на его детском представлении о злодеях. Откуда ему знать, что типы вроде Ридженса Хука не могут утомиться. Только завестись еще сильнее.

Единственное, что было способно утомить Хука, это пачка амфетаминов, кварта бурбона и проститутка на пороге.

Выжимки из досье на потенциального босса Пшика были следующими: Уиллард Карнахан, поставщик всего законного и незаконного. Не гнулся вообще ничем, насколько Пшик слышал. Сарафанное радио трещало о том, как недавно во Французском квартале Карнахан уложил уличного барыгу в кому — из-за дозы кокса, которая оказалась детской присыпкой и забила ему ноздри — и больше никогда не пересечет мосты-близнецы в связи с возмездием, ожидавшем его в Новом Орлеане от рук начальства мелкого деляги. Уиллард был судоходцем: он мог вести корабль по реке Перл, ни разу не зацепив берег. Днем он занимался лодочными экскурсиями, а ночами крутил сделки в крохотных притоках — хоть с закрытыми глазами, если придется. Карнахан владел перегонным цехом, полностью законным предприятием, пока в нем не гнали мутный самогон. По официальной версии, Карнахан занимался очисткой воды, а в действительности — древним как мир делом производства бальзама на душу, для жаждущих алкоголя болотных псов. Участок шерифа в Слайделле получал откаты бутылями, так что все по большому счету плевать хотели на происходя-

щее. Однако бутыли были тяжелыми, а значит, прикинул Пшик, Карнахану пригодится чернорабочий, знаяший болота почти так же хорошо, как и он сам.

Они договорились о поздней встрече на старой пристани Хани-Айленда. Пшик предположил, что потом, когда он хорошо себя проявит, ему позволят забирать товар у пристани самого Карнахана. А пока — его ждала проверка.

«Ну а вдруг я типа малолетний наркоша», — подумал Пшик, высматривая Уилларда из своей пироги среди камышей у западного берега.

Вид открывался вполне себе, лунный свет отражался от листьев кипариса, и всякое такое. Пшик увидел у самой кромки воды Карнахана, в узких джинсах и футболке без рукавов. Однако будущий босс пришел не один. На причале стояли двое: Карнахан с этой его всклокоченной прической а-ля «Твистед Систер» и здоровяк размером с холодильник. А здоровяком этим был не кто иной, как Риджэнс Хук, в чем вообще не оставалось никаких сомнений.

«Что за черт? — подумал Пшик. — С чего это Хук связался с преступной рожей вроде Карнахана?»

Издалека не понятно, что там происходит — вдруг констебль просто допрашивает подозреваемого, — но Пшик в этом сомневался. Риджэнс Хук не из тех, кто станет утруждаться, да еще и посреди ночи.

Между Пшиком и подозрительной парочкой на дальнем берегу тянулось слишком много воды,

чтобы расслышать разговор, однако это можно было исправить. И если смекнуть, когда же именно все покатилось по причинному месту псу под хвост, то момент этот стремительно и неминуемо приближался.

«Надо подобраться ближе, — подумал Пшик. — Может, разнюхаю чего про Хука, если когда-нибудь придется от тюряги отмазываться».

И вот он: миг, который полностью изменит ход жизни юного Эверетта Моро. Пшик был близок к тому, чтобы совершить смертный грех всех наблюдателей, шпионов и преследователей, а именно: да не встревай ты в происходящее. Держись, мать твою, подальше от того, за чем следишь, и не мутни воды своей персоной.

В конкретном случае Пшика воды были уже достаточно мутными, но мальчик взял и взбаламутил их еще больше. Он поднял винт и погреб к берегу Хани-Айленда, не обращая внимания на жаб с их низким, зловещим, предостерегающим кваканием. Весло зацепило бугристую шкуру аллигатора, однако Пшик настойчиво продолжал в упор не видеть дурных знамений, ведь пребывал в том возрасте, когда каждая собственная идея кажется единственno верной. Так что мальчик настойчиво продвигался вперед, низко пригибаясь и жалея, что нет с собой какой-нибудь камуфляжной дряни, обмазать лицо и руки. Не то чтобы он вообще располагал столь специфическими материалами, зато у матушки были все на свете крема и, ежу понятно, хоть одна банка бы с задачей справилась. Од-

нако, что толку мучиться теперь. Он же не мог заглянуть в будущее и подготовиться к такой встрече.

Каких-то полдюжины гребков — и пирога подобралась к приподнятому берегу Хани-Айленда. Пшик ухватился за рогоз и подтянул свое судно в укрытие их зарослей. Маневр прошел тишайше, и Пшик поздравил себя с таким талантом, представляя, что в пришлой жизни он служил в спецназе, наверное, или был ниндзя вроде тех героев, обожающих черные тапки и повязки на голову.

Хук и Карнахан по-прежнему трепались вдалеке, но теперь Пшик улавливал обрывки фраз. Например, как Хук сказал:

— В жизни не видел ни одного знака, кроме сгиба посередке...

Это могло относиться к чему угодно, от Санта-Клауса до полицейского осведомителя.

Потом Уиллард Карнахан заметил:

— Ни в какое сравнение с мужиком, которого я встретил в Слайделле.

Всё стало еще более неопределенno, кроме ссылки на центральный город их прихода.

Подобный невинный обмен фразами продолжался целую вечность — ну, или так просто казалось, — и Пшик уже начал сомневаться, что из подслушивания выгорит нечто путное. За шелестом камышей и проклятым жучьем, которое уже заводило ночной концерт над болотами, он никак не мог поймать нити разговора от начала до кон-

ца, а то, что до него долетало, напоминало типичный трёп за барной стойкой.

Уиллард: «На полном серьезе, констебль. Мудила плялился, пока я не вскрыл его...»

И Ридженс: «Клянусь, пацан, у мамаши Хук была такая тема, когда два червя...»

Все это было бесполезной болтовней, так что, судя по всему, грандиозный план Пшика выходил каким-то идиотским. И Пшик постепенно убеждался, что можно с тем же успехом свернуть лавочку и затихариться, пока Ридженс не уберется вверх по реке.

«Подберусь чутка ближе, — решил он. — И еще пять минут, а потом, на хер, валю».

Пшик выбрался из пироги на берег и, прикинув, что ниже в жизни уже некуда, пополз, словно змея, сквозь камыши, очень-очень медленно огибая сомнительную парочку полуночников и надеясь, что его реально не ухватит за жопу настоящая змея.

Высунувшись из-за пня, он как раз успел увидеть крысу размером с канталупу, лениво удалившуюся в кусты. Прежде чем ее тылы скрылись, тварь бросила на него взгляд, говорящий: «повезло тебе, что я жрать не хочу», и Пшик так обалдел, что не сразу уловил новый оттенок беседы Хука-Карнахана. Градус температуры между ребятками как будто понизился.

«Надо б сфоткать», — сообразил Пшик и вытащил из водонепроницаемого кармана около-камуфляжных рабочих джинсов смартфон. Однако,

как это часто бывает, все сложилось бы куда лучше, если б мальчишка удержал причиндалы в штанах.

Хук гадал, есть ли какой-нибудь хитрый способ все-таки не закручивать Уилларду гайки.

«А ведь я могу просто отпустить идиота. Сказать, мол, побрей башку и купи костюм. Переименуйся в Уилберта вместо Уилларда. Айвори ваще ничего не заметит».

Однако Карнахан был из породы тех, кто слишком туп, чтобы постичь суть такого понятия, как «последствия». Рано или поздно он примется трепать языком по всему Французскому кварталу о том, как увернулся от пули Айвори, и тогда вместе с Уиллардом в полном деръме окажется и сам Хук.

«Бля, — подумал он. — А выбора-то нет».

Хук взялся за это задание, надеясь, что где-нибудь по ходу пьесы найдется капля пространства для маневра, но теперь, в конце этой самой пьесы, иного исхода, кроме как завершить дело, а после как-нибудь заткнуть дыру размером с Карнахана в своих планах не существовало.

Потому что планы Хука были грандиозными и распространялись малость дальше, чем годы, проведенные констеблем в этом вонючем приходе. Хук положил глаз на всю организацию Айвори, которую намеревался укрепить и расширить на север до Канады, отсекая всю Южную Америку.

Он уже скармливал по крупицам информацию о своих планах, чтобы контрабандист оценил его теории, и теперь Уиллард поднял тему:

— Переговорил со своим человечком из автомагазина. Он может гнать груз без ограничений. Парни Айвори на стенку от скуки лезут, из развлечухи только шлюхи на заправках. Так что привезут что угодно, дурь или пушки. Им похрен, только бы платили.

— Хорошо, — заключил Хук, — очень хорошо, Уиллард. Имена записал?

— А то, как ты и говорил. — Уиллард вручил Хуку мятый чек с нацарапанными на обратной стороне именами.

— Должен сказать, Уиллард, — сказал Хук, убирая список в карман, — а ты определенно не боишься вызова.

Карнахан принял комплимент с блестящими, как у щенка, глазами.

— Спасибо, партнер. И что, как скоро мы выступим против Айвори?

— Скоро, сынок, — отозвался Ридженс. — Мне еще надо усилиться со своей стороны. Понаблюдал за Джи-Хопом, нашел себе несколько братьев. Двое — верняк.

— И ты настаиваешь на пушках? Не наркоту? Наркота до фига легкая, пушки до фига тяжелые.

Хук спорил с собой по этому поводу месяцами, так что сейчас был благодарен за возможность выложить все тому, кто не станет потом трепаться в баре.

— Слушай сюда, Уиллард, — сказал он. — Сейчас разложу тебе по полочкам всю нашу философию. Продажи героина падают, так? Кокс дешевый, и его теперь толкает любой утырок с ногами. Уже скоро мы перестанем быть нужны мексиканцам; у них есть свои люди на этой стороне границы. Албанцы, русские, пуэрториканцы, ирландцы — да сейчас даже канадцы сбиваются в банды. Братья Бекон — ты представь имечко, а? Так что совсем скоро канал поставок Айвори будет никому не нужен. Курьером станет любой отморозок с рюкзаком. Так что этот поезд уже тю-тю, даже если Айвори еще не догадывается.

— Грёбаный канал бесполезен? — выругался Уиллард. — Тогда на кой ляд мы его захватываем?

— Канал-то не бесполезен, — не согласился Хук. — Канал всегда полезен. Даже товар сейчас полезен. Но нам надо переключиться.

Уиллард сыграл свою роль в дискуссии, спросив:

— Ага, но переключиться на что?

— На пресловутую Вторую поправку, — ответил Хук, козырнув. — Право носить оружие.

— У нас оно уже есть.

— В каких-то штатах больше, в каких-то меньше. Калифорния далеко не такая гибкая. Нью-Йорк обставляет все так, что получить разрешение почти невозможно. Нью-Джерси, Коннектикут, даже Гавайи. Все эти жизнерадостные американцы умоляют о пушках. И если я в чем-то разбираюсь, Уиллард...

— Это пушки, — закончил мысль Карнахан.

— Именно. Покупаешь дешево в Луизиане, продаешь дорого в Калифорнии. Так устроен мир. Поверь, НСА¹ долго против либералов не выстоит. И что самое лучшее — мы удержим все в пределах континента. Никаких буйных южан.

— Теперь понял, — отозвался Карнахан. — У нас внутренний бизнес.

Хук щелкнул пальцами.

— Внутренний бизнес. Вперед, Америка.

— Да у тебя все схвачено, констебль, — произнес Уиллард. — Нигде ложа не проскочит.

А потом Хук сунул руку в карман ветровки — и температура резко упала ниже нуля.

К тому моменту Пшик уже был в полной боевой готовности — лежа в грязи, переполненный гордостью, с наведенной на Хука и Карнахана камерой. Похоже, душевная часть вечера завершилась. Ни смеха тебе больше, ни похлопываний по коленке.

— Но есть проблемка, Уиллард, — говорил Хук. — Побои, которые ты устроил в Новом Орлеане.

Карнахан хохотнул, и Пшик увидел, как в режиме ночной съемки блеснули черным его зубы.

— Да пошел на хер тот пацан, Риджэнс. Продал мне дурь, а это была не дурь ни хера. Слышишь?

¹ Национальная стрелковая ассоциация — некоммерческая организация США, объединяющая сторонников права граждан на хранение и ношение огнестрельного оружия. (Здесь и далее, если не указано иное — Прим. ред.)

Сраная присыпка для детских жоп. На неделю мне пазухи засрала. Бля, да они до сих пор засраны. Каждое утро просыпаюсь и дышать не могу. Так дела не делаются.

Хук будто бы немного вырос, словно выпуская на волю истинного Ридженса.

— Видишь ли, сынок, тот пацан, которого ты сделал... Ты отбил ему мозги, так что его отключили от аппарата. Его матушке пришлось под этим подписаться. Ты прикинь?

Карнахан обеими руками взъерошил волосы так, что они встали вертикальными шипами.

— Плохо. В натуре плохо, Ридженс. Но тот пацан все заливал про товар, мол, чис-тей-ший и прочее деръмо. Нельзя же кидать клиента и ждать, что обратка не прилетит?

Хук закинул руку на плечи Карнахана: медведь, приобнявший оленя. Правда, оленю обычно хватает ума смекнуть, что именно сегодня у того в меню, но Уиллард Карнахан, по всей видимости, считал себя незаменимым.

— Да я ваще платить за нюхло не должен, — продолжил он, — со всем деръмом, которое я кручу для тебя вверх по реке. Но тут вдруг оказался весь такой в настроении, ну, знаешь, так что полез в собственный карман за кровными. И что делает этот мудила? Продает мне подставу. Мне! Гребаному коксоштурману.

— В этом ты прав, — согласился Хук и даже слегонца так скривил рот, как будто действительно принимал в расчет довод Карнахана. — Но, видишь

ли, пацан приходился Айвори племянником. Пытался проявить себя. Даже не должен был стоять на том углу. Юный Винсент, по идеи, должен был грызть гранит науки.

А это — куча сведений, причем конкретных, будто Хук узнал их из первых уст.

— А... Айвори. С-страный Айвори? — начал зикаться Карнахан. — Я даже не знал. Откуда мне знать-то, констебль? Айвори?! Какой-то итальянский щенок на углу толкал детскую присыпку для задниц, насколько мне было известно. Но у меня-то есть малость заслуг перед Айвори, правда?

Пальцы Хука стиснули плечо Карнахана.

— Бля, пацан. Ты все свои заслуги уже слил, и половину моих за компанию.

Пшик еще даже не особо вышел из детского возраста, но тем не менее смекнул, к чему идет дело. Это существенный перебор компромата. С такими сведениями на лоботомию побежишь первым в очереди, чтобы уж наверняка свидетельствовать не пришлось.

— Я штурман, констебль, — сказал Уиллард. — Никто не сможет ходить по болотам как я. С тех самых пор, как мы открыли канал, я не продолбал ни единого груза. Ни сраного грамма.

— Это правда, сынок, — признал Хук с искренней грустью на лице. — Так что ты смешал планы и мне, ведь теперь придется обучать замену.

У Карнахана в загашнике нашелся еще один аргумент.

— Но у нас же планы, Риджэнс. Мы партнеры.

Ридженс вдохнул.

— Были, верно. Пока ты не похерил племянничка Айвори. Я еще не готов к войне. Мои планы пока не прошли проверку на прочность.

Сцену окутала тонкая дымка реальности, и Карнахана оставила всякая надежда. Он осел в объятьях Хука, словно проткнутый надувной человечек, в один момент показалось, что не подпирай его констебль, контрабандист и в самом деле рухнет.

— Ну, соберись, сынок, — произнес Ридженс. — Заказал музыку — плати музыканту, — тут он просвистел несколько нот военного марша. — Уловил, сынок? В твоем личном случае музыкант — я.

На распластавшегося в болотной грязи, пока раки и еще бог весть что пощипывали его за шнурки, Пшика снизошло озарение. Момент этот не имел отношения к Богу — на Бога и его ребяток у Пшика точно не хватало времени. Нет, снизошедшее на него откровение было физическим, заставив осознать собственную бренность. Мальчишка был не дурак. Он знал в теории, что где-то в далеком будущем умрет. Но для Пшика, как и для большинства детей, это — теория. А еще Пшик почти верил, что к тому времени, когда настанет его час, ученые уже успеют уладить все эти заморочки со смертью.

Но прямо сейчас, на берегах топкого байу, под серебряником луны, что бросала свет на ходячего покойника и того, кто сейчас его убьет, Пшик ощущал, как прямо перед ним разверзся зияющий вакуум собственной смертности. И с полной уверен-

ностью осознал, что, если он себя выдаст, Риджэнс Хук прикончит его и не поморщится.

— Ай, ну констебль, — заговорил Карнахан, — мы партнеры, разве нет? Ну что-нибудь точно можно придумать.

— А вот ни хрена, — отозвался Риджэнс Хук и сдвинул набекрень фуражку, как славный парень. — А теперь слушай. Там в Пети-Бато одиночная мамаша ждет не дождется, когда я ей ноги раздвину, так что пора мне тут кончать. Ты ж понимаешь, да?

Карнахан вздохнул, не то чтобы соглашаясь с Хуком относительно собственной судьбы.

— Н-да, пожалуй. Так и будешь гоняться за хвостом, а, констебль?

— Именно, сынок, — отозвался Хук и вытащил руку из кармана ветровки; две костяшки скрылись за крестовиной. Риджэнс выкинул большим пальцем лезвие с крюком и ударил Карнахана ниже ребер. Нож для свежевания вспорол плоть буквой *W*.

Уиллард немного дернулся.

— Не по-товарищески, констебль. Ты что, меня убил?

Хук вытер нож о рубашку Карнахана.

— Агась, сынок. Именно. Соболезную.

И небрежно его толкнул, словно вышвырнул за двери клуба.

Уиллард Карнахан рухнул в байу, и вязкая пелена приняла его, едва хлюпнув. Рана была столь огромна, что внутренности вывалились наружу,

и донные рыбы почти мгновенно ринулись расстаскивать нежданный щедрый дар из кровавого месива. Сил вовсе не осталось, и все, что Уилларду удавалось — это злобно коситься на камыши, хватая раззявленным ртом в равной пропорции воздух и грязь. Для Карнахана жизнь замедлилась на третью, и все, что ему хотелось, оказалось невыполнимо. Наблюдать, как мир постепенно становится все дальше — вот и все, что он мог.

— Эй, сынок, — позвал Ридженс Хук, — болото забирает тебя в свое лоно. Справедливо, а?

Если бы Ридженс развернулся прежде, чем отпустить финальную шпильку, он бы, наверное, не заметил шевеление в камышах. Да и вообще, ничего страшного. В такой глухи много чего может шевелиться. Тем не менее, обычно никто из этого «много чего» не брякает что-то из серии «господи бля боже», которое донеслось, Хук был уверен, откуда-то из флоры. И, даже если б он только что не совершил убийства, столь дотошный человек, как констебль Ридженс Хук, должен был выяснить, кто же там заигрывает со второй заповедью.

А случилось следующее: Карнахан проплыл мимо осевшего причала и поравнялся с юным Пшиком, который уже давным-давно оставил мысли о шантаже и жалел лишь, что нет красных туфель, чтобы стукнуть каблуками и свалить. У бедняги Уилларда на лице застыло выражение где-то между «я в жопе» и «мертв», подчеркнутое бледностью, которая ясно давала понять, что его краткое путешествие от одного к другому скоро подойдет к концу.

Пшик вдруг поймал себя на том, что не сводит глаз с умирающего, гадая, какое воплощение смерти победит в гонке за Карнахана — кровопотеря или утопление? Или, может, явится аллигатор? Но, как оказалось, был там еще один претендент. Из воды, словно крапчатая куполообразная субмарина, на целый фут вырвалась гигантская каймановая черепаха, истерический защелкала клювом и сорвала лицо еще живого Карнахана с черепа, на что Пшик и воскликнул «господи бля боже!».

Он еще никогда не видел таких черепах — панцирь размером с маленькую машину и длинная шея, увитая венами и стоящая колом как член, которым его добрый друг Чарльз-младший так любил из гордости размахивать.

Народ на болотах часто говорил о кровожадной натуре этих по большей части кротких созданий, но не многие видели пример воочию.

Это, более чем вероятно, была финита ля комедия для Уилларда Карнахана и его похождений современного пирата, однако никто не увидел, как он вместе со своим ободранным черепом скрылся под водой, ведь Пшиков собственный богохульный рот назначил его свидетелем и, тем самым, мишенью, так что мальчишка подскочил и зигзагами, как заяц, рванул в глубь острова.

Силуэт с зеленоватым свечением телефона в руке со всех ног рванул в глубь острова. Хук проводил его хмурым, раздраженным взглядом.

— Матерь божья, что за день.

В представлении Ридженса Хука за последние двенадцать часов его порядком затюкали.

Сперва ему попортила настроение вся эта история с Элоди Моро, потом Айвори заставил его выпотрошить штурмана, а теперь какой-то непонятный человечек снимает тут об этом занимательное кино?

«Компромат», — подумал Хук. Этот сраный Айвори задумал затянуть поводок потуже. Он как будто неверно толкует их взаимоотношения, забывая, у кого тут жетон. Кто ж еще мог? Айвори настоял на мокрухе, потом уложил в засаду какого-нибудь городского пацана поиграть в реалити-шоу. А посмотрев съемку, наркобарон получит куда больше сведений, чем рассчитывал.

— Не сегодня, Айвори, — Ридженс Хук похлопал по кобуре служебного «Глока». Пальба разнесется над водной гладью предельно четко и далеко, но что поделать. Выстрелы на болотах всегда можно объяснить. А вот видео — нет.

Ридженс не стал тратить пули на испанский мох и вместо этого осторожно прокрался по полу-стынившим доскам к собственному болотному крейсеру и отчалил. Причин выбрать лодку было две: первая — шпион-идиот застрял на острове, вторая — в ней под замком хранилась парочка игрушек.

«Сперва выматаю помповым, — решил Ридженс, — потом добью вблизи из «Глока»».

Оттолкнув плоскодонку от причала, констебль Хук вдруг подумал, что лишь второй раз в жизни убьет двоих за одну ночь.

«А нет, обожди, Риджэнс. Что-то ты продешевил. В прошлом году во Флориде ты прихлопнул того парня из защиты свидетелей и его вербовщика».

Человек из программы — цель нелегкая.

Так что будет третий раз.

Определенно третий.

За мирное время.

Первое знакомство Пшика с дробью случилось, когда он проломился сквозь мангровые заросли на западном берегу Хани-Айленда. Он вообще-то не собирался ни через что ломиться, просто все случилось внезапно, как та скала в мультильме «Хитрый койот и Дорожный бегун»: только он, значит, ковылял по вроде, если прищуриться, тропинке, а уже через секунду его нос торчит на открытой местности, и Хук тут как тут на воде, весь заряженный и готовый спускать. Пшик увидел в красном свечении кончика сигары челюсть Риджэнса Хука, а потом ствол вскинулся вверх, и парень заработал огнестрельную рану на предплечье. И близко не смертельную, с расстояния-то в шесть-десят ярдов, даже кожу не особо рассекло, но ощущать ее Пшик будет еще долго.

«Не на поражение, — подумал он. — Падла меня загоняет».

Отдача мотнула лодку назад, Ридженсу пришлось править рычаг двигателя, и это дало Пшику секунду втиснуться в заросли и перевести дух.

Он раскинулся на спине, чувствуя, как жжется след картечи, а болотная грязь холодит причиндалы.

«Как мне свалить на хрен с этого острова? — думал Пшик. — Не достанет Хук, так аллигаторы точно, твари, справятся».

Ответ дал маслянистый запах воды.

Насколько Пшик мог прикинуть, единственным его выходом было переждать. С первыми лучами солнца сюда направятся туристические кораблики из Кроуфорд-Лендинг, с десятками приезжих, жаждущих увидеть легендарного болотного Бигфута. И тогда Риджэнс Хук уже никак не сможет выстрелить — когда в его сторону повернута толпа камер, потому что в соцсетях просто обожают видосики, где копы пускают в ход оружие.

«Надо не высовывать башку и захлопнуть рот, — осознал Пшик. — Проще не бывает».

Но в глубине души он знал, что за этим выводом стоял чистой воды оптимизм. Риджэнс Хук в кровавом спорте не новичок и едва ли рассыплется лужей соплей потому, что Пшик спрятался на острове.

Что и подтвердились считаные секунды спустя, когда разверзся ад.

Первой мыслью Пшика был вулкан, что могло показаться фантазией идиота. Но, справедливости ради, пусть мальчишка и считал себя крепким

орешком, ему никогда не доводилось приближаться к зоне боевых действий хотя бы на тысячу миль, и в его системе не было координат для воцарившейся вокруг какофонии взрывов. Тысячи человеко-часов за «Плейстейшен» и близко не валялись рядом с реальным опытом.

Шум стоял жуткий, оглушительный «бды-ыш» поднимался от земли и бил в Пшика волнами звукового ужаса. Ил, раковины, корни и куски породы измельчило в пюре и взметнуло вверх струями месива, которое затем рухнуло на мальчика жестоким ливнем и забилось в самые поры. Пшику казалось, будто его без церемоний хоронит, погребает под одним только весом грязи, льющейся с неба на худощавое тело.

«Ма никогда не узнает, что со мной стряслось», — вдруг дошло до Пшика, и мысль привела его в ужас. Он попытался крикнуть, но зря — в рот сразу же набился мусор. Глаза залепило грязью, даже футболку порезало обломками.

«Я труп, — подумал Пшик. — Ничего не могу сообразить».

Но дрожь земли постепенно унялась, и сквозь вой в ушах пробился смех. Судя по всему, Риджэнс Хук охрененно веселился.

— Ну чо, понравилась светошумовая граната, дружок? — подал он голос. — Зашла вкусняшка? Спорю, ты там раззявили тупую пасть, а? От души хлебнул болотного деръма?

Хук снова расхохотался и, может, это все контузия, но Пшик был готов поклясться, что расслышал звериные нотки.

— Каждый раз после стычки какой-нибудь тупой щенок обязательно носился туда-сюда с раззявленной пастью и ловил полный рот шрапнели. Нам чаще зубы вырывало, чем конечности.

Пшик выглянул сквозь заросли. Неплохое укрытие, как ему думалось. Риджэнс Хук восседал на кабине лодки, попинывая ботинком лобовое стекло. На коленях, словно любимый питомец, лежал гранатомет. Модель была Пшику даже знакома, спасибо игре *«Call of Duty»*: ММ-1. Странная на вид, массивная ублюдина. Шарманка смерти.

— Прекрасная ночка, скажи, пацан? Спорим, жалеешь, что высунул нос из Нового Орлеана, а? Спорим, жалеешь, что старина Айвори не заслал шпионить кого-то другого.

«Айвори, — думал Пшик. — Хук не знает, кто я».

А значит, если он сумеет улизнуть от констебля, надо всего лишь добраться до пироги.

Хук закинул гранатомет на плечо.

— Сынок, я готов спорить, что ты думаешь, мол, надо всего-то тихо как змея проползти к своей лодке и грести отсюда. Ну, плохие новости с того фронта. Твоя лодка только что проплыла мимо меня в сторону залива. Ты, похоже, не очень-то хорошо ее закрепил.

Пшик сощурился по максимуму — вдруг белки глаз выдадут. Хук что, берет его на понт? Он вообще закрепил-то лодку?

Вряд ли.

Не то чтобы он вообще особенно планировал финальную стадию своей миссии. Так что теперь застрял на этом сраном острове с кабанами, пумами и, наверное, кучкой огненных муравьев, которые ровным строем вот-вот заползут в штаны. А если рвануть наутек, Хук впендиорит ему в зад гранату как реактивный снежок.

Да уж, ночка выдалась просто чудная.

Эверетт, блядь, Моро: гениальный стратег.

Как тот французский малый, который сходился с высокими дамами, чтобы выпендриться. Наполеон.

Ну только совсем другой, за исключением того, что обоих поимели на острове, если память Пшика не спала с другим. Или это Гека Финна поимели на острове.

Так или иначе, идиотом, которого сегодня вечером имели на обрамленном водой участке суши, был Пшик.

«Простите, мисс Ингрэм», — передал он мысленно учительнице обществоведения, единственной, кто пришелся ему по душе за всю десятилетнюю историю его обучения.

— Эй, сынок! — пророкотал Ридженс Хук. — Я скажу тебе вот что. Почему б тебе не выбросить эту твою мобилу? Все равно небось вымокла, вид жалкий. Черт, да я лично в твоем заявлении подмахну, что нужна новая. Потому что мы оба знаем, на этом отрезке реки сигнал ты не поймаешь.

«Ничего не жалкий, — подумал Пшик. — Целенький, у меня в кармане».

— Сделай-ка мне такое одолжение, — продолжил Хук, — а я заберу свой ящичек боеприпасов и на том порешим. Что скажешь? Такой скидки даже в «Таргете» не дают.

Хук, по всему, был в настроении потрепаться. То есть в типичном для себя, по опыту Пшика. Ваксмен однажды поделился мнением, что фирменный стиль болтовни Хука подобен тюремному торту: «Весь такой красивый и в глазури снаружи, но ты знаешь, что где-то внутри затаился нож».

Например, когда Элоди была поблизости, Хук неизменно обращался к Пшику как «месье Моро», ерошил ему волосы и все такое, говорил, мол, расстет «отменный эфеб», но стоило матушке отвернуться, констебль наклонялся поближе и глухо ворчал непристойности из серии «Вот это кобылка, Пшик. Пусть пока побегает на воле, а потом, как умается, я ее поймаю на крючок». И ухмылялся блестящими от слюны губами: Риджэнс Хук, принц среди мужей.

— Иначе, — говорил этот принц сейчас, — я определенно устрою острову ковровую бомбардировку еще полудюжиной таких же гранат из своего красавчика-гранатомета. И чтобы ты точно понял, что я тут не шутки шучу, вот тебе еще хлопушка, для мыслительного процесса.

«Бля, — подумал Пшик. — Бля и на хер».

Раздумывать над принятием верных решений не было времени. Да и при его наличии у Пшика

не было тактического опыта. Стоит переждать или делать ноги? Что лучше? Оба варианта казались откровенно чреваты смертельной опасностью.

Пока Пшик метался между вариантами, Риджес Хук откинулся назад и, нажав на крючок, запустил в ночь металлический цилиндр. Он взвился сквозь туманную дымку, оставляя позади шлейф серого дыма, и Пшик прикинул, что судя по траектории, жить ему осталось примерно секунд десять.

«Весь план — дурацкая затея».

— Прощай, мама, — прошептал Пшик, и была печаль, которую он унесет с собой в эту хлябкую могилу — что отныне между его матушкой и Хуком останется лишь москитная сетка.

— Прости меня, Иисус, — продолжил Пшик, чисто на всякий, — за всю херню, которую я натворил.

А потом он закрыл глаза и стал ждать конца.

Верн со всем удобством устроился в кресле от «Лей-Зи Бой» и смотрел «Болотных Рейнджеров» по Нетфликсу. Херня, конечно, но как он любил эту передачу. Мальчишки из Эверглейдс, разъезжавшие в гольф-картах, и, гоняя крошечных аллигаторов, ломали трагикомедию.

«Убил бы мальчиков на хер», — добродушно подумал Верн. Но, по правде говоря, он скорее всего не стал бы. Парни-то забавные, все из себя самоуверенные. Было бы весело понаблюдать, как это бахвальство с них стечет до самых ботинок.

Верн глотнул водки с содовой и рассмеялся.

«Только представь их рожи. Тупые козлиные бородки поотваливаются».

И он изобразил Джека Николсона для единственной на острове белки, сидящей с достаточно большими орехами у него на подоконнике.

— Погоди, меня еще заценят.

Потом Верн услышал взрыв.

— Ну, бля, — смиренно произнес он и поднял спинку кресла.

Если Верн что-то и усвоил за столетия, которыми прятался во всевозможных укромных уголках по всему земному шару, это вот что: есть вещи, предвещающие демаскировку.

Например, слоны.

Слоны — мудаки, и никто не убедит Верна в ином. Здоровые серые ублюдины чуют драконов носом, и нос этот зовется хобот. Был там некий самец, что работал на мамлюкского султана. Злобный ублюдок с мутным глазом и непонятной обидой на огненных ящеров. Гонял Верна по всей провинции Дели десять лет, пока одной приятной теплой ночью Верн не навестил его загон и не засунул этот хобот туда, где традиционно солнышко не светит. С тех пор старина Мутный держал на выки выслеживания драконов при себе.

Еще одним предвестником беды он считал ряды горящих факелов, поднимающихся по холму. Верн уже сбился со счета, сколько раз он дремал в том или ином гнезде и просыпался от гула оравы, вооруженной факелами. Люди в те времена были

тупыми мудилами — ходить на дракона с факелами, но упорными, и как правило проще было перебраться, чем до конца дней отмахиваться от пылающих стрел.

Но знаком номер один в этом списке был взрыв. Чертовы умники — китайцы с этим их порохом. Эта дрянь забивалась между чешуй и чесалась как дермо последнее. И даже если люди не искали конкретно Верна, громкие взрывы зачастую проливали свет на все скрытое от глаз.

— В один такой прекрасный день, — обратился Верн к белке, подразумевая, что в этот самый день люди прошьют его каким-нибудь бронебойным снарядом, который пройдет сквозь чешую, как сквозь масло.

— И тогда всему живому в радиусе мили — финита ля комедия.

Разумеется, оценка была очень примерной. Если пронзить нутро Верна, радиус поражения выйдет куда больше мили. Когда в старину Синего Бена по чистой долбаной случайности угодили ранней моделью торпеды, он прихватил с собой на дно океана приличный шмат Корнуолла.

— Лучше все же проверю, — сообщил Верн белке. — Покончу с этой херней, что бы там ни было, пока не началось.

Верн выбрался из кресла, осторожно стянул футбольку с «Флэшдэнсом» и аккуратно сложил ее по методу трёх точных сгибов, который узнал от жизнерадостной дамы из Нетфликса. Это была лю-

бимая футболка, и он не хотел порвать ее в клочья, летая над болотами.

Пшик зажмурился, пустил горькую слезу и принялся ждать конца.

Только тот почему-то не наступил.

Каким-то вывертом физики Хукова граната, вновь показавшись из тумана, полетела обратно — другими словами, вернулась по той же траектории, приземлилась ровно между ног Хука и со стуком упала под планширь.

Большинство людей в недоумении выругались бы, многие принялись бы рыдать или вообще хлопнулись в обморок, но Риджэнс Хук был сделан из другого теста. Он мрачно проворчал: «Блядь!», а потом живо спрыгнул с носа лодки в реку. Констебль едва успел скрыться под водой, прежде чем его граната, рванув, вынесла из левого борта за зубреный кусок, который кинематографично, не хуже фрисби, влетел в рощу и вонзился в раздутый ствол дерева со звонким «вж-ж-ж», как будто пила в руках деревенщины.

— Повезло, — сказал Пшик.

И говорил он в этот момент не только о себе. У Хука, в его коробке с сюрпризами, хранились одному богу ведомо какие нештатные взрывчатые вещества. На куски порвало бы пол-острова. Жареной кабанятиной до самого Слайделла бы несло.

Пшик рискнул встать на четвереньки, молясь Иисусу, Господу, Будде, Аслану и всем, кто там еще

слушает, чтобы Хука расплющило между килем его тонущей лодки и болотным дном, чтобы он медленно умирал, глядя, как из носа сочатся пузырьки воздуха. Но узнать, была ли услышана его молитва, Пшику не удалось — именно в этот момент что-то очень сильное схватило его за пояс джинсов и дернуло вверх, в ночное небо Луизианы.

От земли до небесной выси за каких-то пару секунд.

Что, во имя?..

Мысль эту Пшик не закончил, потому что:

«А»: он был слишком потрясен, чтобы трезво рассуждать.

И «Б»: его причиндалы вжало аж в самый живот внезапным приемом, который вполне можно назвать ультразвуковым натяжением трусов.

Потому, пока Пшика Моро уносило над болотами все выше, единственной внятной мыслью, которую он смог связать прежде, чем вырубиться, была: «Эй, а отсюда видно наш дом».

Глава 3

Хук был продажным копом, на этот счет никаких сомнений, но и у продажности есть уровни. Патрульный, который то и дело берет кофе за счет заведения — это одно, а если взять констебля, который методично злоупотребляет возложенными на него полномочиями, чтобы отправлять на тот свет наркотурманов по заказу криминальных царьков, то у продажности откроются совершенно новые глубины.

Побуждения — вот, что выделяло Ридженса среди прочих. Всякий коп, которому приходилось сидеть перед конгрессиональным комитетом или комиссией Службы внутренней безопасности, в конце концов стыдливо мямлил в микрофон заявление из серии: «Я стал полицейским, чтобы помочь людям, мэм. Не знаю, когда же все поменялось».

У Ридженса Хука ничего не менялось. Он с самого первого дня нацелился преумножить собственный достаток — ну, или даже до этого первого дня, говоря откровенно. То, как закаливались амбиции Ридженса — сюжет самый что ни на есть библейский. Его папашей был мнимый проповедник из Хомстеда, Флорида, который никак не мог собрать большую паству в связи со своей фанатичной приверженностью букве Библии, в основном ранним главам. Джеррольд Хук мог бы захомутать и побольше народу в Миссисипи, но ребята из Флориды предпочитали обеленную версию Иисуса, который не обличал их зимние пальто с меховой подкладкой потому, что Левит порицал одеяния, сотканные из не одного материала. А выходцы из северных штатов не стали бы терпеть проповедника, выбивавшего из их рук чизбургеры, ведь Исход провозглашает, что запрещено употреблять мясо и молочку за один прием пищи.

Юному Ридженсу оставалось лишь придерживаться папашиных ветхозаветных взглядов, и это серьезно отразилось на его отрочестве. То, что связано с пивом и причиндалами, даже не обсуждалось, а будь все проклято, если для подростка они не составляют весь мир. Риджес пошел по традиционному пути неприкрытоого бунтарства и за старания получил в награду порку, в буквальном смысле — во дворе перед домом, на глазах у друбанов, за попирание Второзакония тем, что стал распутным пропойцем. Юный Риджес с красным,

как его же задница, лицом подумал: «На хер это дермо, я этого сраного святошу грохну и зарою».

Проповедника Джеррольда Хука угнетало то, сколь глубоко людям плевать на его служение, и в конце концов он стал все больше причащаться вином, а оттуда быстро перескочил на бурбон. А уж от бурбона до ненависти к самому себе всего несколько часов сна. А эта самая ненависть к самому себе распространилась, как это обычно происходит, на жену и детей. Однажды ночью, после восьми часов проповедей, которые ей выплевывал прямо в лицо пьяный человек божий, Сельма Хук не выдержала. Она забрала дочь, Марту-Мэри, и больше не давала о себе знать.

Ридженса она взять позабыла.

От него одни беды.

На мальчике клейма было негде ставить: сгусток ненависти с бурлящий внутри жестокостью, похожий на лайнбекера. Сельма Хук знала, что придет час расплаты, и не хотела, чтобы Марта-Мэри стала ему свидетелем.

Этот самый час наступил, наверное, полгода спустя. Шесть месяцев, как мальчик и мужчина жили одни в сколоченном из досок жалком подобии городской церкви с облупленной краской и шпилем, который был не более чем стопкой поддонов. Среди прихожан числились только бездомные, пьяницы и торчки. И даже эти бедолаги считали, что старина Джерри Хук совсем себя запустил — большую часть времени пил и гонял

мальчишку за мнимые в основном несоблюдения бесконечных правил.

Казалось, Джеррольд изо дня в день все больше едет крышей по Иисусу. Он принял внушать масовке «Ходячих мертвецов» в количестве дюжины или около того, обитавших у него на скамьях, ревностную веру в то, что его избрал сам Бог для чего-то суперважного.

Когда со стороны Багам резво двинулся ураган Эндрю, Джеррольд понял — вот оно.

И сказал сыну, которого это как-то не волновало: «Мы будем стоять бок о бок в храме и выстоим, пусть он будет разрушен, и тогда они узрят».

Тут Риджэнс мигом запарился, потому что если он правильно понял папашину тираду, ураган они будут пережидать в церкви, слепленной из фанеры и ржавых гвоздей, пока остальные к черту эвакуируются из Доджа.

«Да ну на хер», — подумал Риджэнс.

И напал на отца.

По крайней мере, попытался. Риджэнс был здоровяком, но Джеррольд — крупнее. Сын успел разок неплохо врезать, а потом папаша-проповедник вырубил его Библией короля Якова.

Очнулся Риджэнс на алтаре. Вокруг бушевал Армагеддон, а над, собственно, алтарем стоял полуумный папаша — голый — и взывал к Господу, мол, дай мне знак.

«Знак? — подумал Риджэнс. — Какой на хер знак? Кто-то тут кого-то наебывает».

И на кой ляд батя вообще жопой светит?

Все это не имело для Ридженса ни грамма смысла, однако он знал, что подступающий ураган, который выворачивал мир наизнанку, уж точно отправит их обоих на тот свет, каким бы он ни был. И если мысль о рае и могла послужить кому-то утешением, пока Эндрю распаковывал над ними церковь, раздирая ее на зубочистки, Ридженс почти мечтал, чтобы вся эта штука с раем оказалась фуфлом, просто ради последней мысли его папаши из серии: «О, черт. Я был неправ».

Новый порыв урагана Эндрю ударили по отцу и сыну, пробив пол и отправив обоих в подвал, там они и лежали, усыпанные обломками и пытавшиеся отышаться, пока над ними бушевала ярость природы. Чудесным образом оба Хука выжили.

По крайней мере, на тот момент.

Первым пришел в себя Ридженс. Он стоял над отцом, раздумывая: «А может, папаша таки был прав. Может, Иисус нас уберег».

А потом Джеррольд Хук открыл глаза и сказал: «Ридженс. Как жаль, что тебя не забрал Господь, чтобы мое спасение стало еще более чудесным. Да и от безнадежной личности средь паства бы избавился».

Ридженс взял обломок доски, всадил отцу в сердце, как вампиру, а потом лег рядом на земляной пол дожидаться помощи.

Именно тогда, под небом, которое рвалось на части, Ридженс усвоил, что сквозь самые большие тучи пробиваются ярчайшие лучи света — если тело готово извлечь из хаоса выгоду.

«У меня дар», — осознал Ридженс. И дар этот — не обосраться, когда весь мир в истерике. Годами позже инструктор в Ираке бросил цитату, точно уловив суть: «О, если ты спокоен, не растерян, когда теряют головы вокруг...»¹.

Продолжение старого английского стиха не то чтобы подходило целям Ридженса, потому он взял нужную часть и закончил следующим образом: «Если ты спокоен, не растерян, когда теряют головы вокруг, то можно сделать большие деньги».

Но этой ночью в байу реки, когда его мощное тело сгруппировалось в шести футах под водой, а на голову летел его собственный катер, Ридженс Хук понимал, что на кону стоит не только бабло. Травмы юности преподнесли ему дар хладнокровия, которым он воспользовался, чтобы рвануть от греха подальше. Во всяком случае, от этого конкретно. В греховном меню той ночью была масса блюд, например, водяной щитомордник, которому Хук чуть не засадил кулаком в пасть, выбирайсь на берег, или двенадцатифутовый аллигатор, ошарашенный внезапным пробуждением и жаждущий укусить чью-нибудь задницу, но слишком окосевший, чтобы поймать констебля в фокус. И, в довершение всего, когда Ридженс Хук выволок себя из вспененной жижи, он встретился нос к носу с кабаном, который, лишь взглянув на его смерто-

¹ Пер. С. Маршака.

убийственное выражение лица, решил отвести красные глаза и попятиться.

Хук проламывал себе путь сквозь заросли камышей, и с каждым взмахом кулаков ярость его разгоралась все сильнее. Он бесился из-за лодки, да: вот тебе и обработал Элоди широким жестом. И он бесился из-за огневой моци за кучу бабла, которая с ней утонула. Но пуль еще будет много, лодок тоже, в этой глуши их в избытке. Собственно, надувная лодка Уилларда Карнахана так и болталась за поворотом, и Хук поспорил бы на собственный жетон, что в ее закромах полным-полно оружия. И бутылочка Уиллардова самогона пришлась бы очень даже кстати для согрева.

Что на самом деле пошатнуло самообладание Хука, так это его собственный конфуз. Что, черт возьми, произошло? Все, что он мог предположить — это будто гранату дернули обратно за ниточку. А за его многолетний, крайне богатый опыт со снарядами такого деръма тупо не бывало. Эта граната не связана с независимой системой управления. Куда ее человек направил, туда и летела.

До сегодняшнего дня.

Хук схватился за два кипариса и, перетащив себя через насыпь, вылез на твердую землю.

«Как-то недостойно, — подумал он, — лежу тут на пузе, как труп к берегу прибило. И, что хуже, я тут как на ладони».

Хотя, быть честным, недостойная поза волновала его куда больше.

«Две пули в башку, вот так меня и найдут».

Поэтому Ридженс Хук поднялся, стряхнул с себя куртку — и, наверное, десять фунтов болотного дерьяма с ней вместе.

— Ну что, вперед, мудила! — крикнул он полу-прозрачным занавесям испанского мха. — У меня есть еще что показать!

Правда: Хук был готов биться лицом к лицу. Сержант-инструктор еще в Полке однажды заметил: «Ты как тот сраный Халк, а, рядовой Хук? Чем больше на тебя лью говна, тем больше у тебя этого блеска в глазах. Одобряю, рядовой. Ты прямо машина для убийств, а, пацан?».

И Хук ответил: «Так точно, сержант. Машина для убийств, вот кто я».

Ответил он не громко, как вымуштровали. А очень тихо, как будто слова шли из самого сердца.

Сержант чуть не наложил в камуфляжные штаны и Хука больше особо не доставал.

С тем же блеском в глазах Хук больше всего на свете теперь хотел перерыть вдоль и поперек весь этот унылый остров и отловить пацана Айвори.

Но...

Но парочка взрывов могла привлечь внимание. А пистолет несомненно забит дерьмом.

И пацан Айвори уже, вероятно, на пути к ближайшей гавани Пети-Бато, на посудине, которая его сюда принесла, ведь о том, что она проплыла мимо, Ридженс соврал.

Разумным шагом было подняться по реке на лодке Уилларда и, может, перехватить того, кто

Последний дракон

снимал его на видео. Это было самым разумным шагом.

— Будь молодцом, сержант Риджес, — сказал он себе, подражая своему иракскому инструктору, полковнику Фараиджи. — Сохраняй спокойствие.

Хук зажмурился и сосчитал до десяти, глубоко дыша носом — расслабляющее упражнение, которому научился у шлюхи из Французского квартала. Когда он открыл глаза, внутренний убийца на время затаился.

«На время, — подумал Хук. — Но здесь что-то произошло, и я выясню это».

Глава 4

Верн часто вспоминал старые добрые времена, когда его сородичи правили приличными клоками земли с высоты своих гнезд. Драконы продолжали такую херню столетиями, господствуя над всем сущим, тогда никакой хищник не смел оспорить их превосходство. И Верн, вдобавок, был королевских кровей: наследник всего Гнездовья Хайфаэр, включая и замок, и город вокруг него, не говоря уже о пещерах с разнообразными богатствами, скрытых в катакомбах. Превосходный пакет с привилегиями экстра-класса. Но чего драконы вообще не осознавали, так это что в отсутствие материальных хищников ими становится само время. Драконы привыкли всем заправлять. Они нашли наслаждение во всем этом «шоке и трепете». Они забыли, что люди — не просто тупые овцы с большими пальцами.

Сперва драконы изнежились, затем они обленились. А вселенная не терпит лени, ведь та ведет к смертельным для видов ошибкам. Такую драконы и допустили, когда начали держать фамильяров, потому они и глазом моргнуть не успели, как люди уже не таскали бревна и выгребали драконье дермо, а зарабатывали на хлеб с маслом.

Бац — и фамильяры уже ведут счета и делают педикюры, становясь незаменимыми, становясь невидимыми. Драконы позволяли людям строить собственные кварталы внутри стен. Драконы трепали языками о политике и стратегии в присутствии фамильяров. И будь все проклято, если эти фамильяры за ними не записывали.

Не прошло и пяти столетий с полудюжиной неудавшихся революций, как эти хитроумные людишки встали у руля, а всякий дракон, переживший чистку, довольствовался ролью наемного бойца или околачивался во всяких негостеприимных гадюшниках.

И люди продолжали командовать парадом, поддерживая себя в форме тем, что стали хищниками друг для друга — что капец какая нездоровая штука. Разумеется, драконы время от времени устраивали им встряску, но методичной бойни не случалось. Эра людей — не что иное, как господство резни и завоеваний, насколько Верн мог судить, и именно поэтому максимум интеграции, на который он был готов — это наслаждаться людскими медиа. Иногда он фантазировал, как откроется какому-нибудь каналу и будет вести собственное

шоу, но все это лишь пустые мечты. Рано или поздно все эти звезды реалити ступали на путь Хилтонов. Чтобы удержать рейтинги, ему пришлось было отснять секс-видео, а как, черт возьми, такое вообще должно работать? Так что Верн держался особняком, отсиживался на реке и старался не думать о неизбежном дне, когда какой-нибудь зоркий мудила-церэушник заметит его на спутнике — моргнуть не успеешь, как дроны облепят по самое «не могу».

А со всеми взрывами в окрестностях тот день вполне может оказаться сегодняшним, и прежде, чем отправить мальчишку на тот свет и скинуть тело в байу, где с ним быстро справятся аллигаторы, нужно выяснить, какого черта тут происходит.

В этот самый момент мальчишка лежал в отключке на полу в укромной лачуге Верна. Бедный паршивец вряд ли ждал ночного полета. Верн чувствовал себя малость виноватым, что устроил мальцу встряску, но втайне гордился, что сумел ускориться с нужной вертикалью, чтобы человечка вырубило.

«Еще могёшь, золотце», — подумал он, натягивая обратно футболку и камуфляжные штаны.

Поразмять крылья нынче получалось нечасто — поскольку всякий отпрыск рода человеческого старше шести лет обзаводился телефоном с камерой. Пару лет назад Верн налакался «Абсолютом» и по-быстрому завернул кружок над Новым Орлеаном. Какой-то уборщик снял видео, как Верн огнибал Плаза-Тауэр, и оно попало на сайт «Трибьюн».

К счастью, на нем оказалось видно немногим более размытого пятна, которое могло быть огромной летающей ящерицей. А могло — воздушным змеем или хреновым фотошопом, так что фрагмент национальной сенсацией не стал. Верну повезло, вот и все. Однако удача не собирается улыбаться ему вечно.

Малец слабо дернулся ногой, как щенок, которому пощекотали пузико, и пробормотал «мама». Прокричался.

«Бедный говнючика, — подумал Верн. — То, что он увидит, ему не понравится».

Потому что, пусть Верн всецело намеревался порешить человеческого мальчишку, он не считал себя жестоким драконом. Он однозначно предполагал бы отправить человечка на тот свет во сне, но обстоятельства требовали расспросов, а ответы мог дать только малец.

Пшик приходил в себя медленно, считая, что он в безопасности, у себя в койке, в соседней комнате матушка, а в холодосе, может, бутылочка апельсиновой газировки. Но явственное ощущение жестких досок под лопатками и тяжесть вымокшей в грязи одежды поставили крест на этой мысли, так что мальчик открыл глаза и увидел то, что на первый взгляд выглядело как мутант-крокодил на задних лапах и в человеческой одежде.

Пшик пребывал в том особом возрасте, когда ты достаточно юн, чтобы поверить глазам, и доста-

точно повзросел, чтобы не совсем обалдеть. Еще шесть недель — и рухнул бы прямиком в коматоз. Но как бы там ни было, он дал задний ход в угол хижины и как следует рассмотрел существо.

Какая-то рептилия, тут никаких сомнений — судя по шкуре а-ля болотный аллигатор. Черная, блестящая, с линиями гребней, а вот морда короче и пара клыков торчит из нижней челюсти, чего Пшик никогда у аллигаторов не видел. А еще крылья, и вообще стояло это существо на задних лапах. А еще хвост, короткий и толстый, со стрелкой на конце. А еще мелочь в виде футболки, которую рептилия надела, с «Флэшдэнсом» и легендарным силуэтом танцовщицы на стуле.

Пока Пшик разглядывал существо, а существо разглядывало его, парнишку вдруг посетила мысль, что существо вполне могло достаточно проголодаться, чтобы его съесть.

— Стоять, — произнес он как можно строже.

Ваксмен однажды ему объяснил, что животным нужно четко внушить, кто тут батя.

— Бля, пацан, — ругнулось существо, вытаскивая из холодильника в углу полупустую бутылку «Абсолюта». — Я тебе не псиша сраная. Я — то, что называют сверххищником. Слыхал вообще термин?

Говорящая рептилия? Можно было подумать, что мальчишка оцепнеет, но Пшик услышал свой ответ:

— Нет, сэр, никогда такой не слыхал.

Существо хлебнуло водки, потом рассмеялось. Прозвучало совсем по-человечески, только сипло.

— Сэр? Пять секунд назад я был псиной. Теперь я сэр. Шустро меняешь тактику, а, пацан?

— Если этого требует ситуация, — отрапортовал Пшик, надеясь, что смех рептилии был искренним и добродушным, означающим, что есть тут никого не будут.

— Язык у тебя подвешен, — отозвался рептилоид и, сунув руку в карман шорт, достал пачку «Мальборо». — Куришь?

Пшик помотал головой. Это было правдой, однако он вдобавок сообразил, что разумная тактика: притвориться невинным ребенком. Такого убить с чистой совестью сложнее. Если у этой штуки вообще была совесть.

— Мудрое решение, — заметил рептилоид. Он поднял сигарету и, как будто между делом, выдул из ноздри искру. — И мне не стоит. С тем, как у меня нутро устроено, только на беду нарываться. Как прикуривать на заправке.

Пшик понимал, что лучше б ему захлопнуть рот, но просто обязан был узнать.

— Сэр, а ничего если я спрошу, что вы такое?

Семифутовая рептилия опустилась в потертое кресло и дернула вверх подножку.

— Что я? Думаю, я незаконный иммигрант, вот что. Слыхал о нас, а? Страну захватываем.

Пшик видел массу роликов о нелегалах по телику. Этот мужик совершенно не был на них похож.

— Вы надо мной смеетесь, сэр?

Рептилоид выдохнул дым в железную крышу.

— Ага. Наверное. Я тут оказался задолго до ваших. Судя по говору, я б сказал, каджун, верно?

— Верно. А еще техасский ирландец, говорит матушка.

— Каджун и техасский ирландец, — повторил рептилоид с крайне зубастой усмешкой. — Взрывоопасная смесь.

Пшик знал слово «взрывоопасный». После эпизода с динамитом Риджэнс Хук часто его припоминал.

— Взрывоопасная. Вы типа дракон, мистер?

Рептилоид выпустил из ноздри несколько соединенных друг с другом колечек дыма.

— Ага, наверное, «дракон» — самое подходящее слово.

Пшик вспомнил историю, которую им рассказывала мисс Ингрэм.

— Как тот из Англии? Которого проткнул святой Георгий?

Дракон бросил острый взгляд вращающихся крокодильих глаз на дрожащего бедолагу-человечка в углу.

— И близко не как тот. Я его знал, впрочем — великовозрастный полудурок по имени Гудмундер, который пошел бродить по лесу, болтая причиндалами как люлькой. По большей части пьяный в хламину. Нарвался на охотника. Обдолбался опиумом, неделю носился по окрестностям, разорял и грабил, потом вырубился в деревне. — Дракон

покачал головой, по челюстям запрыгали искры. — А люди в такую херню не играют. Разве что между собой. В общем, Гудмундер был мудаком. Сам напросился, чтобы пырнули.

— А вы не такой, да?

Дракон подмигнул.

— Ну я же тут, верно? Последний, насколько мне известно. Живу тут на болотах сам с собой. Услугу вам, господа, оказываю. Без меня поголовье кабанов уже разошлось бы вовсю.

— Спасибо, сэр, — отозвался Пшик.

— Зови меня Верн, — сказал дракон.

— Так точно, мистер Верн.

Пшик поколебался, прежде чем выдать, что думает, а потом решил: «Пофиг, будет обидно умереть и не узнать».

— Если позволите, — произнес мальчик, — но «Верн» вроде как не особо подходит дракону, в смысле как имя.

— Виверн. Это древнеанглийский, как говорят. Сократил, когда прибыл сюда еще до войны.

— Буря в пустыне? — спросил Пшик, изо всех сил поддерживавший беседу, чтобы оттянуть момент неизбежной расплаты.

Верн снова рассмеялся.

— Нет, малец, в этой стране. Гражданская война, и я сейчас не про Капитана Америку. Буря в пустыне. Бля.

Пшик был малость поражен, как ему вновь пригодилось учение мисс Ингрэм, дай ей бог здоровья.

— Гражданская война? Это ж вроде лет сто пятьдесят назад.

— Ага, — отозвался Верн. — Новый Орлеан был в самой гуще событий. Для перевозки золота конфедераты даже построили парочку субмарин. Одной приспичило за мной гоняться, так что пришлось потопить ублюдину. Весь экипаж погиб. Золото утрачено, насколько всем известно.

Дракон снова подмигнул, словно раскрывал Пшику тайну, и мальчик искренне пожалел, что Верн так охотно делится откровениями. Как будто ему плевать, что Пшик знает, ведь долго знать это ему все равно не придется.

— Понимаю, наверное, — сказал Пшик. — Слухи.

— Смекаешь, малец. Они топят корабли. И под «кораблями» я имею в виду эту развалину. Так что в интересах этой развалины я должен задать парочку вопросов, и настоятельно рекомендую хорошенъко пораскинуть мозгами над ответами, потому что брехни я не потерплю, а ее, кстати о птичках, я нюхом чую.

— Так точно, — согласился Пшик, думая, что тут Верн и сам немного прибрехивает. — Помогу всем, что знаю, можете на меня положиться.

— Хороший настрой, малец, — одобрил дракон. — Так, вопрос первый. Мне позарез нужно узнать, что это были за взрывы. Старину Верна кто-то ищет?

— Нет, сэр, — поспешил ответил Пшик. — Это была типа размолвка между Уиллардом Карнаханом и полицией. Сделка провалилась.

— Глубоко провалилась, — согласился Верн, — и ты провалился бы куда глубже, малец, если б я не отбил ту гранату назад.

— Спасибо за это, мистер, — продолжил играть в вежливость Пшик.

— Не благодари, мальчик. Я просто хотел вырубить гвалт.

— Благодарю все равно. Искренне. Мне как пить дать была крышка.

Верн фыркнул искрами.

— Ну, не говори гоп, малец. И вообще, какого черта ты делал в тех зарослях? Такой парнишка, на болотах, посреди ночи?

Пшик прикинул, что в правде нет ничего дурного, и продолжил отвечать на вопросы дракона.

— Коп... констебль Хук... у него виды на меня и мою матушку. Разные виды, соответственно, как понимаете. Я пытался нарыть немного компромата, ну, может, чтобы он отвалил.

— Отвалил? — переспросил Верн и едко хохотнул. — Ты серьезно недооценил этого кадра. Такие не отваливают. Они набирают обороты. Коп с гранатометом? Пушка-то явно не табельная.

— Он плохой человек, — произнес Пшик. — Хуже, чем я думал, наверное.

Верн уставился на огонек сигареты, переваривая сведения.

— Уиллард Карнахан. Я его знаю. Гоняет по Перл контрабанду?

— Так точно. Лучший штурман на реке. Должен был стать моим боссом.

— И у этого Хука терки с Карапаханом?

— В некотором роде, — ответил Пшик. — Не уверен, какие. Теперь все кончено, Уиллард пошел на корм рыбам.

— И ты сунул свой надоедливый нос меж двух огней?

— Облажался, видать.

Верн крепко задумался. Новости, несомненно, плохие, но не катастрофические. Может, ему даже не придется срываться с места, а достаточно присматривать за развитием событий. Вряд ли кто-то начнет войны за передел болот. Такие дела обычно решали в застройках. И, может, раз Уиллард ушел под воду вместе с лодкой копа, вся эта история уже на дне.

Но малец его видел, знает, кто он такой, и это досадно.

Верн попытался придумать иной выход, но его, как он полагал, просто не существовало.

«Никогда не верь человеку».

Верн вздохнул.

— Прости за то, что будет дальше, малец, но я последний из своего вида, и ты наверняка понимаешь, почему я должен так поступить, верно?

Что будет дальше, Пшик знал наверняка.

— Не нужно беспокоиться насчет меня, мистер. Я не стукач. Черт, да я держу язык за зубами с тех пор, как родился.

Дракон перекатил сигарету в чешуйчатых пальцах.

— А мне сдается, малец, все наоборот.

— Мое имя — Эверетт Моро. Все зовут меня Пшиком из-за косяка с динамитом пару лет назад. — Пшик поднял увечную руку как доказательство и пошевелил обрубком мизинца.

Верн выбросил сигарету в щель между досок.

— Неплохо, Пшик. Очень даже. Столько информации вложил в пару предложений? Делаешь себя в моих глазах личностью. Как будто прочитал текст по психологии. Но моя игра — это самосохранение, малец, и я играю в нее уже очень давно. Очень. И знаешь, какое здесь правило номер один?

Пшик не знал, не хотел знать, но должен был спросить.

— Какое здесь правило номер один, Верн?

Дракон вскочил и выпрямился во весь рост. Футболка с «Флэшдэнсом» тую натянулась на внушительной груди; за клыками заплясали синие огоньки.

— Правило номер один, малец: человек сюда приходит — и больше отсюда не выходит. Как на «Тандердоме», только никого не выпускают.

Верн выпустил коготь на указательном пальце, а потом обдал пламенем из носа, пока тот не засветился белым.

— Обещаю, малец, будет по-быстрому.

«Пламя из носа, — подумал Пшик, впадая в шок. — Круть».

И после: «Черт, а я ведь ни разу не целовался с девчонкой».

А потом из пола полезли аллигаторы.

Пшику казалось, что на данном этапе его уже ничто не способно удивить, однако прорыв клыкастых пасть и жилистых тел в комнату резво поменял его мнение. Оцепенение спало, и вместо него вернулся страх, который Пшик подавлял. Страх, который рванул от коленей и обосновался в животе, стягивая нутро, словно мокрая веревка.

Видеть, как болото вот так приходит в гости, было невероятно. Как будто мир встал с ног на голову. Что-то в таком наплыве рептилий казалось даже более неправильным, чем встреча с драконом по имени Верн.

Эти аллигаторы были сплоченными — вот что. У них были, что называется, коллективные намерения.

— Херасе, — произнес Пшик. — Ох господи иже еси.

— Спокуха, мелкий, — отозвался дракон, который еще мгновение назад был на грани его убийства. — Болотные разборки, всего-то.

Аллигаторы собрались в одном углу, щелкая пастьми, извиваясь, издавая странное трескучее рычание. Они били по обшивке лачуги хвостами, топали коренастыми лапами, разбивая доски пола. В глазах горела жажда убивать.

Верн не то чтобы чересчур беспокоился.

— Да ладно вам, ребятки, — сказал он. — Это мой дом. Вы ломаете холостяцкую берлогу. Личное пространство, все дела?

Один аллигатор, огромный самец — пятнадцать, может, футов в длину и три в плечах, — вышел из стаи вперед, мотая башкой из стороны в сторону.

— Серьезно, Кнопка? — поинтересовался Верн. — Вот нужно тебе прямо сейчас?

Кнопка, которому Верн дал весьма ироничное имя, ведь зверь определенно не был ни маленьким, ни миленьkim, зашипел, и светлый горловой мешок под его челюстью задергался. Чего бы он ни хотел, по всей видимости, сделать это нужно было действительно прямо сейчас.

— Ну брось, мужик, — продолжил Верн. — У меня гости вообще-то. И допрос в самом разгаре.

Аллигатор, который не понимал его слова, да и плевать на них хотел, если бы понял, опустил тупоносую морду и молниеносно подскочил ближе, зубодробительно щелкая челюстями.

— Да ла-а-адно, — отозвался Верн, ни на грамм не впечатленный.

Он бился один на один с морским змеем в России. А этот парнишка по сравнению с арктической рептилией — вообще мелочь.

Он мог бы поджарить тупого здоровяка, проще некуда, но группе поддержки конкурента было нужно преподать урок на доступном им языке, так что Верн остановил выбор на быстром и жестком показательном выступлении. Он с силой наступил аллигатору на шею так, что конкурент наполовину провалился сквозь гнилые доски. Потом грохнул бутылку водки о гребни морды аллигатора и на-делал кучу шума.

Верн поджег алкоголь, пыхнув искрой из ноздри, и вся голова зверя вдруг вспыхнула огнем.

— Вот так-то, аллигаторы, — произнес Верн. — Ваша великая зеленая надежда весь в огне.

А потом он как будто безо всяких усилий поднял конкурента в воздух и вышвырнул наружу через окно.

«Потянул гребаную спину», — подумал Верн, но не подал виду.

— Посмотри на меня, малец, — бросил он через плечо. — Высший воин. Сраный Хищник. Собственно говоря, я этому Хищнику вломил бы до Земли в иллюминаторе.

Остальные аллигаторы не могли покинуть помещение достаточно быстро. Они ринулись сквозь дыры в кипарисовых досках, карабкаясь друг на друга в стремлении убраться подальше от могущественного дракона.

Верн бы рассмеялся, если бы не устал от драк на сегодня. Впрочем, удирающие аллигаторы определенно выглядели забавно. Так и не овладели этим навыком.

Верн вновь сосредоточился на пацане.

«Еще одно тупое животное, с которым надо разобраться».

— Хочешь помолиться, Пшик? Или не ждать и покончим с делом?

Малец не ответил, потому что, разумеется, как только Верн отвернулся, он выбрался в окно.

Последний дракон

«Умный пацан, — подумал Верн. И потом: — У старины Виверна могут назреть проблемки с планами на пенсию».

Придется принять меры.

Глава 5

Пшик нырнул в реку, абсолютно положив на то, кто там шныряет под поверхностью. Явно не аллигаторы, эти в радиусе мили не покажутся после того, как Верн явил им гнев дракона.

И даже если в окрестностях все-таки задержался какой-нибудь аллигатор-дегенерат, Пшик скорее предпочтет испытать судьбу против этой ящерицы, а не огромного мифологического существа, ожившего почему-то в Луизиане.

На подходе к байу Пшик нахлебался речной воды, но это ничего; она не попала в дыхалку. Пшик отплевался, а потом рванул к Хани-Айленду на всех парах паники. Не то чтобы такое плавание было особенно результативным — на самом деле, с тем, как он молотил конечностями, оно было откровенно опасным, — однако Пшик перешел в режим полета, и любые осмысленные рассуждения,

какие вообще могли только прийти ему в голову, унесло вместе с ним в окно.

К Хани-Айленду Пшика вел, словно маяк, голубой огонек на задней части лодки Хука, которая, не успев затонуть полностью, еще торчала из болотной воды. До светлого неба было пока далеко, но в черноту уже закралась капля синевы, и луна потихоньку собиралась валить, так что где-то в глубине Пшикова мозга промелькнула мысль, что без сознания он пробыл по меньшей мере пару часов.

Болотная лягушка-бык размером с ананас, квакая, выпрыгнула из темноты и отвесила Пшику нехилую затрещину, вызвав у бедняги новую вспышку паники, ибо он тотчас решил, что дракон заключил с лягушками соглашение и они ему прислуживают. Однако земноводное перепугалось не меньше самого Пшика и ушло брассом вниз по реке, забив на мальчика.

«Ладно, хоть лягухи за мной не охотятся», — подумал Пшик первый и последний раз в жизни. Носок его «конверса» прочертил борозду по дну, и Пшик чуть не заорал от облегчения — наконец можно выбраться из болота. Сперва он прикинул, что если иметь дело с драконами, то лучше держаться под водой — в связи с огнем, — но потом передумал: тому аллигатору влажность ни фига не помогла.

«Верн. Дракон сам сказал, что его зовут Верн. Что это вообще за имя для сверххищника?»

Очуметь.

Вся эта ночь была в книге его жизни страницей безумия.

Пшик нашел в насыпи нишу и втащил себя на Хани-Айленд, едва не парализованный томительным ужасом и весом болотной грязи, облепившей всю одежду до нитки.

«Можно остаться тут, — подумал он, — и пусть водоросли пустят корни. Стать растением. Драконы ведь не едят растения, правда?»

С другой стороны, Верн, как Пшику казалось, мог съесть все, что ему заблагорассудится.

А еще, если он исчезнет, матушка сойдет с ума от беспокойства, и после всего, что она прошла с его настоящим папашей и потом с ненастоящим, и теперь, когда ее преследует Ридженс Хук, Пшик ненавидел огорчать матушку. У нее бывало два вида огорченного лица. Первый матушка использовала, когда Пшик рядом — напряженный, сдержанный, с внезапными прерывистыми вздохами, словно она боялась расслабить желваки надолго и не удержать себя в руках. А второе она выпускала, когда думала, что никто не видит. И оно всякий раз было прямо в сердце. Элоди ложилась щекой на стол и рыдала так, словно на свете нет большей печали. Она плакала, пока вокруг не растекалась лужа слез, громко, как несчастная кошка. Пшик правда очень ненавидел этот звук — и не любил быть его причиной.

Временами то, что он огорчал Элоди Моро, расстраивало Пшика настолько, что он, вместо при-

сущих ему нечистых побуждений, почти становился на путь добродетели.

Почти.

Пшик обнаружил, что его пирога на самом деле никуда не уплыла, но застряла в камышах. Вытрягивая ее, Пшик с каждым рывком костерил Хука. С двигателем пришлось повозиться чуть больше — на винт намотался хлам, судя по всему, со всего болота.

Небо уже стало синевато-серым, и Пшик, сидя на корточках и дергая двигатель, превратился в отличную, мать его, мишень. Он видел в воде свое отражение, а раз он его видел, то само собой разумеется, что и самого его тоже кто-нибудь запросто увидит.

Кто-нибудь... или что-нибудь.

Стремно — вот, каково было Пшику. Он вскидывал голову на каждый шорох, как олень у водопоя.

«Пора убираться», — подумал он.

Пшик толкнул свою лодку, запрыгнул в нее и, несмотря на остаток забившихся водорослей, дернул шнур — что без сомнения было плохо для мотора, но времена нынче исключительные: Риджэнс Хук, возможно, давно свалил, но на хвосте скорее всего висит чудовище.

Мотор — надежный «Свомп Раннер», собранный из набора деталей — оправдал репутацию, с визгом ожив и нарезав растительность. Звук разнесся во все стороны, но сейчас Пшик ничего не мог

с этим поделать. Из двух зол он, вроде бы, выбрал меньшее.

— За мной гонится дьявол, — произнес Пшик, поддавая газу. Не то чтобы мотор в его распоряжении смог бы обогнать особенно целеустремленную стрекозу, не говоря уже о драконе, но ощущение воды, плашущей в фанерные бока пироги, несколько приободрило.

Путь на север занимал не более десяти минут, однако Пшику казалось, что он гнал все утро. Он прикинул, что дракон вряд ли захочет щеголять чешуйчатой тушей перед туристами, рыбаками и охотниками, любившими выбраться на реку с утра пораньше. Чудовищу вроде Верна не выжить, прогуливаясь по населенной местности, даже просто затариваясь там водкой.

Если, конечно, на него не наткнется какой-нибудь языкастый пацан.

Точно, если не вот это обстоятельство.

Перл текла, полноводная и ленивая, вниз к заливу, а лодка Пшика неслась по ее глади, словно пальмовая ветвь на ветру, даже против течения. Идеальная конструкция. Детишки нынче предпочитали стеклопластик; даже местные не стали бы напрягаться и выстругивать пирогу. Однако Ваксмен свято верил в деревянное судно, и сейчас Пшик был рад, что последовал совету древней сволочи. Все, что пироге нужно — шлепок по заднице от крошечного двигателя, и она летела изящней копья.

Пшик пригибаясь, вроде так его меньше видно сверху, плыл в тени кипарисов, пока не наткнулся на небольшое рассветное движение транспорта. Двое ребят постарше помахали Пшику из своих лодок, и его пульс подскочил на пару десятков ударов в минуту.

«Может, дракон меня даже не узнает, — подумал он, в общем-то, ничуть не обманывая себя. — На реке тусуется полно темноволосых пацанов».

«Так свали со сраной реки, мудак ты эдакий, — заговорил с ним внутренний голос. — Пусть лихо станет тихо».

Стоит заметить, иногда внутренний голос Пшика был разумней его самого.

Пшик убрался с реки, что нельзя было назвать проявлением тактической гениальности. Дом семьи Моро располагался в ответвлении основного байу. По правде, это была всего лишь лачуга на сваях с квадратом настила, покрытого пятнами тысячи выпотрошенных предыдущими жильцами раков. Деревянная обшивка, вероятно, еще где-то в прошлом столетии была алой, но теперь стала розовой и облупилась, как кожа туриста после дня под солнцем Луизианы. Единственным насыщенно-красным пятном был свежий прямоугольник, которым домовладелец закрасил флаг конфедератов; тот почему-то игнорировал попытки навеки скрыть его синий крест, и раз в год работу приходилось переделывать.

«Чертова проклятая дрянь, — говорил Боди Ирвин. — Южане, видать, никогда не утомляются».

Пшик подтолкнул ручку ладонью и, направив свое судно параллельно пристани, затормозил.

«Да, так себе, но это дом», — подумал он.

И даже такого бы не досталось, если бы не милость Боди Ирвина, вышеупомянутого борца с флагом, который был влюблен в Элоди еще с выпускного или даже раньше и который был готов закрыть глаза на неполную оплату аренды в обмен на то, что ее сын пару смен в неделю таскал ящики с пивом в его баре.

Хорошая сделка, если спросить Пшика. Вдобавок ко всему, Боди так долго откладывал, что вряд ли уже когда-нибудь пригласит его матушку на свидание. А это Пшика полностью устраивало — по крайней мере, раньше. Пшик подходил к тому возрасту, когда появляющийся разум заставлял его рассматривать Элоди не просто как маму, но и как отдельную личность. Ваксмен, во время очередной заунывной лекции, приписал выводы Пшика некоему «росту его суперэго», и мальчишка на мгновение подумал, что это у него просыпаются суперсилы.

Но откуда бы ни исходила его новообретенная сознательность, она подсказала ему приглядеться к матушке. Элоди была для него красивой, это он знал. Матушка все время рассказывала своим подругам-медсестрам, как ее сынок Эверетт постоянно звал ее замуж.

«Когда вырасту, я на тебе женюсь, мам».

Тогда он действительно так считал. Теперь, спустя несколько лет после той фазы, Пшик увидел, что с его личным мнением о красоте матушки согласны и все остальные. И это только глазурь на пончике: его матушка была нежной и внутри; ногами она заботилась о больном народе, а днями беспокоилась о Пшике. Она редко тратила на себя хоть грош, сама стригла волосы и себе, и Пшику. Может, раз в неделю Элоди мягко отказывала кому-нибудь парню, и дело с концом — ну, кроме Хука; констебль получил решительный отказ, что заставило его клеиться еще настойчивее.

«Вот бы Боди все-таки подкатил», — мечтал Пшик, особенно зная то, что он теперь знал о констебле Хуке.

Однако Ваксмен заверял, что владелец бара никогда не пригласит Элоди на свидание: «Парниша слишком, черт возьми, уродливый. Твоя мать — объективно девятка, а Боди, ну, выше трешки не запрыгнет даже со стремянкой и после пластики».

Что звучало, если спросить Пшика, чуть менее философским рассуждением, чем привычные нотации Ваксмена.

Пшик привязал свое судно к латунному кольцу, которое пару лет назад попало к нему в сеть. Стоило его продать, но кольцо стало для Пшика чем-то вроде талисмана. Люди вечно ищут, где б привязаться поудачнее.

«А вот и Пшик-большая-шишка-Моро с большим блестящим латунным кольцом, прикрученным к его пристани».

Что-то же это должно значить? «Благоприятное» — вот было слово, если верить мисс Ингрэм.

Но «пристань»?

Серьезно?

Скорее поваленный забор, говоря откровенно.

Потереть кольцо запястьем в завершение дня стало для Пшика традицией. И он совершил ритуал и сейчас, запачкав латунь грязной рукой.

— Пока живой, и слава богу, — буркнул Пшик и прошмыгнулся по настилу, избегая скрипучих мест на случай, если каким-то чудом его матушка решила не заглядывать к нему, закончив ставить прививки от столбняка пьяницами в клинике Пети-Бато.

Как большинство непослушных сыновей, Пшик давно разработал тайный а-ля ниндзя способ забраться в дом. Он мысленно называл его своим «окном возможностей», что иногда смешило его прямо в ходе самого маневра и вообще-то портило желаемый эффект.

В этот великий день было не до смеха. Сегодня за Пшиком вели охоту два самых опасных существа из всех, с кем ему приходилось сталкиваться — и наверняка с кем придется столкнуться в будущем.

«Если я не проснусь, это явно один из двух ублюдков постарался».

Так вот, метод ниндзя: последовательность Пшика включала одну точку опоры на баллоне газа, вторую на изгибе старого якоря, который приладил на стену какой-то жилец-мореход, потом хват обеими руками за подоконник и наконец по-

добие гимнастического подъема с переворотом сквозь москитную сетку, закрепленную только верхним краем. Выполненный верно, сей небольшой алгоритм юного грабителя определял Пшика ровненько на его собственную койку.

Даже в столь обалделом состоянии Пшик легко мог провернуть такую штуку — раз, два, три и внутрь. Хоть с закрытыми глазами, хоть во сне. Но тут, уже в воздухе и без возможности прервать маневр, Пшик услышал голос, раздавшийся в комнате, которую матушка назвала гостиной, и принадлежал этот голос не матушке.

А Ридженсу Хуку.

И этот голос говорил:

— Змея укусила.

«Н-да, не навозная ли это глазурь на всем говнотортике?» — подумал Пшик Моро, прежде чем с глухим стуком приземлиться на кровать.

«Лучше б я, конечно, обошелся без стука», — подумал он тогда.

Стук для органов правопорядка — что кошачья мята. Не могут не разнюхать. А тут, здравствуйте, Пшик Моро, умащенный таким количеством дерьма, которое только можно навалить на пятнадцатилетку; как тот, кто ни дать ни взять только что выполз из болота.

Как тот, кого ищет Хук.

Ридженс Хук чувствовал себя дерымово — не прибавить, не отнять, так что он забил на страте-

гии в принципе и, взяв надувную лодку Карнахана, погнал вверх по реке на всех парах — то есть чертовски быстро, спасибо сотне или около лошадиных сил, прикрепленных к корме. Хуку лодка казалась ерундовой, а вот Карнахан бесконечно пел ей дифирамбы.

«Это жэ-эн-эл, констебль, — объяснял он. — Жестко-корпусная надувная лодка. Да эту малышку сам Посейдон бы не перевернул. Могу рассредоточить по ней тонну товара и все равно давать максимум узлов. Спецзаказ из Канады. Отправили поездом. Каково, а?»

Расфуфыренная динги, если спросить Хука, однако ему пришлось признать, что шла она как по маслу. Заводилась с полпинка и в охотку отзывалась на касание, не иначе симулировала.

«Как та парочка из клуба Айвори, которые ссутся, будто им в жизни лучше не бывало».

Та еще ночка выдалась.

Та еще.

Не то что эта. Хук понимал, что нужно найти тихий угол и со знанием дела разобраться, что, черт возьми, навлекло это цунами дерьяма ему на голову.

«Разберу этот вечер на части, как двигатель, прикину, где не складывается».

Но всё по плану.

И первым в этом самом плане было загнать чудо-лодку под крышу.

— Я тебя под нож пущу, — пообещал он лодке. — На ленточки порежу.

Имело смысл: криминалистика нынче продвинутая, плюс любой кадр отсюда и до Слайделла знал, кому эта лодка принадлежит.

Но Хук столкнулся с прозаическим препятствием — солнце уже прорвалось сквозь испанский мох, и совсем скоро он станет здоровяком на ярко-оранжевой надувной лодке посреди водной глади.

«Шериф в ежевечерний запой уйти не успеет, как я сидеть буду».

Так что единственным его вариантом было добраться до станции, пришвартоваться у ангаря, а потом не спеша разделать лодку.

«Кроме движков. Этих близняшек можно толкнуть за три штуки».

Хукова стоянка располагалась в слепом углу лодочной станции Пети-Бато, которой, как почти всем в этом городе, владел местный воротила-ушлепок, Боди Ирвин. Хук арендовал у Ирвина дальний ангар и установил туда собственные камеры с датчиками движения, которые мог проверять прямо с телефона.

— Да чтоб мне яйца прищемило! — выругался Хук. Теперь надо достать новый телефон и заново настроить все барахло. А у него, наверное, с двадцать сраных паролей и никакой нигде не записан.

«Надо было взять один из тех чехлов, — подумал он. — Пять баксов, и телефон лежал бы в водонепроницаемом конверте целехонький».

Ну, пролитое молоко и так далее. Этот телефонный мост лучше пересечь, когда встанет вопрос.

Хук подплыл к станции чуть медленнее обычного. В этих краях мужик не булькал мотором со скоростью черепахи, дудки! На подходе к пристани мужик предпочитал пропахать в болотной воде борозду, малость похвалившись мастерством управления. Местные больше всего на свете обожали сидеть на террасе бара и хохотать до усёру над тем, как лопухи-туристы крутятся по байу в арендованных аэроглиссерах, как сраные фрисби. Оказаться в той же категории Хуку не хотелось. Может, он и не местный, но сам тоже родился на болотах и знал, как поддать выхлопа, на какую посудину бы его ни потрудились забросить.

Но, правда, не этим утром. Сегодня Хук довольствовался плавным заходом, без лишней суеты. Он не хотел, чтобы народ отрывал взоры от кружек с кофе, гадая, что же так низко гудит большими подвесными движками, или опозориться, оцарив планшири незнакомого судна. Так что —тише едешь и все дела.

Ангаром звался простой причал со стенами, не более. На них висело немного инструментов и снастей, в углу треугольником встроились железные бочки. Может, нефть, может, ядерные отходы, почем знать? Довольно заурядная берлога для констебля с какой бы там ни было ставкой, которую могло ему платить управление крошечного городка. Хук радовался, что пригнал на позицию собственный «Шевроле Тахо», иначе ему б навязали городскую эко-«хонду». Кто, черт возьми, способен поддерживать хоть какой авторитет, разъезжая

в электрической «хонде»? Салоном владел мэр, и в этом заключалась проблемка. Мэр порядком злился, что Хук не стал колесить по городу в его клейменном гольф-багги, однако Риджэнс полагал, что не найдет ни одного контрабандиста, которому было бы откровенно не насытить, когда какой-то понаехавший тормознет рядом в машине с розеткой. Это ж посмешище. Потому Риджэнс гнул ту линию, что собственной тачкой экономит городу деньги. Оспорить это было сложно.

Хук пришвартовался и обнаружил, насколько ослабел — на пристань ему пришлось выкатываться.

— Что за черт? — пробормотал он. Куда это делись вся его силища?

А потом увидел опухшие костяшки и понял: «Бля, змея укусила».

За остальными ссадинами и общим безумием он этого даже не заметил. Зато сейчас вспомнил щитомордника, которому двинул.

«Видать, так просто, как думал, я не отделался».

Ну, по крайней мере, врезал он не специально. Помереть последним кретином было бы обидно.

Как приходскому констеблю, а до того патрульному офицеру прихода Сент-Таммани, Риджэнсу пришлось проходить не один, а два курса первой помощи; он попытался вспомнить особенности при различных обстоятельствах, но рассудок помутился, в нем оставалось только следующее: «За помощью. Во весь опор».

Прямо здесь не было никакого противоядия. Хук все собирался, и собирался, и так без конца,

но в любом случае, клиника была в парочке миль отсюда.

«Под каждым банановым листом сидят тарантулы, а у тебя противоядия ни хрена нет».

«В тачилу, — сказал он себе, — и ты что-нибудь придумаешь».

Невероятно оптимистичный план, однако Риджэнс был под действием яда, и прежде стадии угнетенности шел именно оптимизм.

«Всё будет в порядке», — подумал констебль, хотя, на самом деле, происходящее свидетельствовало об обратном.

Пикап Хука кое-как вырулил к дому Элоди Моро. Он располагался в полумиле, не больше, вниз по разъезженной, обрамленной соснами дороге — деревянная хибара с жестяной крышей; народ с более северным мировоззрением вообще с трудом верил, что такие еще сохранились со времен Гражданской войны. Хибара эта стояла одинокая, омываемая грязными водами и окруженная смерчем из стрекоз.

Констебль, должно быть, на мгновение вырубился за рулем, но его пробудила адская пульсирующая боль в костяшках, и он с неудовольствием и тревогой увидел, что правая рука раздулась до размеров бейсбольной перчатки. Хук потыкал раздутую руку пальцем. Кожа оказалась натянута, как воздушный шар, и наполнилась электричеством.

«Шутки кончились, Ридженс, мой мальчик, — сказал себе констебль. — Противоядие найдется у Элоди. Она ж медсестра, так что верняк?»

Ослиное упрямство вытащило Хука из пикапа на крыльцо, и он взобрался по ступенькам, опираясь на собственный лоб и прижимая больную руку к животу.

Показываться на глаза Элоди Моро вот так, в столь унизительном виде, было ужасно неприятно. Элоди Моро — единственная женщина, с которой он мог провести сколько угодно времени, не прибегая к насилию. Она примчалась в окружную больницу, когда ее кретин-сынок оттяпал себе палец, и чуть не задушила пацана любовью. Хук еще никогда не видел столь зашкаливающих в своей откровенности чувств на людях, тогда это вызвало у него неприязнь. Но потом он изменил мнение и оказался... тронут, что ли. А в последний раз Ридженс Хук был тронут ажно никогда, так что он положил на Элоди Моро глаз и поклялся, что сперва попытается добиться ее честными способами. Ну где-то с полгода.

«Честные способы», о которых он думал, не предполагали его явления с коркой из грязи и змеиным укусом, но куй железо, пока горячо, и тэ дэ.

«Только у меня ни куя, — подумал Хук. — Даже, мать его, лимона нет».

И еще:

«Бля. Надо б в дверь, это самое, постучать».

Как выяснилось, Хук уже достаточно настучал головой по двери, потому как она открылась и пе-

ред его глазами возникли кроксы Элоди Моро. Из этих кроксов торчали спортивные носки, их вид вызвал у Хука флэшбек с воспоминанием из старшей школы, и он выдал:

— Джессика Милтон носила спортивные носки. Подглядывал за Джесси через дырку в стене душевой. Тощая задница, огромные сиськи. Редкое сочетание.

Не то, с чего он бы начал разговор при обычных обстоятельствах, но к его счастью, Элоди заметила раздутую руку и мигом поняла, что происходит. Она помогла констеблю пройти в дом, попутно перепачкавшись грязью сама.

— Господи боже, констебль, — произнесла она, — у вас как с головой? Бродить с таким укусом?

— Укус, — согласился Хук, падая в единственное кресло. — Змеиный.

В задней комнате что-то стукнуло.

— Стук, — сказал Хук. — Стук?

Элоди с трудом взгромоздила его ноги на кофейный столик.

— Эверетт свалился из кровати. Дерется во сне с аллигатором или еще с кем.

«Эверетт? — подумал Хук. — Пшик?»

Что-то насчет мальчишки его настораживало, но размышлять сейчас не получалось, потому что сквозь туннель, открывшийся на потолке, к нему пришли кошмары. В этих кошмарах его отец вскинулся пылающее распятие, словно шприц, и сказал:

— Надо только ввести сыворотку. Она выведет из тела весь яд.

И Хук подумал: «Придется тебе найти распятие побольше».

Верн поднялся в небо, что в последнее время делал редко — из-за назойливых людышек и систем наблюдения. Эти прикованные к земле мудаки некогда умудрились извести без малого всех драконов, не имея при себе ничего, кроме арбалетов и злобных намерений, так что Верн не обольщался на предмет того, как быстро они завершат начатое, если дать им без помех прицелиться. По сути дела, со всеми нынешними технологиями, даже целиться-то особо не придется. Капитан Солдафон потратит секунду и пометит Верна лазером, а потом за ним вечность будет гоняться ракета «земля-воздух».

«Ну, значит в заплыв, Хайфаэр. Затаись».

«Нет, на заплыв нет времени. Время летит, значит, должен и ты».

Теперь Верн больше не наслаждался полетом как раньше, особенно на рассвете, потому что дракон никогда не знает, не воткнется ли боеголовка ему куда поглубже. Верн не сомневался, что детонацию он не переживет.

«Черт, да я вряд ли переживу и приличного размера бронебойный патрон», — мрачно подумал он.

И все-таки, из хорошего, река в рассветных лучах напоминала о славном времени, когда он

протаранил ту субмарину. В тот вечер вода стала красной.

«Счастливые деньки», — подумал Верн и широко раскинул крылья, чтобы поймать восходящие потоки.

Ситуация из серии «Уловки-22»: расправить крылья и стать целью покрупнее — или хлопать ими чаще и стать целью погромче. Обычно Верн предпочитал парить. В добротном скольжении по воздуху есть некое достоинство, и можно притвориться, будто он по-прежнему тот самый лорд Хайфаэр, что обозревает свои владения.

Он проследовал по ленивой излучине реки к ближайшему поселению Пети-Бато и вскоре заметил на воде, постепенно растворяющиеся, ленты пены. Эти ленты вели к рукаву, где пришвартовалась маленькая пирога, которая все еще покачивалась после недавней высадки.

«А вот, вполне вероятно, и мой мальчишка», — подумал Верн.

На лучший результат он и не надеялся. Юный Пшик имел совесть квартировать со стороны воды, и дракон мог попросту выдернуть сию человеческую занозу самостоятельно. Еще чуть в глубь суши, и пришлось бы об устраниении проблемы просить Ваксмена, а насчет некоторых вещей Ваксмен питал сомнения. Особенно насчет детей.

«Ты так любишь людей, женился бы на одной», — сказал ему как-то Верн много лет назад.

«А я и женился, — ответил Ваксмен. — Дважды. Первая была сущим ангелом, а вот вторая меня

чуть не прикончила. Бразильянка, очень уж пламенная, не в обиду тебе».

Но здесь, в запруде, таланты Ваксмена не потребуются. Этот его жуткий кожаный саквояж может и дальше скрываться под половицами. Когда Ваксмен его поднимал, саквояж и правда весьма зловеще лязгал содергимым. Даже стреляный воробей Верн слегка напрягался.

«Итак, давай-ка посмотрим, Хайфаэр», — подумал Верн, а потом обернулся крыльями и, сдвинув ноги вперед, рухнул вниз, словно по тросу.

Если это действительно постоянное обиталище мальчишки, то Верн попросту умыкнет его оттуда и дело с концом. Придется, конечно, глядеть в оба, вдруг взрывы привлекут ораву с факелами — или ее современный вариант.

«Факелы? — подумал Верн. — Да я почти скучаю по этому деръму».

Нынче факелы стали не нужны. Даже у типичной деревенщины в пикапе найдутся очки ночного видения — в комплект к законному полуавтомату.

Были времена, когда уложить дракона могла только даровитая и целеустремленная толпа человечков. А теперь — любой дурак с подходящим снарядом.

Верн приземлился на железные перила, изначально, наверное, V-образные и снятые с носа рыбакской лодки, а теперь прибитые под нужным углом к настилу. Верн опустил приблизительно половину веса и продолжал гулко взмахивать кры-

льями — на случай, если понадобится срочно сняться с места.

И, срань господня, даже окно оказалось открыто: с мальчишкой в кровати его разделяла лишь сетка от насекомых.

У драконов лучшее ночное зрение на земле, следовательно Верн с легкостью увидел, что мальчишка — это его мальчишка.

«Я за тобой слежу, девятипалый, — подумал дракон, — и ты ни черта не спишь. Прямо в кроватке, до сих пор весь по уши уделанный. Что-то мне подсказывает, столь скользкому персонажу не стоит болтаться по болоту».

Верн заметил оранжевый баллон бутана. Выглядел он так, будто его сняли с самого «Титаника», вот примерно такой древний; краска облупилась, обнажив металл, откуда-то торчал кусок резинового шланга.

«Как фитиль», — подумал Верн.

Наверняка этот баллон давным-давно пустовал, но если местный инспектор пожарного надзора установит очаг возгорания именно тут, значит, все — дело закрыто.

Вероятно, огонь — способ аккуратнее похищения.

Никаких тебе улик для исследования.

Никаких поисковых отрядов на реке.

Сопутствующие потери, может быть. Однако, с точки зрения Верна, такими сопутствующими потерями был весь его вид.

«Прости, малец», — подумал Верн второй раз за эту ночь и приоткрыл челюсти. Железы в глотке

брьзнули сернистой нефтью на моляры, и дракон поджег их щелчком зубов, служившим запалом.

Верн уже набрал воздуха для плевка, но этого пацана, Пшика, явно благословили боги или еще какое шаманство вуду, потому как ровно в этот момент где-то в полукилометре от них выскочила «скорая» с воющей сиреной и сверкающей мигалкой. Сирена, мать ее, орала так, что Верн едва различал рев двигателя.

— Ну это ли не тили-бом? — прошептал Верн фразу, слышавшую и старую, которую редко употреблял в обществе. Ваксмен однажды услышал, и от хохота на нем чуть вельветовый жилет не лопнул.

«Тили-бом? Ну бля, Верн! Мы тут не школу благородных девиц оканчиваем».

И тем не менее, выражение описывало ситуацию просто образцово-показательно, ведь «тили-бом, тили-бом» означало неожиданную суету, которую приближающаяся «скорая», без сомнений, вызывала.

— Жопа, — заключил Верн. — Полная жопа.

А «полная жопа» — выражение уже посовременнее.

Он ненавидел незаконченные дела, но «скорая» привлекала больше внимания в его сторону, чем ему хотелось бы, и солнце уже вовсю теснило тени.

— Пора убираться, Хайфаэр, — сказал Верн себе, когда «скорая» вырулила на дорогу, в направлении к дому Пшика.

Но сперва он должен отметить дом для Ваксмена. Стремный старый саквояж, видать, все-таки понадобится.

Верн с минуту подержал большой палец во рту, выдыхая на коготь пламя, потом вырезал на металлических перилах букву.

V

Метка дракона.

Типа противоположность крови агнца в Ветхом Завете.

«Все в этом жилище умрут».

— До скорого, Пшик, — произнес Верн и спиной вперед нырнул в реку.

Домой лучше добираться вплавь.

Пшик лежал на кровати, ожидая смерти, как вдруг оконная сетка хлопнула на ветру, и он увидел на перилах дракона — с глазами, какие бывают у кошки в свете фар. Не злыми, вовсе нет. Задумчивыми.

«Ох черт, я для него букашка, — подумал Пшик, жмурясь, чтобы спрятаться, как малыш от бабая. — Ох господи боженька, спаси».

Как будто боженьке не насрать на такого оболтуса.

Расслышав звук «скорой», Пшик открыл глаза и успел увидеть, как Верн сделал сальто с переворотом в реку. Без малейшего всплеска воды. Весьма чистый вход.

«Восемь целых пять десятых, — оценил Пшик и добавил, наверное, больше по существу: — Он знает, где я живу. И где мама».

Последний дракон

Пшик был помечен, и он это понимал.

«Я все исправлю, — подумал он. — Отверчусь от этого дракона».

Не та проблема, с которой по жизни доводится столкнуться большинству людей. Как правило, это самое большинство, встретив дракона, получает максимум пять секунд на раздумья — и все.

Глава 6

Пшик с удовольствием метнулся бы кабанчиком решать всю эту драконью проблему, но сперва нужно было позаботиться о других делах. Для начала, отмыться до кристально чистого олицетворения невинности в пятифутовом каджунском обличье. Потом уничтожить все свидетельства своего участия в драконьей истории, что было, по сути, дополнительным пунктом к первому делу. И в этом отношении Пшику подфартило — эпизод с рухнувшим у них на пороге Хуком вылился, прямо скажем, в погром основного периметра. Констебль катался туда-сюда и пускал слюни, наводя бардак покруче кучки накачавшихся конфетами карапузов.

Матушка отправилась с Хуком в больницу, задержавшись только чтобы бегло осмотреть Пшика.

«Черт бы побрал этого констебля, — шепнула она Пшику, на вид ошалевшему, что вполне сошло

за взвинченность после резкого пробуждения. — Он же чума для нашего прихода. Только выберусь из этого проклятого места, как опять туда идти. Так и не сняла форму. Позавтракай в “Жемчужине”, хорошо, милый?»

Пшик промямлил: «Хорошо, мама», и опустил голову на подушку, мол, буду-ка я дальше спать, что и делал всю ночь.

Но стоило врачам вынести Хука на носилках за порог, как Пшик вскочил и принялся ходить взад-вперед по комнате.

Вдруг на сегодня дракон от него не отстал.

Вдруг он вернется и сожжет весь дом вместе с Пшиком внутри.

Пшик не мог не думать, что сам это вроде как заслужил. Он постоянно совал нос не в свой вопрос, так что расплата неотвратимо маячила. Вселенная, и все такое. Если человек виляет задницей перед акулой, однажды эта акула сделает кусь. Особенно, если она дракон.

«Но не мама. Мама хорошая. Лучшая. Она только и делает, что обо мне заботится. Это я тут задницей виляю».

«Мисс Ингрэм назвала бы такое метафорой», — сказал он себе.

Пшика охватило наивное желание написать Чарльзу-младшему в Ривервью, но он все же решил, что лучше держать это в узком кругу. Чем меньше народу в курсе, тем меньше народу и пострадает.

Стоит ли рассказать полиции?

«Ага, валяй. Расскажи, что констебль Хук перерезал контрабандисту глотку, и его лицо сожрала черепаха, а сразу после этого тебя похитил дракон, повелитель аллигаторов».

Даже если удастся обойти констебля и попасть прямиком к шерифу в Сент-Таммани, кому он позвонит?

Охотникам за привидениями?

Нет, сэр.

Ридженсу, мать его, Хуку — вот кому.

«Нет, сынок. Держи-ка весь этот кошмар при себе. Хук ни хрена не знает, а с Верном можно разобраться».

«Главное — до заката».

Как только стемнеет, чешуйчатая зверюга притащит его жопу вверх по реке и завершит начатое.

Но проблема «А»: подчистить болотную грязьку, что может отвлечь от мыслей о проблеме «Б»: постараться не стать драконьим ужином.

Пшик включил бойлер и, дожидаясь горячей воды, стянул покрытое коркой шмотье и заодно белые с кровати, забил все это дело в мусорный мешок вместе с вязанным чехлом с кресла, который изгваздал Хук, и ковриком, на котором у констебля случился припадок.

Забросив мешок на крыльцо, Пшик честно прошелся шваброй по всей лачуге. Потом он потрогал бойлер, проверяя температуру, и полез мыться сам.

Отскребая грязь из всех щелей, он размышлял обо всей этой передряге с драконом и время от

времени щипал себя, чтобы напомнить: Верн вполне настоящий, и он вышел на охоту. При свете дня и в некотором оцепенении было слишком уж легко поверить, что чудовище — плод кошмарного сна, не более, но Пшик твердо вознамерился найти выход прежде, чем закат принесет с собой пламенное возмездие.

Ваксмен однажды посоветовал Пшику все время двигаться, ведь когда разум оживлен, тогда человеку и являются ответы.

«А эти лодыри, которые пялятся в окна, просто пялятся в окна. Они ни хера не решают», — говорил он.

Так что Пшик влез в свой второй комплект одежды — джинсы и черную футболку со срезанными рукавами, — закинул мешок с грязными вещами на плечо и направился в сторону гриль-бара «Жемчужина».

Пеший путь до бара занял меньше десяти минут. Весь приход Пети-Бато мог похвастаться чуть более, чем пятью сотнями домов, не считая множества лачуг, трейлеров и плавучих жилищ, разбросанных по периметру, словно сорняки. И как минимум пятая часть этих домов была заколочена досками. Мэр нынче выступал за смену названия; кое для населения было источником позора по причине непристойной двусмысленности, например, «пети бато дё пеш», как в давешние времена именовали женское междуножье.

По правде говоря, город был не совсем городом, а скорее деревней, или даже не вполне деревней, а скорее скоплением коммуникаций у гавани на реке Вест-Перл, неподалеку от федеральной автомагистрали. Даже своего съезда не было, только две мили времянки, которая вела сквозь болотные кипарисы к берегу.

Источником жизни города был Боди Ирвин: великолепный воротила, который умудрялся рулить в Пети-Бато баром, верфью, турами по болотам и стрельбищем. Кемпингом заведовала его сестра, Элеонора. Сам Боди нанимал большую часть местных, а в разгар туристического сезона даже привлекал рабочую силу из города покрупнее.

Пшик с легкостью добрался бы и за пять минут, ведь обычно передвигался целеустремленней, охотней так или иначе сделать быстрые деньги походкой. Однако сегодня, после столкновения с драконом, он решил обойти подальше троицу креольских коттеджей, служивших городу мэрией, ставкой констебля и автостоянкой. Чисто на случай, если Хук вдруг сполз с больничной койки и уже высматривает между пластинок жалюзи, не пройдет ли мимо какой-нибудь пацан с мешком болотной стирки.

А еще Пшик хотел без лишнего шума войти через черный ход бара, чтобы загрузить вещи в тамошнюю промышленную стиральную машину и, может, перехватить гриль-чиз с острым соусом,

пока Боди не заметил, что он типа тут, и готов к труду и обороне.

Пшик успел дважды укусить сэндвич, когда на пороге кухни возник Боди, похожий на беженца из трибюта «Грейтфул Дэд», с длинными седеющими волосами, стянутыми звездно-полосатой банданой.

— Как ты это дермо жрешь, сынок, не представляю, — произнес Боди. — Этот острый соус выжжет тебе всю слизистую, а столько сыра нехило забьет все трубы.

— Спасибо, мистер Ирвин, — отозвался Пшик. — Ценю кулинарный совет.

Боди фыркнул.

— Кулинарный, да щас. Мы тут не кулинарией занимаемся, пацан. А тем, чего могут захотеть туристы. Гумбо, раки, по-бои. Четыре вида фри. Крылышки, на крайняк. «Кулинарии» в меню не значится.

Пшик затолкал треугольник гриль-чиза в рот.

— Как скажете, мистер Ирвин. Что меня ждет сегодня?

А мысленно добавил: «Только не на реку, только не на реку».

И Боди будто дотянулся до его разума и выдернул оттуда мысль.

— Сегодня, — сказал владелец бара, — надо отправить тебя на реку. Прибыла водка для Ваксмена, метнись-ка к нему с ящиком.

И то, что было свежим хлебом, вдруг стало на вкус болотной жижей.

«А вот и жопа», — подумал Пшик, но вслух сказал:

— Так точно, мистер Ирвин. Только сгоняю за лодкой, мне б минут десять.

— Давай тридцать, — дал добро Боди. — Сперва поставь на полоскание машинку, вычисти барабано, которое оставил в барабане.

— Это констебль Хук устроил, — пояснил Пшик. — Явился этим утром, со змеиным укусом. Мама поехала с ним в Слайделл.

— Сыпал, — сказал Боди. — Твоя матушка постаралась так, как я б не стал. Можем только молиться, чтоб этот никчемный мудак не дожил до вечера.

— Аминь, — с чувством отозвался Пшик.

Верн поплыл в направлении ровно противоположном от Пети-Бато, или, точнее, от причала Моро, к плавучему дому Ваксмена на восточном берегу Вест-Перл, в миle или около по диагонали. Дом этот был проходного типа, десять футов шириной, наполовину стоящий в воде на кипарисовых пнях. Когда-то он, вероятно, был не болотного, а какого-нибудь другого цвета, но теперь казалось, что постройку со знанием дела замаскировали, хотя, на самом деле, она попросту ассилировалась. Верн часто замечал, что «жилище захапал, мать его, борг», на что Ваксмен всегда отвечал: «Мать их кто, говоришь?».

Ваксмен, в отличие от Верна, не был таким ценителем современных медиа. Он скорее находил удовольствие в чтиве.

«Слоняюсь туда-сюда, — говоривал Ваксмен. — Покуриваю дурь, а там, глядишь, сраной демоноящерице что-то опять понадобится. Драконий геморрой на мою задницу».

На что Верн обычно отвечал: «А ты вспомни, Ваксмен, где я тебя нашел. Я твой освободитель».

Ваксмен обычно не выбирался из гамака до самого вечера, выбирая для дел сумеречные часы, однако Верн счел ситуацию с Пшиком реально экстренной и хотел незамедлительно воспользоваться услугами опытного Ваксмена.

В заплыве не было ничего особенного. Верн увернулся от экскурсионного судна, вспорол рыболовную сеть, двинул наглому аллигатору — чисто слить досаду, — но спустя считаные минуты уже стряхивал речную воду у жилища Ваксмена.

Позади плавучего дома растянулся ярмарочный полосатый тент, который Ваксмен хранил в память о тяжелых временах. Тент остался нетронут общим оболочиванием жилища и сиял неподобающе ярко, одновременно окутывая все под собой глубокой тенью, которая вполне устраивала Верна в тех редких случаях, когда он чувствовал необходимость явиться лично, а не слать сообщение в ватсапе.

Ваксмен, как ни странно, не лежал в гамаке, а сидел на щербатом настиле в кресле-качалке, с АК-47 на костлявых коленях.

— Слыхал, как чот рвануло, — пояснил он. — Прикинул, или вспышка, или визит. Хвала богам: к подданному явился лорд Хайфаэр.

На Ваксмена определенно стоило посмотреть.

По всем законам природы, мужик с таким количеством морщин на физиономии должен отлевживаться в саркофаге или типа того, однако Ваксмен был жив и бодр. Особенно бодро он оттягивался. Но в старой псине была жизнь, и не мало. Он носил костюм из бархата а-ля черная пантера и большой котелок с петушиным пером, заткнутым за ленту. Лицо его когда-то могло быть любого цвета, но в конечном итоге стало по большей части серым, с черными линиями морщин, с небесно-голубыми глазами и белой бородой, вьющейся до алого шейного платка.

Народ, которому доводилось увидеть его вблизи, — а таких было негусто, — говорил, что кожа у Ваксмена как будто обожженная, ну так, словно в детстве слегка присмолили во время допроса с пристрастием, что довольно забавно, если учесть происхождение его биологического вида.

А именно: что-то вроде того, как во времена драконов — царей горы, они могли при случае скрещиваться с людьми. Для потомства сие добром, как правило, не кончалось. Дракончики рождались в комплекте с зубами, что не предвещало ничего хорошего для человеческой матери, а драконы каналы на выходе ломали человеческого ребенка. Посему большинство таких детей-мутантов даже не видели свет. Однако жизнь — штука

настырная, так что какой-нибудь мелкий выродок покрепче нет-нет да вылуплялся и выглядел при этом, как будто провел ночку в котле, а не в утробе, весь обожженный. В один прекрасный момент появились, так сказать, Адам и Ева, и дальше взялись за дело уже сами, породив гибридный вид, не-драконов и не-людей, которых не принимали ни в том, ни в другом мире.

Вот таким парнем и был Ваксмен: чистокровный представитель новой породы, цепкий как шиповник. В отношении возраста до Верна ему было далеко; он насчитывал сотни, не тысячелетия. Таких, как Ваксмен, китайцы называли «могвай», что-то вроде зловредных фейри. Но историю пишут победители, и у людей есть привычка рисовать себя исключительно добросердечными — даже когда все остальные болтаются на виселицах. И если спросить Ваксмена, он бы не назвал себя неоправданно жестоким. Он выживал, вот и все, и делал то, что должен.

Драконы и могваи бывало держались вместе, дабы избежать очередного изощренного способа убийства, уготованного им оравой людей на данном отрезке времени. Верн столкнулся с Ваксменом в начале шестидесятых годов двадцатого века, когда могвай отбывал кабальную повинность урода в цирковом поезде. Верн услыхал про Удивительного Тающего Человека и сообразил, что в рабстве у цирка могвай, а заиметь собеседника было бы весьма неплохо.

«Ну, маленькая операция по спасению, — подумал он. — Туда и сразу обратно. Ни спешки, ни суеты».

Спешки и суеты вышла уймища. Верн просчитался с нападением, сшиб с рельс дюжину вагонов, когда те пересекали мост Памп-Слаф, и отправил их поплавать в реку Перл.

«Спасатель херов, — частенько замечал Ваксмен. — Спину мне, чтоб ее, сломал».

Могвай тогда и правда, признавал Верн, попал как хрен в рукомойник — что было в те времена расхожей фразой. Спину Ваксмен таки сломал, но заживало все на нем, к счастью, просто феноминально.

«И я чуть не потонул», — дальше жалобился могвай.

Что тоже было правдой.

«Ключевое слово — чуть, — спорил Верн. — Я же выловил твой бестолковый зад из реки, так? Могу отправить обратно в цирк, если угодно. Если изредка выполнять для меня поручения слишком уж напряжно».

И Ваксмен, хмыкнув, говорил: «Не, ты еще не худший, Хайфаэр. Просто самый уродский».

Самое полезное качество Ваксмена, с точки зрения Верна — то, что могвай способен сойти за человека — странного как черт, но все же человека, поэтому и обитал он куда ниже по реке. И пока не снимал пиджак, держался на расстоянии и оплачивал счета, его никто не трогал. Разумеется, время от времени парочка старых добрых ребятишек

пытала судьбу, но у Ваксмена было куда больше пороха в пороховницах, чем можно подумать, да и оружие он поддерживал в надлежащем состоянии.

Например, АК-47, который лежал у него на коленях сейчас. Верн заметил палец на курке; используя чуткий слух по назначению, Ваксмен удостоверился, что гость не привел за собой хвост.

— Чисто, Верн, — заключил он наконец. — Насколько могу судить. Нынче эти глазастые мудилы наблюдают хоть черт-те откуда, не удивлюсь.

— Пошли в дом, — предложил Верн, встряхивая крылья. — Ни черта не расслаблюсь, пока солнце в спину светит.

— Какая, однако, жалость, — отозвался Ваксмен и качнулся в кресле, воспользовавшись инерцией, чтобы встать. — Думаешь, еще рано?

— Никогда не бывает рано, — сказал Верн и последовал за компаньоном в дом.

Настоящее имя Ваксмена затерялось в хитросплетениях времен. С тех пор он был известен как Уинкл, Блэкхуф, Сондерсонн, Роучфорд, Роуч и, наконец, Ваксмен. Добавлять к фамилии имя могвай не видел необходимости.

«Ваксмен есть только один», — всегда говорил он, на что Верн обычно отвечал: «Звучит как песня, братишка».

У Ваксмена была семья, где-то и когда-то, а может, и все еще. Но родных не осталось, все рас-

средоточились и бесследно исчезли — таков был план. Прицепились к дракону, если удалось, но их осталось не так много, и когда на него свалился Верн, Ваксмен уже был готов впасть в анабиоз.

«Бля, в жизни не видел зрелища лучше, чем когда ты, жиртрест, спустился с неба, хоть и раздробил мне гребаную спину».

Верн пропустил шпильку о жиртресте мимо ушей, и именно это стало началом прекрасной полувековой дружбы, и отсчет продолжался.

А еще имя «Ваксмен» ему подходило. К лицу, так сказать.

«Придает колорит, — пояснял он. — «Безумный Ваксмен» было б лучше или, может, «Жуткий Ваксмен», детишек отпугивать, но и просто «Ваксмен» тоже вполне сойдет. Я как обдолбанный Страшила, мать его, Рэдли для этих отсталых уродов».

По правде, Ваксмен действительно был жутким — или мог быть таковым, когда сего требовали обстоятельства. И иногда, когда раздражался. Большую же часть времени он был простым болотным жителем, обитающим в плавучем доме, отрезанным от цивилизации; многие старики так пропадали с радаров. Держался, в основном, сам по себе. С лицом что-то не так, но кому до этого дело, пока он оплачивал счета? За эти годы не раз случалось, что какие-нибудь лодочники проявляли человеческую сущность, пытаясь захватить Ваксменовский клочок земли — и тогда могвай доставал свой саквояж.

Жутковатый саквояж с острыми штуками и закупоренными бутылочками.

Не было ни одного человека, который бы, увидев его, выжил, чтобы о нем рассказать. И Верн частенько ёжился при мысли, что из этого саквояжа извлекут что-нибудь и с его именем. А там, в утробе из фиолетового шелка, явно скрывалось нечто, сваренное лично для него.

Верн сложил крылья и нырнул в дверь. Внутри плавучего дома обстановка была куда приятнее. Ваксмен любил удобства, пусть и не привлекал к этому факту внимания. Единственными, кто об этом знал, были Верн и Боди Ирвин, заказывавший ему антиквариат и часто завозивший такие покупки на экскурсионном крейсере, если по причине их громоздкости доставка курьером была невозможна.

Ковры по всему полу, в основном североафриканские, лежащие внахлест. Цветной покров из сплетений текстур. Стены, накачанные пеноматериалом, славный тихий генератор «Хонда», подающий электричество, когда иссякают солнечные батареи на крыше. В то время как Верн пришиплил на верхушку дерева тарелку и развлекался кабельным, у Ваксмена были книги: полки тянулись вдоль трех стен, и пустовали только самые нижние, на случай сырости или грозы — тактический прием, усвоенный благодаря горькому опыту, а самой болезненной потерей было залитое водой первое издание «Улисса». Ирландская версия.

Верн глумился: «Ирландский «Улисс»? Я б за это дермо и десятки баксов не отдал. Тебя развели, Вакс. Улисс — это был греческий хер».

Это чуть не положило конец их симбиозу.

Но Ваксмен перетерпел.

«Вот скажи, Хайфаэр, как может дракон быть настолько старым и настолько же дремучим?»

Диалог этот привел к раздражению обеих сторон, но в итоге они забили. Выбора-то нет. Что им тут еще, черт возьми, поделать?

Из-за эпизода с «Улиссом» в доме теперь постоянно работали целых два осушителя и кондер, притаившийся в углу. Еще была кровать из черного дерева весьма внушительных размеров и «тропический» душ, которому Верн завидовал, хоть и обстебывал.

— Следи тут за всем барахлом, когда я слягу, — сказал Ваксмен. — Особенно за книгами. Случится что с моим Фолкнером, и все, последний гвоздь в крышку гроба, если ты понимаешь, о чем я.

Верн уселся в бархатное кресло, где под задницей был заботливо сделан удобный выпил для хвоста.

— Ты ж не скоро собрался?

Ваксмен выудил из шкафчика бутыль отменного ирландского виски.

— Может, и скоро. Шкурой эту дрянь чую.

Верн взял из его рук наполненный стакан.

— Шкурой? Черта с два. Ты тут у меня в мистики заделался, что ли?

— Не-е, — отмахнулся Ваксмен, принюхавшись к напитку, — кожа вся чешется. Сам посмотри, Хайфаэр. Я весь серый, как барсучья жопа. Этой коже пора сходить. Могу показать, если страстно желаешь подробностей.

Верн осушил стакан одним глотком.

— Воздержусь, пожалуй. Твоей рожи и так хватает.

— Взаимно, — согласился могвай. — Суть в том, что свербит уже выше среднего, а значит скоро придется прилечь в земельку.

— Бля, Вакс. Когда?

— Как только, так сразу. Когда порешаем все вопросы. Начнем с того, что тебя сегодня привело.

Новость Верна не слишком обрадовала.

— Ну брось, Вакс, разве нет способа как-нибудь обойтись?

Могвай хохотнул.

— Ага, Хайфаэр. Ща брякну матушке-природе, попрошу подстегнуть эволюцию. Для такого древнего ублюдка ты что-то чересчур тупой.

Верн заглотил вторую порцию и нахмурился.

— Если уж пьем вискарь, то ты знаешь, я предпочитаю скотч.

— Извини, — ответил могвай, выдавая ложь ухмылкой, — у меня только ирландский. Как «Улисс».

Верн, скрестив ноги, уставился сквозь золотистую поволоку внутри стакана на мергелевые оттенки коврика. Покрутил граненое стекло, словно эдакий калейдоскоп.

— Мне нужен саквояж.

Ваксмен вздохнул так глубоко, что до того самого саквояжа достало.

— Брось, Хайфаэр. Мне вот он уже давным-давно не нужен. Старость, все дела. Никого убивать уже ни черта не хочется. Хочешь кого прикончить — давай-ка сам. Раньше с этим проблем не бывало.

— Тут другое дело. Нужно прикончить одного парнишку. Человека, если так твоей совести спокойней.

— Спокойней, но ненамного. По правде сказать, надоело мне весь мир ненавидеть. Слишком уж напрягает.

— Знаю, — отозвался Верн. — Даже Айс Кьюб нет-нет да улыбнется. Но меня увидели, Вакс. Вблизи. Как летаю, треплюсь, все такое.

— И что человек? Ты его упустил?

— Аллигатор, мать его. Вломился права качать. Только я отвлекся, как человек — мальчишка — шасть в окно. Храбрый паршивец, ничего не скажешь.

Ваксмен оживился.

— Храбрый паршивец, говоришь? А имя у него есть?

— Есть-есть. Дебильное.

Называть его дракону не понадобилось.

— Аж под ложечкой засосало, — произнес Ваксмен. — Пшик Моро, я прав?

Теперь оживился уже Верн.

— Правее некуда, Вакс. Эта твоя ложечка удивительно, мать ее, чувствительная.

— Не, — отмахнулся могвай. — Я просто знаком с Пшиком, и все.

— Знаком? Это же не повод все портить? Ты же помнишь наше соглашение.

Ваксмен прочесал бороду пальцами.

— Помню, Верн. Или мы, или они, верно?

— Да, черт возьми. Как было всегда. Разъяренную толпу от нашей двери отделяет всего-то один болтливый пацан.

— Дело, Хайфаэр, в том, — произнес Ваксмен медленно, — что этот малец, Пшик, не то чтобы болтает.

Верн фыркнул.

— А как завидел драконье пламя, так наболтал предостаточно. Весь такой заинтересовался, пальцы показывал, вся херня.

Ваксмен так улыбнулся, что кто-нибудь внимательный мог бы разглядеть второй ряд зубов, скрытый за первым.

— Ага, Пшик умеет пустить пыль в глаза.

— Ты тут что, размяк? — поинтересовался Верн, слегка удивленный отношением Ваксмена. — В человеколюбы заделался?

— Никого я не люблю, — ответил Ваксмен, — даже твою жопу чешуйчатую. Но Пшик — особый случай. По заслугам.

— Какого рожна ты несешь, Вакс? Каким заслугам? Ты чего это, кинуть меня удумал?

— Угомонись, Хайфаэр, — произнес Ваксмен, а потом и вовсе шикнул на дракона.

Шикать на Верна было бесполезно.

— Угомонись! Забыл клетку, в которой я тебя нашел? Посмотри на себя, Вакс. Весь обмурчался над пацаном.

— Ну, ты погляди, — хлопнул в ладони Ваксмен. — Хайфаэр в шоке. Что там у вас случилось?

— Херня, — ответил Верн. — Херня случилась. Взрывы. Тонущие лодки. Полный джентельменский набор. Я или замну это дельце, Вакс, или свалю. Не то чтобы мне тут офигенно нравилось, но так-то мне нигде не нравится.

— И этот мальчик, Пшик? Единственный выход?

— Как вижу. Если у тебя, конечно, не завалялось в рукаве козыря.

Ваксмен вздохнул.

— Ну не хочется мне, Хайфаэр. Мальчик делает для меня то, что я для тебя, если улавливаешь. Держит меня в цепи поставок. Да и хороший он, пацан этот. Смышленый. Не стукачок.

— Ага, — фыркнул Верн, — никто не стукачок, пока ко мне не приглядится. Мелкий жопошник уже, думаю, и настучал. Единственное, на реке он нарвался на констебля Хука, так что, возможно, к стражам порядка и не побежит.

— А давай я грохну Хука? — оживился Ваксмен. — Подсуетчусь как нефиг-нафиг. Как раз есть склянка для этого мудака.

Верн качнул головой.

— Хук видел разве что, как его же зад полыхает. Будет держаться подальше.

— Ты не знаешь Хука. От него жди проблем. Смердит ими за милю.

— Вот пусть за милю и остается.

Ваксмен взялся за края котелка обеими руками и, аккуратно сняв, устроил его у себя на коленях, как домашнюю кошку.

— Значит, нацелился на мальца?

— Не вижу выхода. Отметил для тебя его жилище. Там у настила такие железные перила. Давай быстрее, мой тебе совет. Пока пацан не нашептал там всякого дружочкам.

Ваксмен погладил шляпу, что было откровенно стремной привычкой.

— Драконы метки не нужны, Хайфаэр. Через полчасика или около того пацан сам явится сюда.

Верн поймал себя одновременно на восхищении и тревоге.

— Сюда? Удобно, ничего не скажешь. Надо бы мне в темпе вальса катиться, пока ты тут делом займешься.

Могвай хохотнул.

— Нет уж, сэр. Верно, что Ваксмен бродит там, куда тебе дорога заказана, но раз уж ты сам явился не запылился, думаю, сможешь пересидеть маленечко и сам со своим грязным дельцем разберешься.

— Да брось, Вакс. Мне надо убраться. За исчезновение людей у нас отвечаешь ты.

Могвай призадумался.

— Я об этом размышлял. Люди, драконы, могваи — нет плохих видов, нет хороших. Не ты ли мне постоянно твердишь, каким сучарой был твой брат?

— А он и был сучарой, — пылко подтвердил Верн, в секунду вспомнив, как Джубел, нависая, размазывал ему по лицу свиные кишки.

— Три тысячи лет, а тебя все никак не отпустит. Но я к тому, что все мы — души. Есть души хорошие, есть плохие. Мальчишка Пшик болтается где-то посередке, но я верю, что клонится он все-таки к добру. Так что если хочешь его убрать, вопреки моему совету, то разделывайся с ним сам.

Верн сощурился, прикидывая. Могвай столь конкретными советами не разбрасывался. Пустая болтовня — вот тебе и вся глубокомысленность ток-шоу «У Ваксмена». Верн привык раздумывать над любой относительно философской мыслью, которую слышал от друга, но сейчас не было ни времени размышлять, ни места строить теории о душах. От мальчишки нужно избавиться — такова голая до костей правда.

Верн подумал, не надавить ли авторитетом, но, честно говоря, весь могвайско-драконий договор относился скорее к категории равностороннего партнерства, и винить Ваксмена за то, что тот с подозрением отнесся к заданию, он не мог. Такое больше не в его характере. У могвайя, разумеется, был его саквояж с сюрпризами, но открывать его без крайней необходимости не доставляло удовольствия. И Ваксмен обозначил грань: дети любого вида. Можно, конечно, поспорить, что этот пацан Моро уже не совсем ребенок, но и не то чтобы взрослый.

— На уступки ты, думаю, тут не пойдешь? — спросил Верн.

— Не-а, — подтвердил Ваксмен, пропуская перо на котелке через пальцы, как поглаживал бы крохотную птичку.

— Лады, прикончу пацана сам, а ты и дальше гладь свою шляпу. Что, кстати, смотрится охренеть как жутко.

— Лучше гладить шляпу, чем убивать детишек, — отозвался Ваксмен, и в его словах таки была доля логики.

На реке Пшик чувствовал себя котом, что пробирается через псарню. Течение тянуло пирогу за остов, но та бежала по ряби, легкая, словно листок, и взрезала поток крошечными прыжками. В любой другой день Пшик наверняка наслаждался бы теплом солнечных лучей на лице и перспективой провести часик со стариком Ваксменом, который никогда не отказывался пропустить пивка под сигарету в тени своего циркового тента; однако сегодня он изнывал от жары и осознания, что драконы умеют плавать, а кругом-то вода.

«Драконы умеют плавать? — думал он. — Видит бог, экая ж несправедливость, и плавать, и летать? Разве у простого парня есть вообще шанс против таких способностей?»

На реке кипела жизнь — ничто, конечно, по сравнению с портом Нового Орлеана, но по меркам прихода Сент-Таммани стоял самый разгар

часа пик, и туристические кораблики выходили на дневную смену, по самые планшири груженные народом, которому зудело хоть мельком увидеть легендарное чудовище Хани-Айленда.

«Я б им рассказал, — думал Пшик. — Что чудовище оғигеть как реально, вот только квартирует не на Хани-Айленде».

А ведь эти кораблики — его спасение, вдруг сообразил он. Верн выживал затворничеством, наверняка ж дракону совсем не захочется выныривать, когда на реке столько жаждущих камер. Потому Пшик шел зигзагообразным курсом, подбираясь поближе к этим кораблям, мол, такой коренной мальчик-каджун, готовый сверкнуть туристам радужной бедняцкой улыбкой. Путь занял кучу времени, однако Пшик решил, что все равно особо не спешит, а корабли уберегут его от драконьего удара.

«Драконий удар. Представить только, а ведь это реальная штука. Знал бы Чарльз-младший, в штаны бы наделал».

И Пшик не преувеличивал. Чарльз-младший уже однажды наделал в штаны, в седьмом классе, когда к нему подкрался какой-то мудак в клоунской маске. И ходил бы он с обгаженной репутацией по сей день, если бы Ваксмен через Пшика не посоветовал ему забраться на стол в столовке, спустить джинсы и подтвердить слухи о громадном члене. Как и предсказывал Ваксмен, карта с членом запросто бьет карту с труселями.

Нескоро, но в конце концов впереди показался плавучий дом Ваксмена, вздымающийся над рекой, словно часть кипарисового леса, замаскированный весь, кроме круглого тента. Пшик однажды приплыл к Ваксмену, когда у того в бутылке «Джеймсона» оставалось уже ниже этикетки, и кое-что узнал. Во-первых, этот болотный житель не особо жаловал водку, и во-вторых, циркачей он не любил еще больше, чем прозрачный алкоголь.

Старик Ваксмен не углублялся в пояснения, и Пшику оставалось только гадать, на кой же ляд он каждые две недели доставляет к его жилищу по ящику «Абсолюта».

«Для того, кто не любит водку, глушит он ее прилично».

Привязывая пирогу, Пшик вдруг сообразил, что Ваксмен, вероятно, как раз и сможет дать ему совет относительно ситуации с драконом. В городке поговаривали, что Ваксмену почти сотня лет. Видит бог, нельзя прожить на воде так долго и не пронюхать о драконе, живущем вниз по течению.

«Может, у старика Ваксмена в этом его бархатном рукаве завалается пара козырей».

Пшик выволок ящик «Абсолюта» из лодки и забросил на настил. Ящик звякнул стеклом.

— Ваксмен! — позвал Пшик, громко объявляя о своем прибытии. В байу не принято подкрадываться. Коэффициент оружия на человека тут раз в пять превышал среднестатистическое по стране, а коэффициент выстрелов из собственного оружия был и того больше.

— Это я, ваш Пшик Моро. С ящиком русской алкашки.

— Заноси, мальчик, — донесся из дома голос Ваксмена.

Звучал он не то чтобы обычно. Может, кислота, которая выжгла ему лицо, теперь всосалась и в голосовые связки. Ваксмен разговаривал, как давний блюзовый певец, который шестьдесят лет провел по прокуренным барам и хрипел, как бешеный пес. Пшику нравилось его слушать; сидеть рядом, пока Ваксмен рассказывает о прошлом, о всякой херне, которая творилась, когда у замков были бойницы, а на битву шли с честными топорами. Жуткие истории, но слушать их все равно клево.

— Иду, Ваксмен, — отозвался Пшик и вместо того, чтобы нести синий пластиковый ящик на горбу, поволок его по отполированным за долгие годы доскам.

По-хорошему Пшик сказал бы «мистер Ваксмен» или «сэр», как вышколила его матушка, однако старик плевать хотел на все формальности: «Просто «Ваксмен», малец, если ты, конечно, не хочешь называть меня «Красавчик Ваксмен», а значит, врешь».

Так что — просто-напросто «Ваксмен».

Пшик сдвинул сетку и втолкнул ящик через порог носком «конверса». Потом вздохнул, да так тяжко, словно совершил подвиги Геракла.

— На месте, Ваксмен. Ящик «Абсолюта», без добавок и красителей. Ух, да это ж почти здоровый напиток.

Ваксмен сидел в кресле с высокой спинкой, которое, по словам Боди Ирвина, он доставил из Англии, где в далекие времена его, возможно, согревала пятой точкой сама королева.

Пшик поднял ящик и отнес на середину комнаты, осторожно переступая стыки ковров. Брякнул его на маленький круглый столик, на вид неправильно установленный, как будто ножка слегка не на месте. На первый взгляд казалось, что этой тяжести ему не выдержать, но в результате он всегда справлялся с задачей.

— Вам бы заглянуть в бар как-нибудь в субботу, — сказал Пшик. — Вдруг придется по душе.

Ваксмен выдвинул нижнюю губу и покачал головой.

— Я не фанат рода людского, сынок. За определенными исключениями.

— Среди этих исключений есть и я, надеюсь.

— Одно — ты, второе — Боди. Ты-то мне вполне по душе, а вот компанейским парнем я становиться не собираюсь, без обид.

— Никаких обид. Рад быть по душе.

Ваксмен поерзal в кресле.

— Иногда быть по душе недостаточно, Пшик.

— Достаточно, когда такое тебе выпадает очень уж нечасто. За всю жизнь я пока собрал три «по душе» и одну «любовь». Так что мне предостаточно.

— Побольше, чем у меня, — признал Ваксмен.

— В этой связи, — произнес Пшик, опускаясь в странное кресло с дыркой под задницей — мед-

ленно, на случай, если Ваксмен не в настроении для болтовни, — может, у вас найдется совет по поводу одной моей проблемки.

Ваксмен нахмурился. Он очевидно не хотел иметь с проблемкой Пшика ни хрена общего, но потом мельком глянул через плечо на тени и как будто передумал.

— Ну, может, и найдется, сынок. Может, и найдется, раз уж на то пошло. Ваксмен все повидал, а что не видал, о том рискнет догадаться. Так вот, давай-ка тогда, выкладывай.

Получив разрешение говорить прямо, Пшик на минуту засомневался.

— Она странная, Ваксмен.

— Похоже того Чарльза-младшего и обгаженных штанишек?

— Должен сказать, да. Куда хуже. Собственные штанишки чуть не обгадил.

— Черт, малец. А теперь заинтриговал. Выкладывай и красок не жалей.

Пшик несколько раз коротко вдохнул, будто готовился нырнуть в ледяную воду, а потом вывалил всю историю: Хук, Карнахан, жрущая лица черепаха и, разумеется, дракон Верн.

Когда рассказ подошел к концу, Ваксмен обмяк в кресле.

— Ну, малец, хорошо как все обрисовал. Спокойно, без запинки. Ночка у тебя, конечно, выдалась та еще.

Пшик кивнул, мол, так оно и было.

— И напасти продолжаются.

Утверждение, не вопрос.

— Если до тебя не доберется этот дракон, Хук-то наверняка достанет.

Распереживаться из-за констебля Пшик так и не успел.

— Наверное, но с больничной койки Хук никого не достанет. А вот этот Верн меня беспокоит.

Ваксмен покрутил кончик бороды.

— Звучит разумно.

Пшик вдруг понял, что его не послали и не высмеяли.

— То есть вы мне верите?

Ваксмен криво усмехнулся.

— Насчет жрущей лица черепахи не уверен.

Притянуто за уши, как по мне.

— Но дракон?

— А, этот? Еще б, старый хрен давным-давно тут обитает. Чудовище Хани-Айленда. Только ни хрена он не на Хани-Айленде. И не обычное чудовище.

— Точно, — согласился Пшик, чувствуя себя малость получше просто от того, что ему поверили. — Он дракон.

— Знаю, — продолжил Ваксмен. — Эта сволочь старше самой реки.

Все это было, конечно, прекрасно — с точки зрения подтвержденных опасений, но Пшик нуждался в решении.

— Так что мне делать, Ваксмен? Видимо, только бежать из страны.

— Кому-нибудь рассказал?

Пшик закатил глаза.

— Рассказал? Кому мне рассказывать-то? Копам? Только в камере окажусь, а там меня в легкую и поимеет Хук. Маме? Ей и так переживаний хватает. Считает, что меня ранит отсутствие папки. А еще, если она узнает правду, этот Верн может прикончить всю семью.

— А Чарльз-младший? Мистер Член?

— Чарльз не то чтобы трезво смотрит на мир. На прошлой неделе клялся, что ночами блядует в Новом Орлеане. Не стану доверять ему важные сведения. Вы первый и единственный, кто слышал мою историю.

— Хорошо, — заключил Ваксмен. — С таким раскладом, думаю, можно и поторговаться.

— Торговаться? Не похоже, что дракон передумает.

Ваксмен поразмыслил, а потом заговорил — как будто чуть громче необходимого:

— Знаешь, пацан, я и правда слыхал, что драконы — злобные малые. Уродливые как твари, вдобавок.

Для подобного рода наблюдений Пшик был слишком перепуган.

— А мне показалось, что этот Верн весь такой типа благородный. А еще здоровенный как черт. Как баскетболист. Видали б вы, как он аллигаторов построил. Черт, это ж выше невозможно, как по мне.

— Какая жалость, что мистер Благородство хочет тебя сжечь, а?

— Ага, — согласился Пшик, упав духом. — Если б только передумал. И я даже никому ничего не скажу.

— Вот, что я слыхал, — продолжил вещать Ваксмен. — Драконы любят свою развлечуху — кабельное и так далее. Любят пойло, «Принглс», эдакие привереды. Так вот, стремный как черт дракон вряд ли может метнуться в город с горстью баксов в когтях, а значит ему нужен посредник — как, собственно, ты посредничаешь для меня.

Пшик тут же ухватился за эту идею, страстно желая найти выход из своего бедственного положения.

— Ага! Как Ренфилд с Дракулой. Вдруг Верну понадобится такой Ренфилд. Да я ему хоть все байу отренфилджу. Гоняю же с доставками для Боди Ирвина, а тут-то в чем разница будет. Все, что дракон пожелает.

Ваксмен широко усмехнулся, и на мгновение Пшику показалось, что за его зубами что-то мелькнуло — что-то вроде второго ряда зубов.

— Как-то многовато раз ты повторил про Ренфилда, малец. Насколько помню текст, Ренфилд был убогим стариканом. Думаю, для Верна посредник — это скорее подельник, а не полудурок-жукоед.

— Ага, — кивнул Пшик, — заявиться типа как на равных. Типа, как имею ценность.

— Типа как у тебя есть предложение, от которого невозможно отказаться, — произнес Ваксмен. — Хотя Верн бывает упрямым барапом.

Стоило Ваксмену произнести имя дракона второй раз, как в голове Пшика что-то щелкнуло; он уставился на бутылки с водкой, маленько потерявшиесь в смазанных красках, что отражались в стекле, пока ждал, что там догадливое подсознание сейчас выплюнет на поверхность. Нечто, связанное с водкой — тут Пшик не сомневался. Сия крупица осознания была крепка, словно стекло «Абсолюта», а вот остальное скрывалось темными клубами дыма и ужаса.

Водка.

«Верн бывает упрямым бараном».

Пшик сложил два плюс два, и кровь отхлынула от лица. Ваксмен знал характер дракона. Ваксмен знаком с драконом лично.

«Ваксмен — посредник. Ваксмен — Ренфилд».

И еще:

«В целом, я угодил прямиком в драконье логово».

На Пшика вдруг накатила такая усталость, что даже голову не поднять, в лицо неминуемой судьбе не взглянуть.

— Угу, — подал голос Ваксмен, — вот и оно. Думаю, припомнил, где недавно видел водку. И сообразил, откуда я знаю, что Верн упрямый.

— Думаю, — проговорил Пшик, — вы — Ренфилд.

Ваксмен позволил себе не согласиться.

— Смотри иначе. Мы партнеры. Мы помогаем друг другу.

Пшика все сильнее накрывал ужас. Его руки повисли, и он мог лишь на них смотреть.

— Друг другу, — отрешенно повторил он. — Точняк.

— Точняк, — сказал Ваксмен. — Точняк же, Верн?

Пшик расслышал, как открылась дверь ванной, и в гостиную кто-то шагнул.

«Угадай с трех раз», — подумал Пшик и закрыл глаза.

Верн сердито вышел из ванной.

— На кой ляд ты всю эту херню несешь? — поинтересовался он.

Ваксмен изобразил невинность.

— Какую херню? Просто потрепался с мальцом. Подрасслабил его.

Верн не повелся.

— Не-а, Вакс. Ты воду мутишь. Воду мутишь и мысли внушаешь, вот что ты делаешь.

Верн не сводил злобного взгляда с Пшика. Пачан, казалось, впал в ступор, но такую уловку он уже проворачивал, а сам ушмыгнул в окно, как только появилась возможность.

«Дважды на те же грабли», — подумал Верн.

— И какие это мысли я внушаю?

Верн ткнул в могвай когтистым пальцем.

— Какие мысли, Вакс? Какие?! Как насчет той, где Пшик займется твоими делами, когда ты в землю приляжешь? Как тебе такая мысль?

Ваксмен широко ухмыльнулся, показывая ряды зубов.

— Слушай, Хайфаэр, а ведь неплохая идея. Сам придумал?

— Иди на хер, — огрызнулся Верн, а потом обхватил голову Пшика огромной ладонью легче, чем «Глобтроттер» — баскетбольный мяч. — Ща сам разберусь, дай минутку.

Пацан сперва напрягся, но затем обмяк, утратив боевой дух.

«Гребаный Ваксмен, — подумал дракон раздраженно. — Мутит и внушает».

Он запрокинул Пшику голову и ткнул напичканными серой ноздрями прямо в лицо.

«Поспи, малец, — подумал он, — пока я тут бардак разгребу».

— Ловко, — прокомментировал Ваксмен, когда отправленный Пшик мгновенно провалился в забытье.

— Ага, — отозвался Верн. — Люди не выдерживают драконий дых. Он их вырубает. Просыпаются потом маленько тупее, но тут сложно сказать на-верняка.

Верн выволок Пшика из кресла и просунул хвост в прорезанную в поролоне дыру.

— Ладно, Вакс, — сказал дракон, стащив из ящика бутыль «Абсолюта». — Докажи свою правоту, дружок, но предупреждаю, скормить мне ее будет нелегко.

Ваксмен подобрался, переместив котелок на низкий столик у ситцевой лампы.

— Надоела эта лампа, — заметил он, пока раскладывал мысли по полочкам.

Верн хлебнул водки прямо из горла, что, он был уверен, вызовет раздражение у домовитого могвая.

— Хорошее начало. Уже чувствую, как проникаюсь.

— Короче, кончай пороть херню, Хайфаэр, — отрезал Ваксмен, поднимаясь. — Вот, как я все вижу. Мы оба в невыгодном положении, потому как нуждаемся в посреднике. У меня есть Пшик, у тебя есть я.

— Пока поддерживаю.

— Проблема заключается в том, что я скоро слягу, и ты окажешься в глубокой жопе.

— Тебе точно надо слечь? Не можешь забить на цикл?

— Ну конечно, я могу забить на цикл, и к весне сяду в коляску. Старику надо удобриться, Хайфаэр, причем скоро. Я и так откладывал ради тебя, и эти кости, знаешь ли, устали.

— И как же скоро?

— Вчера, — ответил Ваксмен. — И годика, думаю, на три.

Верн охнулся.

— Три гребаных года? Ты это не просто так говоришь?

— Нет, не просто говорю, — рявкнул Ваксмен. — У меня волосы клоками валятся и кожа с жопы облезает. Хошь посмотреть?

Верн вздохнул.

— День выдался долгим, Вакс. Никаких претензий к твоей жопе, но смотреть я не хочу.

— Значит, берем пацана в дело, — заключил Ваксмен. — Он присматривает за мной, пока я слягу, и берет на себя мои обязанности, которые касаются тебя.

— Вот так просто?

— Ага.

— Человеческий фамильяр?

— Я тебе не фамильяр, Хайфаэр, мы об этом говорили.

— Ага, но человек по твоему тарифу не пройдет.

Ваксмен взвесил его слова.

— Хорошо. Человеческий фамильяр.

— У нас были человеческие фамильяры, в гнездовые. Вспомни, чем кончилось.

Верн помолчал. Это был переломный момент, в его представлении. Тысяча лет — и ничего хорошего с людьми не вышло. Пусть Ваксмен от этого отбрехивается.

Могвай сложил пальцы домиком, и Верн почуял, что на подходе целый спич.

— Верн, в былом лорд Хайфаэр. Чем старше становлюсь, тем больше убеждаюсь, что мы всего-то души. Всего-то души в разных тела. Человеческих, драконьих, могвайских. Собственно, сосуды. Некоторые души мудацкие, другие — нет. Пусть, возможно, кажется, что количество мудаков-человеков стремится к бесконечности, но это только процентное соотношение. И я уверен, что конкретно этот мальчишка — хорошая душа. В гряз-

ные дела не лезет. Заботится о матушке. И будет хоть деръмо лопатой грести отсюда и до обеда, если придется, а придется непременно. Еще ему нравятся годные истории, а ты обожаешь с шиком повествовать.

Верн кивнул, допуская, что и в самом деле любит травить байки, но кивок вышел эдаким рассеянным, будто бы он обмозговывал уже вторую за день ваксменовскую теорию о душах. Может, друг все же размяк больше, чем Верн подозревал. Может, на то указывали все признаки, а Верн-то ни черта не просек.

— А вернись-ка к предыдущему пункту, — попросил дракон, чтобы дать себе маленький перекур. — Тебе серьезно нужна вся эта херня, чтобы вылезти из ямы с улыбкой на роже?

— Если я тебе нужен задорным как черт — разумеется.

— Дичь, — отозвался Верн. — Я и сам, знаешь ли, не желторотик. Трубы забиваются.

— Ешь клетчатку, — посоветовал Ваксмен. — Помню, что ты нынче по белку, но эта штука взбодрит.

— Может, к другой херне вернемся? Которую ты мне тут капитально втюхиваешь.

Ваксмен вошел обратно в свою колею.

— Так вот, в перспективе, чем мы тут занимаемся, так это убираем из цепи звено. Делаем цепь крепче.

- Если это звено — не лживый кусок человеческого отребья, которое бежит в газеты с рассказами про драконов, — возразил Верн.
 - Значит, примем меры, чтобы этого не произошло, — продолжил Ваксмен.
 - Какие меры?
 - Расскажем горькую правду.
 - Это какую именно горькую правду, Вакс?
- Черные глаза могвайя заблестели, словно отполированные водой камни.
- Горькую правду, что он уже умирает.

Пшик давно пришел в себя, но глаза не открыли, что было скорее привычкой, чем хитрым планом, и подслушивал пару фрагментов спора между Верном и Ваксменом о его судьбе. Сперва он подумал, что где-то включен телик, идет сериал про гангстеров с элементами сверхъестественного. Однако, довольно скоро лимбическая система нашептала двигательной, что лучше бы убраться отсюда к чертовой матери, потому как тут дракон устраивает разборки с каким-то еще бессмертным о том, убивать Пшика или пусть во веки веков деръмо разгребает, что было, как он предполагал, некой метафорой.

- Посмотри на пацана, — говорил дракон. — Кожа да кости, ну. И, по твоим словам, вот этот кадр способен такой объем деръма вывезти?
- Вполне, — не отступил Ваксмен. — Видел, как он двигал стопку ящиков, которая была выше него.

Пшик подумал, что лучше бы подать голос.

— Я могу работать! — выпалил он. — Грести деръмо прям взаправду, что бы это не значило. Доставки, сбор. Черт, да я могу хоть массаж ног вам делать, если надо, мистер Верн, сэр.

Распахнув глаза, мальчишка увидел два совершенно разных выражения лица. Ваксмен усмехался, словно побеждал в каком-то соревновании, а Верн хмурился, как будто его раздражала еда в тарелке перед ним.

— «Мистер Верн, сэр», — повторил Ваксмен. — Куда больше любезности, чем ты привык, Хайфаэр.

— Уж точно, — отозвался дракон. — Но любезность меня не интересует. Люди всегда поначалу любезничают. А потом яйца втянуть не успеешь, как повсюду факелы с вилами.

Пшика малость смутил пассаж про втягивание яиц, но мальчишка решил отложить его на потом — хотя сдерживать вопрос, который так и рвался с языка, было мучением.

— Нет у меня никаких факелов и вил, сэр, — заверил он дракона. — Я — делец, вот кто я, с того самого дня, как родился. Есть работа и за нее платят — значит, работаю.

Ваксмен грустно улыбнулся. Пшику уже доводилось видеть такую улыбку — в клинике, когда ждал матушку со смены. Матушка называла ее УЖБ — улыбка «жди беды». Доктора ее натягивают перед тем, как свернуть в палату для неизлечимо больных.

— Тут не то чтобы платят, — произнес могвай.

— Черт, — опешил Пшик. — Я умираю?

— Все умирают, мальчик, — ответил Ваксмен. — Даже вот этот лорд Хайфаэр, но тебя эта участь определенно настигнет существенно раньше.

— Да бросьте, Ваксмен, — возразил Пшик. — Не надо дурака валять. Я хороший курьер, уже три года на вас работаю.

Что было правдой, и потому могвай неохотно уступил. А вообще-то надеялся потянуть резину.

— Ладно, сынок. Верн обдал тебя драконьим дыхом. Полной дозой. А для людей он смертелен, и тут я не шучу.

Пшик не мог поверить ушам.

— Вы убили меня за доставку водки? Поверить не могу. Бедная моя мама...

При упоминании Пшиковой матушки Ваксмен вмешался с одним «но».

— Но: последствия обратимы, если у тебя есть выход на противоядие.

— Ага, — грустно отозвался Пшик, — а оно, спорим, растет в козлиной жопе на вершине Эвереста, и топать за ним надо уже сейчас.

— Не совсем, — Ваксмен раскрыл ладонь, на которой обнаружился маленький, блестящий кругляш янтарного цвета. — Эта штучка — Вернова чешуйка. Он ими линяет повсюду. Примерно дважды в неделю и на протяжении нескольких месяцев тебе нужна будет свежесброшенная.

Пшик взял кругляш.

— И что? Положить на лоб или типа того?

— О, ни черта подобного, — ответил Ваксмен с самым серьезным видом. — Это, что называется, пессарий, а значит его нужно сунуть туда, где солнышка не видать, да поглубже.

— Брось, Вакс, — подал голос Верн, — не надо с ним играть.

— Их жуют, — объяснил Ваксмен. — Как табак. Пока не станут бесцветными. Вот и все дела.

— А если я не буду жевать?

— На первых порах — судороги, — сказал могвай.

— А потом жжение в потрохах, — продолжил Верн.

— И тошнота, — добавил Ваксмен. — Но тебе будет не до нее, слишком уж тебя займет жжение.

— А потом выблюешь легкие.

— Последний парниша их высрал, — не согласился Ваксмен.

— Нет, высрал он деръмопровод. Кишки, то бишь. Легкие повыше будут.

— Ну, спец тут ты, — уступил могвай. — В любом случае, все полезет наружу.

— А потом лопнет сердце.

Пшик сунул чешуйку в рот и принялся сосать, как ребенок пустышку. Горчило, но можно и потерпеть, учитывая альтернативу.

— Улавливаешь последствия? — поинтересовался Ваксмен, пока Пшик вовсю трудился над чешуйкой. — Подгадишь Верну — не получишь чешуйку. Приведешь ораву — не получишь чешуйку. Маленькая такая подстраховка для лорда Хайфаэра.

Пшик кивнул. Он улавливал. За всю жизнь он еще никогда так хорошо не улавливал, как сейчас.

— Так что, пока я перезаряжаюсь, мои обязанности на тебе. Через три месяца вернусь — и можешь быть свободен.

Верн вскинул надбровные дуги.

— Три МЕСЯЦА, Вакс? Ах ты ж мудозвонище. Три месяца без кабельного я б как-нибудь пережил. Да я и бухло сам себе гнать могу, если припечет.

— А я разве сказал три года? — невинно удивился Ваксмен. — Имел в виду месяца, Хайфаэр. Искренне извиняюсь.

— Ты меня развел, Вакс. Ты как будто не хочешь, чтобы я прикончил этого пацана.

— Он — душа, Верн, — заявил могвай, неуклонно возвращаясь к своей философии. — Все мы души. Придется тебе в это врубиться.

— Эти нотации про души у тебя на могиле выбыют, — огрызнулся Верн, пиная ножку Ваксменовой кровати. — И ни черта мне не придется, потому что я последний дракон.

— Это ты так говоришь, — сказал Ваксмен, — но мир большой, а ты уже давненько жалом по сторонам не водил.

— Водить жалом по сторонам, как ты выразился, Вакс, это напрашиваться на убийство. Драконы узнали это на собственной шкуре.

Наблюдая, как они препираются, Пшик вдруг понял, что с легкостью может метнуться к двери.

Последний дракон

«Но у меня в легких драконий дых, — подумал он. — Так что бежать некуда».

Пшику показалось, что он уже где-то слышал про этот дых, может, в книжке читал. Звучало, конечно, бредово, но только если не верить в драконов. А когда он стоит прямо у тебя перед носом, тут без вариантов, поверишь во все на свете.

— Ладно, — сказал Пшик, — я согласен взяться за работу, будто у меня вообще есть выбор. Во сколько явиться?

Ваксмен прервал спор.

— Во сколько? Я б сказал, к ночи. Тебе как, Хайфаэр?

Верн прикинул цифры.

— Не раньше, Вакс. Надо заняться производством, если ты понимаешь, о чем я.

— Я тебя услышал, брат. Что скажешь, если мы тут малость закатим вечеринку? Устроим себе проводы. Как раз и оставишь нашему работничку первый платеж.

Пшик начал улавливать, чем тут пахнет.

«Епт», — подумал он, а потом добавил и вслух:

— Епт.

Глава 7

Хук очнулся на следующий день в обед с ощущением, как будто его вынесло из Грохота в джунглях. Может, на эту мысль натолкнула правая рука, запакованная словно в боксерскую перчатку, не говоря уже о раскалывающейся голове, в которой как бабочка порхал Мохаммед Али и молниеносно лупил Хука по глазницам.

«Господи боже», — хотел сказать констебль, но нарушить вторую заповедь ему не позволил рот сухе песка в пожарном ведре, так что он едва смог разомкнуть губы.

И губы эти исторгли не столько речь, сколько животный рык, но и его оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание медсестры с другой стороны ширмы, отделяющей больного от остатка маленькой палаты.

Медсестрой этой была Элоди Моро, которая выглядела так, словно дай ей волю, и она проспит сотню лет.

«Хреново девчонка выглядит, — подумал Хук. — Не ту я, наверное, выбрал женщину, чтоб сохнуть».

Но потом Элоди ему улыбнулась, и все сомнения улетучились.

— Констебль Хук, — произнесла она. — Очнулись, слава Всевышнему.

Риджэнс был не настолько туп, чтобы не узреть в ее благодарности богу подтекст; это фигура речи, чистой воды. Однако есть масса примеров, когда благодаря травме отношения таки вспыхивали. Может, сейчас случится то же самое.

Элоди залила ему немного воды в пересохшую глотку, и когда Хуку этих возлияний хватило, он спросил:

— Насколько я вырубился?

— На всю ночь, — ответила Элоди, — и почти все утро. Храпели как боров. Никогда такого рева не слышала.

«На прочность меня проверяет, — решил Хук. — Люди борзеют, легко пнуть того, кому хреново».

— Осторожней, сестричка, — сказал он негромко, но с долей резкости. — У хранителей порядка тоже есть чувства.

Элоди отступила.

— Простите, констебль. Не хорошо это, так себя вести у постели больного.

— Зависит, конечно, от постели, — заметил Хук и на этом остановился. На следующей неделе, мо-

жет, если пронесет буря с Карнаханом, прокатится к лачуге Элоди, отблагодарит как следует.

— Звонки мне были? — спросил констебль потом.

— Нет, но я набрала Лори, — ответила Элоди.

Хук заворчал. Лори звали секретаршу, которую он делил с мэром Шайном. Пети-Бато позволить себе еще одну не мог, так что, по правде, всей своей бюрократией Хук занимался сам, но Лори дежурила на телефоне по утрам в будни. Чаще всего.

— И как она, соскучилась по мне?

— Лори интересовалась, где вы, и я сказала, что вы отдыхаете тут после змеиного укуса. На посту ничего особенного. Лори говорит, вчера ниже по реке что-то грохотало — наверное, болотных крыс динамитом глушили.

«Динамитом глушили, — подумал Хук. — Епт, да эти люди сами себе все и объяснили».

— Я сказала, вы не выйдете еще как минимум несколько дней. Может, неделю.

— Неделю? Некогда мне тут неделю отлеживаться.

Что было правдой. Хук чуял, что время — ценный ресурс, которого сейчас в избытке у него не водилось.

Как он видел ситуацию: Айвори отправляет его в байу, свершить малость болотного правосудия над Уиллардом Карнаханом. Что для Айвори вполне имеет смысл, ведь Хук — его человек на воде. Но затем новоорлеанский шеф решает укрепить

хватку на Ридженсе и отправляет шпиона снять видео, как тот выполняет работу.

Спутанный, мать его, клубок, подумал Хук.

И, значит, из всей этой ситуевины вылупилась новая: шпик Айвори или помер, или нехило потрепан, а его шеф знает, что Хук и догадался, и добрался до него.

«Если все-таки Айвори, — размышлял констебль, — хорошо, если не Айвори, то я понятия не имею, по какому следу вести охоту».

Понятие это Хуку следовало иметь, однако, спасибо яду, голова до сих пор трещала. Положение выходило критическое, и лучше б его сгладить. То, что по душу Хука может явиться Айвори, несколько препятствовало Хукову же плану явиться по душу Айвори, а это в его представлении был эндшпиль.

— Вам надо отлежаться, констебль, — продолжила Элоди, пытаясь звучать твердо. — Мы только сняли вас с диализа. Врач хочет еще понаблюдать, на случай, если симптомы вернутся.

Хук сел — что стоило ему существенных усилий.

— Просто помоги мне встать, мисс Элоди. Надо звоночек сделать.

— Я еще даже не рассказала о физиотерапии, — возразила Элоди. — Хотите потерять возможность использовать руку целиком? Потому что этого вы звонком и добьетесь.

— Сунь брошюрку под подушку, — отмахнулся Хук. — Сам о себе позабочусь.

Элоди снова попыталась его переубедить:

— Вам даже ходить не стоит, констебль. В вашем-то состоянии.

Хук свесил ноги с постели.

— Сладкая, да я с сотрясением целый патруль по Эр-Рамади провел, так что, думаю, по этажу точно смогу.

Обращение заставило Элоди малость вздрогнуть, но она его проглотила.

— Вы же ослепнете!

— Ну, в таком случае, — отозвался Хук, — я совершенно точно вернусь в постель.

Девчонка определенно изо всех сил старалась спасти ему жизнь, тут констебль отдавал ей должное. Даже если она не то чтобы по нему вздыхала. Пока что.

«Удвою усилия, — решил констебль. — Может, уложу ее пацана в лазарет на недельку-другую, расчищу дорожку. Но сейчас нужно попробовать взять короля Нового Орлеана под колпак».

Мысли об Айвори подпортили Хуку настроение, и любовь к Элоди Моро вылетела у него из головы.

— Отведи меня к моему телефону, женщина! — рявкнул он, выдернув из руки капельницу. — Я должен заняться делом.

Элоди, у которой хватало дерзости, тут же рявкнула в ответ:

— Ваш телефон, констебль, в шкафчике! Уж тот, кто провел целый патруль по Эр-Рамади, сможет самостоятельно преодолеть пару футов по линолеуму.

Хук прикинул, не врезать ли медсестре здоровой рукой, но передумал. Они все-таки не в темном переулке, а в клинике, и избиение медсестер никогда не смотрелось хорошо в газетах. Посему Хук улыбнулся так ласково, как только мог подобный ему человек, и произнес:

— Мои извинения, мисс Моро. Маленько раздражительный сегодня. Это все, должно быть, яд в организме.

— Не стоит извиняться, констебль Хук, — ответила Элоди; ее гнев сошел на нет так же быстро, как вспыхнул. — Я и сама сегодня малость раздражительна, так что тут мы хороши были вдвоем.

«Еще не совсем, — подумал Хук, — но уже скоро».

Хук ввалился в общую комнату отдыха с телефоном в руке, мрачно сверля взглядом случайного мужика с рассеченным лбом, пока тот не умотал вместе со своим номером «Ганз & Эммо».

Хук отправил сообщение на старомодный номер пейджера, и спустя десять минут его владелец перезвонил. Риджэнс предпочел бы сесть за стол переговоров с Айвори Конти в его ретро-мафиозном отеле, но босс управлял преступными предприятиями так же, как финансовым консультированием на Уолл-стрит, а именно — как серьезным бизнесом. Если агент уличного уровня искал встречи с начальством, ему приходилось с полгода дожидаться окна в графике, и все равно рассчиты-

вать разве что на пять минут в Фейстайме. Так что Хуку пришлось довольствоваться звонком.

Исходя из вышесказанного, раз уж Ридженс числился у Айвори ручным копом, он заслуживал по крайней мере первоклассного подельника, «Роллс-Ройса» в мире телохранителей — близнеца.

Единственного близнеца.

Трагическая история. Видите ли, до недавнего времени близнецов было двое, что по сути обще-принятая норма, пока один не стал первой потерей во время отжима территории — у общинного центра при гетто его пристрелила девчонка-киллер.

И уцелел один: афро-креольский качок по имени Россано Рокэ. Россано очень уж увлекался боевыми искусствами. Мог срубить дерево голыми руками, как говорили. Взял себе в пятом классе кликуху Грассхоппер, в честь героя из старого сериала «Кунг-фу», потом сократил до Джихопа, когда малость подрос. Так его именовали и по сей день. Только Айвори называл здоровяка Россано.

— Что за срочность, коп? — поинтересовался Джихоп. — Меня тут дела ждут.

Начало обнадежило. Россано по своему обыкновению был раздражен, все стандартно.

— Расслабь булки, Рокэ, — отозвался Хук, стараясь говорить небрежно, как будто не его уложил в постель змеиный укус.

— Не хочешь рассказать, что мы тут делаем, Ридженс? Если федералы уже греют уши, попадем оба.

«Греют уши, — глумливо подумал Хук. — Кто-то смотрит “Простушку”».

— Если б федералы грели уши, я бы знал, а потом очень скоро узнал бы и ты, — сказал он. — Но ты у них даже не в списке, мелковата рыбеха.

Джи-хоп засопел, и Хук отчетливо представил его недовольную рожу. Типичный барыга: все они хотят и свободу, и скандальную славу. Сложно понимать и то, и другое одновременно.

— Ладно. Это меня и устраивает, Хук. Анонимность, понял?

— Умно, пацан. Не высовываться. Раньше все эти мафиози были придурками. Цацки-пецки, прикиды как у селебрити. Мне по-твоему нравится больше: в тени. Россано Рокэ ничем не примечателен.

Рокэ шумно выдохнул.

— Знаешь, Хук, никак не пойму, куда ты клонишь и где подвох. Ты продажный коп, и ты наш. Так с какого рожна сегодня вдруг заметался?

Тут Хук решил признаться.

— Может, крыша от остаточного яда едет. Медсестра сказала, такое бывает.

— Укус?

— Ага, змеиный. Глупо, скажи, для моего-то опыта? Но случается. Просто хотел заверить, что несмотря на выход из строя, работу, которую мне доверил мистер Конти, я выполнил. Ты об этом, может, уже слышал?

— Теперь слышал. И ты только для этого меня вызвонил? Не мог просто смайлик отправить? Типа пальцы вверх, вся херня?

— Иногда контакт прерывается, — сказал Хук. — Тогда люди забывают о своих ролях, и хаос уже не за горами. Я прав?

Он внимательно вслушивался. Все дело в том, что констебль нес полную чушь, если, конечно, собеседник не улавливал код. А кодом было то, что Айвори отправил наблюдателя. И если дело обстоит именно так, то все устроил, несомненно, глава службы безопасности.

Однако Джи-хоп, судя по всему, оказался сбит с толку.

— Что за черт, Хук? Думаю, тебе яд вообще не откачивали, потому что несешь ты полную херь. Единственный, кто забывает роль, тут ты, честно говоря. Я — босс, ты — моя псина. Умная псина, безусловно. Уровня «Америка ищет таланты», но все равно псина. Так вот, я тебя понял: дело сделано. И мистер Конти благодарен, что отразится на содержимом конверта. Давай на этом и остановимся? Не будем о подробностях при гражданских, где по окнам могут лазерные прицелы прыгать? Пока это дерньмо не касается мистера Конти, он об этом слышать не желает. Понимаешь, о чем толкую, Хук?

Слова Джи-хопа очень даже имели смысл. Его шеф, Айвори, поболе других знал, как в интернет просачивались улики всех мастей. Снятые на теле-

фон видео и восстановленные и-мейлы потопили многих его друзей-банкиров.

«Может, я ошибся, — подумал Хук. — И мне нужен не Айвори».

С другой стороны, такое бытовое решение, как нарыть компромата на Хука, чтобы закрепить его преданность, скорее всего принял бы именно Рокэ.

— Так ты не посыпал пацана снять на видео, как я проворачиваю дело? — уточнил Хук.

— Нет, черт дери, не посыпал! — заорал Рокэ. А потом сообразил подоплеку такого вопроса. — То есть ты мне тут говоришь, что пацан тебя заснял?

— Возможно, — признал Хук. — Камера имела место. Практически уверен, что ее разнесло на куски, но нынче конструкцию им таки лепят усиленную.

— И во время дела ты, случаем, не упомянул ли Айвори?

— А вот это вопрос уместный, — произнес Хук. — Я, возможно, передал от мистера Конти сообщение — «Это от Айвори», в таком духе.

— Ну не заебись ли, — выругался Джи-хоп. — Просто, сука, превосходно. Лучше б мне тебя, Хук, просто прикончить. Серьезно.

В ответ на угрозу Хук рассмеялся.

— Лучше б тебе не нести пургу, сынок, или кончишь братишку, понимаешь, к чему я?

— Охренеть, — снова ругнулся Джи-хоп. — Что за гребаный бардак. Я доверил дело тебе, Хук, потому как ты клялся, что весь из себя способ-

ный и скрытный. Способный и скрытный, твои слова, не мои.

— Я и есть скрытный, — огрызнулся Хук, чувствуя, как сдавливает грудь. — Был скрытный — как и мудак в кустах.

— И ты решил, что я заслал соглядатая? — поинтересовался Россано Рокэ. — Чтобы удержать тебя на поводке.

— Мелькнула мыслишка.

Джи-хоп помолчал, размышляя, потом заговорил:

— Ладно. Я вот что думаю, коп. Может, я и правда заслал соглядатая, а значит, Айвори тебя имеет. С другой стороны, он и так тебя имеет, и еще массу таких, как ты. Но я говорю, что соглядатая не засыпал, а значит у тебя по болотам скакет проблемка. На твоем месте я бы предположил, что я этого соглядатая таки не засыпал, и начал искать его вдоль и поперек, потому как даже если это я его заслал, ни хера ты с этим все равно не сделаешь.

Звучало справедливо, пришлось признать Хуку, хоть и про себя. Если видео у Айвори, то теперь оно заперто в его кабинете в знаменитом суперсейфе, куда Хук без спеша не влезет. Если видео у Айвори нет, значит, оно у кого-то из Ридженсова прихода, и лучше б ему поскорее разгрести сие дерньмо, пока съемка таки не попала в руки Айвори.

— Тот пацан, который тебя заснял, — произнес Джи-хоп. — Если не от Айвори, то местный, так?

— Верно, — согласился Хук.

Последний дракон

Еще одно справедливое наблюдение от Рокэ.

— Есть среди местных пацан, кому охота от тебя избавиться? Знающий байу?

— Епт, полковник, их с пару дюжин. Но я знаю, кто в этом хит-параде на первом месте.

«Пшик Моро, — подумал Хук, и тут же ощутил, что попал в точку. — Крысеныш ненавидит меня за будущие отношения с матушкой. Если снимал он, то когда видео проиграют перед присяжными или еще что похуже — вопрос времени».

«А вот перед нами, ваша честь, момент, где констебль Хук потрошит контрабандиста ножом. Очень хорошо видно кишки».

«И судья такой: “Выруби эту дрянь. Я только буррито съел”».

Джи-хоп, между тем, ждал его мнение.

— Ну, — подал голос «ниндзя», — есть ли мысли по поводу?

Хук не торопился.

— Скажу тебе одну вещь, Джи-хоп, — наконец сказал он, — ни с каким судьей я ни черта не намерен говорить о буррито.

Что чертовски сбило Россано Рокэ с толку.

«Что мне в нем и нравится», — подумал Хук и, не говоря ни слова, сбросил звонок.

«Пшик Моро», — подумал Хук, и сердце забилось так, что чуть ребра не трещали.

«Пшик, мать его, Моро», — подумал Хук, и зрение померкло.

Глава 8

Пшик рассказал матушке, что стремный старишка Ваксмен с другого берега предложил ему подработку на лето, типа как у Боди, и более того, что Ваксмен, оказывается, не такой уж стремный и на самом деле даже не такой уж старый. Элоди спросила мнение Боди, и оба пришли к выводу, что пускай пока сдает половину заработанного и к полуночи уже дома в постели, что Пшик пообещал, хотя знал, что ни черта подобного.

«Видишь ли, мама, я теперь на побегушках у дракона Верна, иначе он мне мою каджунскую задницу поджарит».

А такими известиями не поделиться аж никак.

«Ой, а еще должен сказать, что твой ухажер — хладнокровный убийца».

Еще один факт, с которым придется иметь дело.

Сперва дракон, потом продажный коп.

Но зная то, что он знал теперь, Пшик поклялся никогда больше не впускать Ридженса Хука в дом.

Ваксмен прислал сообщение в ватсапп — захватить экстрамясную пиццу, так что Пшик заскочил в «Жемчужину» за парочкой, а потом отправился в путь. На реке в этот вечерний час царило спокойствие, и Пшикова лодка с мотором наводила больше всего шороху — за исключением гулких басов плавучей дискотеки где-то ниже по течению.

Пшику нравился вечер, когда луизианское солнце, слово меласса, обволакивало шею и руки. Нравилась вода, как она так быстро меняла цвет: в одну секунду была зеленая с прожилками меди, в следующую — стальная с серебристыми завитушками ряби, и наконец — небесно-голубая. Как будто ты в собственной лодке и меж берегов святилища, где нет ничего, кроме реки. Эдакий тайм-аут от всего мира на несколько минут. Пшик проводил здесь большую часть каникул, когда не проворачивал мелкие делишки и не отрабатывал смены. Присматривал за сетями, выгуживал из нор старых сомов. И думал, может, наступит время, когда он и сам постареет, то построит тебе лачугу в болотной глухи, куда никогда не суют нос туристы, и будет там себе безвылазно жить. Если, конечно, однажды не влюбится — что ведь вероятно. Чарльз-младший влюблялся раз в две недели, надолго не хватало. Пшик же считал себя слишком нищим, чтобы такие девчонки однажды серьезно расценили его годным хоть на что-то.

Еще подводом для размышлений был Пшиков отец. Матушка не могла о нем даже заговорить. Пару раз искренне старалась пообщаться на тему, но стоило Элоди открыть рот, чтобы сказать его имя, ее горло сжималось, а слезы катились так, словно им не будет конца. Дошло до того, что Пшик не мог даже поднять вопрос — если он пытался сосредоточиться на любых воспоминаниях о папаше, внутри екало так, что хоть выблёвывай. Может, нутро помнило то, что снаружи он позабыл.

Сегодня на бесцельные размышления не было времени. Надо было доставить нелюдям пиццу.

И бенье.

Ваксмен запросил пакет пряных бенье.

«Забыл гребаные бенье».

«Охренеть первое впечатление произведешь, кретин».

Возвращаться было поздно. Ваксмен ждал его к наступлению сумерек, то есть вот уже. Сдаст пиццу и тогда можно метнуться обратно.

Пшик привязывал пирогу у дома Ваксмена раз, наверное, сто, но сегодня все обстояло иначе. Сегодня его до краев переполнял мандраж. Запах пиццы вдруг вызвал тошноту, и Пшик подумал, что, вероятно, впервые проблюется на воде.

«Горелое мясо, — понял он. — В этой самой коробке мог оказаться я сам».

Однако в душе Пшик был моряком. Сглотнул желчь, ловко ступил на доски, набросил петлю на колышек носком кеда. Подобный трюк можно

провернуть не везде, но причал Ваксмена был для этого как будто создан, и Пшика малость воодушевило то, что даже с таким нервяком он не оплошал.

«Я могу стать для старины Верна хорошим курьером, — подумал Пшик. — Лучшим».

Старина Верн, судя по всему, убрался; под полосатым тентом, почти у самого дубового пролеска, дожидался один Ваксмен, небрежно держа пивную бутылку за длинное горлышко.

— Бенье-то ты позабыл, а? — поинтересовался он из лежака. — Чую пиццу, а вот бенье на полмили нигде нет.

Пшик честно признался.

— Позабыл, но могу за ними метнуться. Несложно.

Ваксмен усмехнулся.

— Ну да, если учесть альтернативу. Но, думал, хватит и пиццы.

Пшик малость расслабился, опустил плечи.

— А где шеф?

— Верн удral. Не любит проводить так близко к цивилизации две ночи подряд. Как бы там ни было, мне он не шеф. А ты вот заимел себе как минимум четверых. Даже пятерых, если считать Хука.

— Пять, хах, — отозвался Пшик. — То-то я плохо сплю.

Ваксмен прикончил пивко и сунул бутылку в мусорный ящик.

— Помогу тебе кое в чем разобраться. Вводный курс, так сказать.

Пшик вложил пиццу в протянутые руки Ваксмена.

— Учебный день?

— Сбавь обороты, движок, — осадил Ваксмен. — Дня у нас не будет. А ровно столько, сколько ты будешь меня закапывать.

— Закапывать?

Ваксмен рассмеялся.

— Именно. А ты думал, на кой ляд здесь все это драконье дермо?

Дела обстояли так. Время от времени могваи впадали в спячку, так сказать, подзарядиться. Какой-то Ваксменов предок обнаружил, одному богу известно каким образом, что лучше всего залечь именно в драконьем деръме. Видать, в нем полным-полно витаминов и питательных веществ — одним словом, суперфуд. Чем больше навалить свежего деръма, тем свежее оттуда потом вылезал могвай.

Ваксмен определил Пшика вырыть на грядках, которые сам уже очистил от бананов, тыкв и картофеля, яму.

— Черт, малец, — заговорил Ваксмен, пока Пшик горбатился над указанной ямой, — три месяца отключки — и буду как новенький. Всю боль и ломоту как рукой снимет. Особенно, если меня подзаправит славный парнишка вроде тебя.

Пшик перерубил корень лопатой.

— Вы уверены, Ваксмен? А то никак не отделаешься от ощущения, что я тут могилу рою. Не хочу сесть за убийство, если какой зоркий рыбак пристягнется.

Ваксмен махнул сложенным куском пиццы.

— Я тебя прикрыл, Пшик. В доме на столе два письма. Одно — список для твоей первой доставки его драконьему высочеству, другое — моему адвокату из Слайделла. Гласит, мол, я отправился путешествовать ажно до Аляски, и пока меня нет, ты тут на законном основании присматриваешь. Плюс, если не вернусь, дом твой. А я вернусь, имей в виду, так что не радуйся.

Пшик отчекрыжил корень и вытащил его щупальце из влажной земли.

— А мне некогда радоваться. Пять шефов, помните?

— Твоя правда, — согласился Ваксмен. — Тогда пора нам приниматься за дело.

— Буду признателен. Много там обычно бывает? Поручений от Верна?

Ваксмен задумчиво пожевал пиццу.

— Да, наверное. Он бывает ворчливой старой ящерицей — хотя технически он, разумеется, не ящерица. Я зову его лордом Хайфаэром, с иронией, потому как он уже никакой не лорд, но иногда впадает в ретроспективу и швыряется приказами, которые я игнорирую, а вот тебе, если хочешь чешуйку, придется прислушиваться.

Пшик выбросил из ямы сырой ком болотистой почвы.

— Какими приказами?

— О, ну знаешь, как типичная старушенция. Например, страстно возжелает в четыре утра хлопьев или нового шмотья и скинет сообщение, мол: «Нужна дюжина футболок с Флэшдэнсом СРОЧНА». Типа того.

— Ему нравится «Флэшдэнс»?..

— О-о, еще как. Наш дракон помешан на «Флэшдэнсе».

— Без проблем. У меня есть аккаунт на Амазоне. Два дня — и все, что нужно Верну, уже тут.

Ваксмен засунул в рот еще кусок, вообще не скрывая жуткие ряды зубов. Его желваки задвигались с таким звуком, как бы лягушек в блендере перемалывало. Пшика едва не передернуло.

Ваксмен сглотнул.

— Не. Используй мой аккаунт. Подробности в столе, вместе с остальными инструкциями. На Амазоне сохранена дебетовая карта, так что бери что надо. Она же и в системе у Боди, и в местном магазине. Когда вернусь, впрочем, внимательно изучу выписку, так что никаких тебе резиновых секс-кукол или на что там вы, подростки, нынче тратитесь.

— Не тратить деньги, — пообещал Пшик. — Только футболки с «Флэшдэнсом».

Ваксмен сощурился.

— Ты что это, хамишь, мальчик?

— Простите. Привычка. Забыл, что у нас теперь все иначе, вы ведь не человек и все дела.

— Ага, я не славный паренек с болот, это уж точно. Я сожрал парочку таких, впрочем, когда принялись тут шнырять, искать мое золото. А ведь у меня его даже нет. Это у Верна золото с подлодки.

Пшик постарался не сводить взгляда с ямы.

— Вы их сожрали?

— Не целиком. Только плоть.

— Ну хватит, Ваксмен, — проговорил Пшик, снова чувствуя легкую тошноту. Он искренне понадеялся, что это все предмет разговора, а не нутро разъедает драконий дых. — Вот надо вам так говорить? Как-то слишком.

Ваксмен закрыл опустевшую коробку из-под пиццы.

— Извини, малец. Просто приятно наконец-то быть в твоем присутствии собой.

— Тут никаких проблем, — отозвался Пшик, опускаясь глубже в яму. — Только с поеданием народа. Остальное — всегда пожалуйста.

— В остальное посвящу через несколько месяцев, хотя к тому времени ты или уже и так будешь в курсе, или сам ноги протянешь.

А за этим логично следовал вопрос, к которому подводил Пшик:

— Думаете, теперь Верн меня сожжет?

Ваксмен аккуратно повесил пиджак на спинку лежака.

— Это он может. Тут не сомневайся. Люди пустили под нож всю семью Верна, носили их шкуру

как броню. Черт, да люди вырезали всю, мать ее, расу Верна, за исключением его самого. И у него на счету тоже немало, так сказать, скальпов. Но у тебя тут есть лазейка — сделать себя незаменимым. Не опаздывай, не огрызайся и не говори ни единой, мать ее, душе, потому как всякий, кому расскажешь, станет лишним следом, а Верн терпеть их живыми не будет.

Ваксмен стянул рубашку, являя торс, покрытый рябью кожных складок и неровными щелями, похожими на жабры.

— Верн сошел с пути отшельника только лет пятьдесят как. Малость чересчур полюбил свои блага. Кабельное и в том духе. Придется поддерживать поставки так, чтобы без сучка. Слушаешь и повинуешься.

— Понял, — отозвался Пшик. — Он говорит прыгать, я спрашиваю: «Как высоко, шеф?».

— Именно. Как в твоем графике с ночами?

— Хорошо. Мама до октября в ночную смену, так что с восьми вечера и до упора я сам себе хозяин.

— Выйдет, может, очень даже неплохо. До заката ты Верну все равно не понадобишься.

Пшик понимал, что спрашивать не стоит, однако был, в конце концов, человеком деловым.

— Как думаете, Верн хоть иногда сможет подкидывать мне бакс-другой?

Ваксмен запрокинул голову и расхохотался; его зубы заскрежетали, словно электробритва.

— Ну ты даешь, Моро, чтоб тебя! Говоришь, бакс-другой. Еще не понял, малец? Верн терпеть не может людей, ненавидит капитально. И не простой ненавистью, как можно ненавидеть курицу. Тут все серьезно. Если я вернусь, а ты еще дышишь, это для человечества уже победа. — Ваксмен фыркнул. — Бакс-другой. Черт, малец. Давай-ка принимайся копать и кончай с глупыми вопросами.

Пшик сделал, как было сказано.

К тому времени, как Ваксмен его остановил, Пшик ушел вниз футов на пять, плюс-минус, и более чем умаялся.

— Сойдет, малец, — скомандовал могвай. — Поменяемся местами? Если, конечно, сам не хочешь прилечь в земельку?

Пшик прикинул, что ни в какую земельку ему не хочется, и лихо выскочил из ямы, хотя та уже была глубиной ему по плечи. Наверху он с удивлением обнаружил, что Ваксмен уже в чем мать родила — за исключением куска пиццы, которым тот прикрывал срам.

— Есть будете? — поинтересовался Пшик, пытаясь приподнять себе настроение, довольно мрачное — благодаря рабству у дракона и необходимости похоронить Ваксмена заживо.

— Не, — ответил Ваксмен. — Впитаю в процессе. Разложи прям по мне. Пиццу номер два. В холодильнике еще парочка стейков. Их тоже подавай.

И с полдюжины бутылок удобрения «Бейби Био». Вливай все.

Ваксмен спрыгнул в яму с таким предвкушением, как будто его там ждал Дисней Уорлд — не фуфлыжный Диснейленд в Европе, а намбер ван в Орландо. Плечи могвая оказались для ямы чутка широковаты, но он поерзал, втиснулся и радостно выдал:

— Давай, малец, наваливай сюда все это деръмо.

Сцена выходила стремная, даже жуткая: пожилой мужик а-ля фейри, внизу, в земле, и к его труселям из пиццы крадутся жуки с улитками. У Пшика остался один вопрос.

— Ваксмен, вы же не сошли с ума, правда?

Могвай усмехнулся.

— Сошел с ума? Устал я, вот что. Почему спрашиваешь?

— Ну, сэр, — произнес Пшик, — если вы сумасшедший, то я тут вообще-то хороню вас заживо.

— Епт, малец, — фыркнул Ваксмен, — со всей той херней, которая с тобой за последний день стряслась, если кто здесь сумасшедший, так это ж ты.

— Ага, — согласился Пшик, — действительно.

— Ну, лады, малец Пшик. Давай-ка за дело. Как только драконово деръмо засохнет, его и кувалдой не разобьешь.

— Так точно. Хороших вам снов, что ли.

Ваксмен закрыл глаза.

— Черт, малец. Я уже на полпути там.

Могвай блаженно улыбнулся, и сие выражение лица не изменилось, даже когда Пшик Моро забросил в могилу с четверть тонны драконьего деръма.

Пшик же старался отвлечься, отмечая качества данного материала.

«Пахнет не так уж плохо. Типа пряный».

«А структура... я б сказал, как замороженный йогурт».

— Эй, — позвал вдруг Ваксмен, выкопав из-под навоза руку, — кое-что напоследок.

Пшик чуть в штаны не наделал и выронил лопату.

— А? Передумали?

Ваксмен помотал головой, отряхиваясь.

— Не, малец, тут я твердо решил. Просто отнеси мой костюм в чистку. Химчистку, имей в виду. Чтоб ни капли воды на мой бархат не попало.

— Ага. Только хим.

— Ну и, засим, перестану трепаться, — заключил Ваксмен. — Если не буду приказы раздавать, наверное, будет попроще закапывать.

«Наверное», — подумал Пшик, но проще так и не стало.

Верн не мог отделаться от ощущения, будто некое живое существо свернулось среди кишок кольцами и грызет ему нутро.

Имя тому существу — ужас. Проще некуда. Предельное чувство: страх, помноженный на ожидание.

«Поверить не могу, Хайфаэр, — думал он. — Ты доверился, мать его, человеку. Когда ты уже на конец поймешь?»

Той ночью Вакс подкупил его самогонкой и парочкой славных кабаньих стейков идеальной прожарки — черных снаружи, с кровью внутри.

«Сумку свою прихватил?» — спросил его тогда могвай.

«Не-а, — отозвался Верн. — Спешил по следу пацана».

«Так и думал, — сказал Ваксмен. — Ну и неважно. Есть лишний водонепроницаемый мешок. С годным ремнем, все дела».

«И зачем мне мешок?»

Ваксмен грохнул на стол свой жуткий саквояж.

«Избавиться от барахла. Я завязываю с убийствами, Верн. Все мы души, так? А посему похорони его прям глубоко да подальше от моего клочка. Не хочу, чтобы это дерымо в мой сад протекло. Или, еще лучше, пусти все по ветру. По мишеням постреляй, только смотри не вдохни. От этой дряни нутро сгниет.

Верн подтянул к себе саквояж.

«Что, всё? Киллерские дни позади?»

Ваксмен поднял бокал.

— Только самооборона, братишка. Выпьешь за это?

И Верн, не чувствуя после пира из стейков и алкоголя никакой боли, охотно и пьяно признал теорию могвая, что все мы души, и в самом деле выпил, хоть и не соотносил сие мнение с собой.

К утру поверх привычного после попойки отвращения к самому себе добавился слой сожалений, и Верн с первыми лучами убрался на хрен подальше из дома Вакса, чувствуя, что вот-вот проблюется прямо под водой — исключительно из тревоги.

«О чём я, что б меня, думал?»

«Фамильяр-человек».

«Да еще и гребаный малец».

И:

«Не река, а жопа. Одна соляра да моча».

Что не то чтобы помогало, когда дракона и так тошнило.

А ведь когда-то река была слаще лимонада.

Этим утром она определенно была кислотной. Неудивительно, что шкура сереет — целыми днями болтаться в сточной воде с аллигаторами. Когда солнечные лучи падали под определенным углом, вся река покрывалась радужной пленкой. Вдобавок, Верн все-таки старел, тут уж не поспорить. Дракон проживает отмеренные тысячелетия, но тело начинает сдавать. Когда-то он мог летать взад-вперед весь день да пламя изрыгать из спортивного интереса; теперь Верн сомневался, что сможет провести в воздухе больше полудюжины часов без приступа тахикардии.

Вот так для Верна и начался день — в полном унынии. И все становилось только хуже.

«Мой единственный друган слег на три месяца».

Или года.

Или навсегда.

В земле могваем часто становилось так удобно, что они окончательно испускали дух и уходили в почву. Вакс однажды признался, во время пост-погребенческой депрессии, все еще опьяненный грязью: «Черт, Верн. Ты там просто перестаешь думать. Все уходит, понимаешь? И остается только покой. Вечность покоя, если захочешь. А это весьма привлекательное предложение».

Вечность покоя. Очень привлекательное предложение.

Так что Верн забился в свою лачугу, не обращая внимания на аллигаторов на берегу, которые приветствовали его разъяренными пастьями. Насторожение с каждым шагом все сильнее портилось.

«Черт побери, — подумал Верн. — А вот и оно».

Под «оно» дракон имел в виду очередной приступ черной меланхолии. Любое мало-мальски разумное создание, что ожидаемо, временами впадало в уныние — особенно, в его ситуации. Все его любимые оказались убиты — вместе с теми, кто ему как бы нравился. Были мертвы даже большинство существ, которых он ненавидел. Его мать порубили на сувениры; голова отца украшала ворота местного замка примерно десять минут — пока Верн там все не сровнял с землей. Он метался, уничтожал и снова метался. Годами скорбь истор-

галась наружу долгими шквалами пламени, пока он не превратился в кожу да кости, и разум как будто истощился наравне с телом, словно в нем не осталось ни сил, ни желания жить. И когда первая волна одиночества ударила камнем в грудь, Виверну, лорду Хайфаэру, показалось, будто она его без остатка раздавит.

Мир, который однажды ему принадлежал, теперь обернулся против него. Более того — мир его позабыл.

«Улицы чищу, которыми владел», — подумал Верн, перефразируя обаятельного кронера Криса Мартина.

«Я как крысы в норах, рыщущие в поисках обедков».

Вот только он не был даже как крысы. Потому что крысы — это крысы.

Во множественном числе.

Он — дракон. Единственный.

На следующий день после погребения Пшик загрузил покупки в лодку, равномерно раскладывая минералку, растительное масло и прочие вещи потяжелее и насвистывая как гном Белоснежки — чтобы хоть какая-то его часть поверила, что вечер будет абсолютно нормальным. Пшик проверил уровень лодки, потом отчалил с пристани бара.

Река была как обычно якобы спокойной — якобы, потому как стоило обратить внимание, и уши улавливали, как вздыхает ветер среди кружева

мха, разносится над водой бульканье болотных лягух, уходят в полный отрыв сверчки, восторженно ухают, словно деревенщина, случайно обнаружив свеженький ящик «Бада», совы. А под всем этим беспрестанно звучит симфония воды — от шипящих накатов о насыпь до клокотания меж мостов из-под корней кипарисов. Обычно Пшик не столько замечал, сколько становился частью всего этого. Обычно болотная жизнь обволакивала его, будто одеяло, но сегодня он чувствовал, как притягивает собой все взгляды, словно здоровенный жук на крошечном лобовом стекле.

«Гребаный дракон», — подумал Пшик.

И все же.

И все же была в нем часть — внутренний ребенок, наверное, — которая малость восторгалась работе на мифическое существо.

На гребаного дракона.

Если сохранить трезвый ум и сделать себя незаменимым, как предложил Ваксмен.

«До того, как ты этого Ваксмена похоронил», — напомнил внутренний голосок.

«Да, до того, как он попросил его похоронить».

Если сделать себя незаменимым, тогда дракон, возможно, выручит с Хуком. В конце концов, Хук проворачивал на болотах мутные дельца, а если Верн — не король болота, то Пшик — аллигаторов дед.

«А я никаким аллигаторам не дед».

Сквозь хандру пробился лучик света.

Возможно, Верн выручит.

«Маловероятно, — опять влез внутренний голосок. — Верн ненавидит весь род человеческий».

Пшик такое допускал, но разве матушка не говорила ему так часто, что он может любую пташку очаровать? С купюрами из кошельков туристов определенно срабатывало. Единственным, кто не велся на его чары, был Ридженс, мать его, Хук.

А может, случится, что старина Верн возьмет и к Пшику привыкнет.

Не то чтобы план действий, скорее — надежда или что-то вроде, но Пшик решил уцепиться за это чувство и пережить хотя бы ночь.

Малость перевозбудившись, Пшик совершил пару набегов не на те притоки. А когда наконец добрался до цели, увидел, что Вернова берлога пустует. На столе, прижимая записку, словно пресс-папье, обнаружилась единственная чешуйка.

«Говно на заднем дворе», — значилось в записке, за чем следовал короткий список покупок, включающий в себя водку, последний «Телегид» и овощерезку, которую Верн явно увидел в телемагазине.

И никаких тебе драконов на горизонте.

Пшик забросил чешуйку в рот и подумал:

«Не такая уж увлекательная работа, как надеялся».

И еще:

«Кажется, у Верна и в мыслях нет мне помочь».

Глава 9

Со звонком Джи-хопу Хук таки перестарался. Как Элоди Моро и предсказывала, вызванные змеиным укусом симптомы вернулись, и на практически целую неделю зрение послало его к черту. Док упоминал про какой-то необратимый вред почкам, но тут Ридженсу было плевать. Констебля посадили на диализ, морфин и промышленные антибиотики. Теперь, обнаружив, что думается ему лучше всего под препаратами, Хук уже не так возражал против постельного режима. А еще в жизни наступает момент, когда ты понимаешь, что тупое упрямство просто-напросто ведет в могилу.

В общем, медпомощь так медпомощь. На шестой день к Хуку вернулось зрение, и маска цивилизованности, которую констебль цеплял для широкой общественности, по причине его дремоты вдруг соскользнула.

Хук открыл глаза, глянул на медсестру и выдал:

— Епт, Элоди, ну ты себя и запустила.

На что медсестра ответила:

— А я и не Элоди, мудак. Она в ночную смену.

Ридженс решил, что этой мадаме, должно быть, не знакома его натура, иначе не стала бы огрызаться. Хороший знак: прикрытие не дало трещину. Хук предпочитал, чтобы слава о нем касалась гражданской ответственности, а посему не отчитал медсестру (а очень хотелось), но извинился за грубость, сваливая все на медикаменты в крови.

Медсестра, которую это ничуть не задобрило, бросила на Хука уничтожающий взгляд, каким обычно в сериалах одаривали безработных изменщиков.

Хук дождался, пока она закончит обход маленькой палаты, а потом собрал барахло, натянул штаны — по одной ноге за раз — и убрался оттуда к чертовой матери.

Десять минут и один подписанный отказ спустя он уже был в своем «шеве» и снова в работе.

Потому что на плечах Ридженса Хука вообще-то, помимо тайных попыток воплотить в жизнь мечту о поставках вверх по реке и оттуда в Калифорнию и Нью-Йорк, лежала самая настоящая работа. Он был одним-единственным констеблем на весь Пети-Бато и из шестилетнего срока отслужил два года. Что привлекло Хука на сей пост, так это неопределенный характер требований: кандидат должен иметь высокий моральный облик, а также уметь читать и писать по-английски. Читать и пи-

сать Хук умел вполне отлично, а свой моральный облик считал соответствующим амбициям. К счастью, работенка занимала неполный день, так что пока Хук подавал разумные отчеты по расходам и успевал вершить справедливость, раздавая повестки, его по большому счету оставляли в покое. Ни для кого в Луизиане не было секретом, что пост констебля — пережиток прошлого столетия, которым по всему штату возмутительно пользуются предпримчивые лица с неполным рабочим днем, которые довели расходы до сотен тысяч долларов в год. Были времена, когда находчивый диспетчер подмасливал нужные шестеренки и цеплялся за значок констебля два, а то и три десятка лет, но с наступлением эры публичной отчетности народ начал в некоторой мере прозревать и переизбирать любителей тепленького местечка с куда меньшей вероятностью. Так что перед констеблем стоял выбор — честно выполнять работу или за шесть лет нахватать все, что не приколочено.

Хук честно выполнял работу. Служил там, где требовалось служить, и неважно в какие недра болот это его заводило, а причитающееся и затраты на топливо окупались в виде зарплаты. Отрабатывал три каких заблагорассудится дня в неделю и малость подрабатывал поддержанием порядка у мэра и друбанов из соседнего отдела. Взамен мэр Шайн позволял Хуку пользоваться кабинетом и секретарем. Формально Хук не должен был взваливать на себя обязанности полицейских, но констебли, как правило, поступали именно так, и жи-

тели Пети-Бато радовались, что у них есть кому разнимать пьяные драки или отвозить залетного вора на шконку в Слайделл.

Предыдущим констеблем был местный водитель автобуса, и в барах поговаривали, что стари на Деррик даже не представлял, как написать «высокий моральный облик», не то что обладал оным. Так что население было вполне довольно Хуком. Он, спору нет, маленько вселял страх, но с тех пор, как взял за привычку по вечерам обходить городок, случаи хищений резко устремились к минимуму. И Хук не то чтобы сам следовал букве закона; тут он скорее руководствовался принципом «сам живи и другим не мешай». Пьяницы регулярно оказывались не за решеткой, а у собственного порога; курящие траву детишки получали не протокол, а крепкий пинок под зад.

Населению спалось спокойнее, а Риджес Хук закрепил нужный образ.

Распрощавшись с армией, Хук со всей тщательностью исследовал вопрос, куда б кинуть кости. Его привлекала модель полковника Фараиджи, а именно попасть в правоохранительные органы и наладить торговые связи с другими регионами. Пети-Бато он выбрал потому, что через болота городок имел выход на север. Вдобавок, в даркнете Хук слыхал про некоего Конти: псевдогангстера, который подкупал бойцов на службе — любой службе — и неплохо, надо сказать, платил.

Заступив на пост, Хук первым делом принялся в свои выходные наблюдать за семьей Айвори. По-

этому, когда вспыльчивый племянник главаря, Винсент, лапал танцовщиц в стриптизе и загремел в колотушечную, Хук сумел вмешаться и разрядить обстановку. Это помогло ему оказаться за одной барной стойкой рядом с Россано Рокэ, что в свою очередь привело к предложению от Айвори. И теперь Хук имел две зарплаты — в довесок к внушительной заначке от аферы с топливом военного назначения, которую он проворачивал в Ираке. Славная схемка, которая треснула по швам спустя месяцы после ухода Хука и вылилась в больше сотни обвинений личного состава и офицеров в хищении, взяточничестве и махинациях на десятки миллионов долларов. Когда известия просочились в тыл, Хук ржал как ненормальный:

«Десятки миллионов? Тогда уж скорее сотни».

Что история зацепит и его, Риджэнс не переживал. Армия едва коснулась верхушки этого айсберга, а Хук вовлекался исключительно глубинно. Глубинно и запутанно.

Была и колонка с минусами: в долгоиграющих планах по тесному знакомству с инфраструктурой Айвори Конти коса нашла на камень. Такими темпами, чтобы сдвинуть Айвори с насиженного места, надобится божий промысел, а где его, черт дери, взять-то? Спасение от урагана, того, во Флориде, — вот, видимо, и все, что для Хука готов сделать хоть какой-то бог.

«Может, если б я не проткнул папашу колом, как вампира».

Ну да что лить слезы над пролитой кровью. Лучше разобраться со входящими — а потом вплотную заняться Пшиком Моро.

Как только к Хуку вернулось зрение, его неохотно, но выпустили из больницы. Врач увещевал, что констеблю повезло выписаться так быстро, что его сердце выдержало серьезную нагрузку, и что пару месяцев лучше себя поберечь. Правда, на все советы Хук намеревался положить откровенный болт, потому как, волею случая, этим же самым утром в его входящих оказался не кто иной, как Пшик Моро. Риджэнс позвонил секретарше прямо из «шева», узнать, есть ли что срочное, и ответом было: «Не особо, констебль». Полдюжины запросов Лори уже перебросила на лайнбекера, которого Хук привел к присяге как своего зама по двадцать баксов за выход. Неплохое вложение, по мнению Хука, и легкий заработка, по мнению студента, Дьюка МакКлассера, знакомого всем и прозванного «Класскездец» за то, что он устраивал полный звездец любому, кто отказывался от его услуг.

Из общей картины выбивалась только жалоба на шум, которая неделю назад поступила от одного из братьев Бужан, проживающих вниз по реке в переоборудованном вагоне поезда. Может, предположила Лори, Хук припоминает, как кто-то глушил там сомов? Братья очень надеялись, что констебль сделает всем возможным подозреваемым строгий выговор.

«Возможным подозреваемым, — подумал Хук. — Я точно знаю, кто тут действующий чемпион».

Он круто развернул «шев» на парковке бакалейного и устремил радиаторную решетку в сторону реки.

Хук медленно прокатился по переулку Моро. С прошлого раза кое-что изменилось. Ничего не кружилось, а правая рука почти пришла в норму — за исключением плотного бинта, который напоминал о матушкиных компрессионных колготах. Хук мысленно сделал зарубку: надо бы проверить, бывают ли эти бинты каких-то еще цветов, кроме телесного.

Он содрогнулся, но потом заставил себя абстрагироваться от варикозных вен своей матери и сосредоточился на вопросе Пшика Моро.

Это расследование он мог провести двумя способами, и определиться лучше бы заранее, до первого хода.

Было выражение, которым очень уж любил швыряться полковник Фараиджи: «Тише едешь, обезьянку поймаешь», на что Хук часто отвечал: «Пиф-паф, обезьянку прикончишь нах».

Такой ответ неизменно расстраивал полковника, видевшего в Хуке своего падавана.

«Но Ридженс, мой мальчик, что если ты хочешь допросить обезьянку?»

«Тогда выстрелю ей в ногу», — что Хук по-прежнему считал веским аргументом.

Однако сегодня он решил, что лучше воспользоваться подходом «тише едешь». Ридженс так-то

ничего не имел против этого подхода и с легкостью мог его провернуть — за исключением одного «но». Или, если точнее, двух.

А именно — его глаз.

Еще цитатка Фараиджи: «Глаза — зеркало души. Но не в твоем случае, сержант. Души я в них не вижу».

Пришлось согласиться. Хук искренне верил, что его душа искоренена, ну, или по крайней мере, утрачена, так что глаза его служили зеркалом бедлама. Если посмотришь в глаза Ридженса Хука, то поймешь, что его религия — это смесь алчности и хаоса.

Хук знал, что выдержать его взгляд сложно. Люди чуяли его нутро — глубокий источник агрессии, безграничную жажду завоеваний.

Констебль мог изобразить усмешку, расслабить напряженные плечи. А вот сделать что-нибудь с глазами — ни хрена.

Поэтому, чтобы скрыть животную кровожадность, он купил пару очков-«вэйфареров».

Эй, ну у Тома Круза же сработало.

Хук постучал сквозь москитную сетку в окно Элоди. Он вполне мог постучать и в дверь, но когда-то обнаружил, что стук в окно чертовски напонял на людей страху, ведь они автоматически считали стучавшего соглядатаем. А обнаружив шпиона, большинство охватывало одно и то же

чувство — вина. Хуку нравилось, когда опрашиваемые испытывают вину. Даже самые непорочные.

Сквозь шторы — задернутые, но поистерты — Хук увидел, как Элоди спит на раскладном диване, зарывшись лицом в подушки, как ее бедро вздымается, словно изгиб волны, и подумал: «Однажды, сынок, однажды».

Но не сегодня.

И тем не менее Хук решил вести себя с ней полегче. Не нужно всецело жечь мосты.

Он постучал снова. Элоди дрогнула, будто ее толкнули, и скатилась с дивана на четвереньки неосознанным, но отработанным движением.

«Вот смотрю и все, мать ее дери, нравится, — подумал Хук. — Знаю, есть женщины получше да подоступнее, но мисс Элоди, конечно, просто отпад».

Внутри дома Элоди поднялась, опираясь на ножку стола и замерла, слегка покачиваясь.

«Спит, чертова баба!» — дошло до Хука, и он постучал в третий раз.

Не прошло и минуты, как у сетчатой двери возникла Элоди. Задерживаться на лишнюю минуту, чтобы набросить халат ей оказалось незачем — мисс Моро так и не сняла больничные шмотки после ночной смены.

Хук был разочарован.

«Малость неряшливо это, — подумал он, — спать в одежде. Придется исправлять».

Однако он таки сохранил профессиональное выражение лица, скрывая глаза за «вэйфарерами»

и надеясь, что поляроиды отражают свет в обе стороны и Элоди не заметит бьющие из его глаз лазерные лучи. По крайней мере, пока.

Элоди открыла дверь, глядя вниз, что свойственно сонным людям. Правда, половину этой сонливости как рукой сняло только при виде темно-синих форменных штанов.

— Констебль Хук, — произнесла Элоди, и не ожидав увидеть его у себя на пороге, особенно так скоро после змеиного укуса, ступила босой ногой назад. Он, конечно, заезжал и не раз, но вот так, как снег на голову — никогда. — Констебль.

Хук изобразил подобие дружелюбной улыбки. Вышло так, будто кусок лимона зажевал.

— Это уже целых два констебля. Что, черт возьми, делает меня почти капитаном... капитаном Хуком. Дошло?

Элоди потрясла стриженной клинышком темной копной.

«Волосы сзади как топором откромсали, — подумал Хук. — Видать, сама себя стрижет. И Пшика тоже. И знает только одну стрижку».

— А, вот оно что, — пробормотала Элоди, потирая глаз. — Капитан Хук... капитан Крюк. Как в книжке.

«Тупая каджунка, — подумал констебль. — Мне нравится».

— Кажется, это все-таки был фильм, — мягко поправил он. — Посмотрите.

Элоди моргнула, наверное, с полдюжины раз. Наверное, думала, что еще спит.

— Посмотрю. Знаете, не стоило приезжать, констебль. Вы уже меня отблагодарили, в больнице. Может, не помните. Вы совсем уж под медикаментами были.

Хук поднял руку, останавливая поток ее речи.

— Нет, Элоди. Мисс Моро. Дело не в том. Вовсе не в том. Я здесь по другому поводу.

— По другому поводу, — повторила Элоди, на половину скрывшись за хрупкой преградой из сетки. — Не думаю, что есть другой повод, констебль.

Хук понимал, к чему она клонит. Элоди однажды увидела его обнаженным до костей в плане личности и считала, что теперь романтичного будущего им не светит. Что, разумеется, печально, однако Хук уже сталкивался с отпором и был уверен, что пролезет и через это болото. Просто не сегодня. Сегодня — для более острых вопросов.

«Может, тут все и кончится. Шесть часов туда-сюда, два на прибраться. Потом сжечь тут все дотла».

У Хука в загашнике всегда имелась эта карта — и, наверное, именно потому в его глазах не угасал красноречивый блеск. Каждый раз, встречая кого-то, Хук прикидывал, как его/ее убить и выйти сухим из воды — ну, чисто на всякий.

— Я здесь не по личным вопросам, — сказал он, — о чем искренне сожалею. Нет, я получил жалобу о вашем юноше. Причем не впервой.

Элоди мигом встрепенулась, как выключателем щелкнули.

— Эверетт? Ничего он не сделал. Он мне пообещал.

Хук вздохнул, словно необходимость сообщать дурные вести причиняла ему боль.

— Все они обещают, а? Солнце с неба, луну, звезды. Но слова для мальчишек в перспективе ни хера, простите мой французский, не значат. Так просто удобно.

Когда дело касалось Пшика, внутри Элоди таки вспыхивала обычно тлеющая искра. И шерсть вставала дыбом даже перед Хуком.

— И что же Эверетт якобы сделал?

— На этот раз, — Хук продолжил говорить мягко. — Что Эверетт якобы сделал на этот раз. Потому как этот раз явно не первый.

Элоди расправила плечи и вскинула подбородок, слегка склонив голову к плечу, что Хуков внутренний охотник воспринял как позу львицы, готовой защищать своего детеныша.

— Ну что ж, — произнесла Элоди, бросая Хуку вызов сталью в голосе, — и что же он якобы натворил на этот раз?

— Ничего особенного. Просто малость динами-та в байу. Глушил сомов на-гора. — Хук шевельнул мизинцем. — И конкретно в этой области у него определенно есть опыт, если не мастерство.

Элоди вся напряглась, стиснула перекладину сетки одной рукой — и по этому крошечному жесту Хук понял, что навсегда профукал все шансы. Его поражало, как некоторые матери действительно любят отпрысков. Хуковой мамаши это, очевид-

но, не касалось, и потому понять такое отношение он не мог.

— С тех пор уже много воды утекло, констебль, — произнесла Элоди. — Эверетт исправился. Мальчишка пашет на трех работах, лишь бы мы выбрались из ямы, которую нам вырыл его папаша.

— На трех? — заинтересовался Хук. — Надо же. Не перечислите, часом?

Элоди отогнула сразу два пальца.

— Во-первых, мальчик вкалывает на воде. Раки, сомы. Поставляет напрямую Боди в бар. Где, во-вторых, тоже трудится, ведь Боди выручает нас с домом.

— Ага, — согласился Хук, а сам подумал: «Выручает, да ладно? Интересно, в оплату старина Боди принимает натурой?»

— И в-третьих, — продолжила Элоди, отогнув большой палец, — мистер Ваксмен сделал его своим помощником. С массой обязанностей. Похоже, что мистер Ваксмен предпочитает где-нибудь слоняться, вот и нанял Эверетта следить за домом. Мой мальчик проводит на воде каждый богом данный час. Даже по воскресеньям выходной не возьмет. Он — хороший сын, констебль. Господь свидетель, Эверетт при случае, бывает, тайком хлебнет пивка, но это нынче и все. Он мне поклялся, и я ему верю. Я спину гну не для того, чтобы спустить все заработанное на лечение и залоги.

Хук заломил фуражку.

— Славный спич, мисс Элоди. Слог у вас что надо.

— Правда всегда найдет выход, — Элоди сдвинула ногу назад, словно настроилась закончить разговор.

— Все это, может, и правда, — допустил Хук. — Но, к сожалению, жалоба-то поступила, и произвести проверку я должен. Так что предъявите, будьте добры, юношу, и мы в два счета все уладим.

— Я не могу его предъявить, — отрезала Элоди так, будто не предъявила бы Пшика, даже если бы могла. — Он на реке и занят списком покупок для Ваксмена. Не знаю даже, когда мальчик спать успевает. Нельзя же перехватывать каждую ночь всего по паре часов.

Хук позволил себе окинуть Элоди скрытым за зеркальными линзами взглядом, но дал понять, куда смотрит, движением головы — потому что на данном этапе уверился, что его шансы заполучить эту женщину по совести рухнули к нулю, однако решил попробовать еще разок.

— Может, я загляну позже, перехвачу мальчишку? Захвачу бутылочку вашего любимого игристого?

Элоди потерла шею.

— Не выйдет, констебль. Я все лето в ночную смену. Нам нужны деньги, видит бог, ох как нужны.

«Ну что ж, — подумал Хук, — вот и контрольный в голову».

Мелькнула мысль, не стянуть ли «вэйфареры», не явить ли этой никчемной каджунке, от чего она

отказывается. Что всякий раз, как они говорят, ее жизнь висит на волоске.

«Снять очки, одной рукой за горло и увести в дом».

Никто не увидит. Пацан-то ишачит.

Однако это не решало проблему. А именно, что где-то есть некто, возможно, с видео, на котором Хук выпарывает брюхо Карнахану, или как минимум очевидец самого действия.

А когда сия проблема перестанет быть таковой, ему предстоит разобраться с империей Айвори Конти.

Все нужно сделать по уму.

Вспомнилось: ночь в Ираке, он сидит на шлакоблоке у костра в бочке, полковник Фараиджи показывает потрескавшийся обломок дерева, прежде чем бросить его в огонь.

«Видишь эту деревяшку, друг мой Риджэнс?»

«Вижу, полковник, — отозвался Хук. — И могу поспорить, что это не просто деревяшка. А природа типа преподает мне урок, только я еще не понял».

Улыбка Фараиджи была печальной, но снисходительной.

«Оно иссечено, ослаблено. Годится разве что в костер. Как так вышло?»

«Хер знает».

«Как бы ты уничтожил эту деревяшку?»

Терпение Хука грозилось вот-вот лопнуть. Фараиджи вот просто не мог взять и сказать. Вечно надо было сперва понагнетать.

«Возьмусь за топор».

«И что от удара топором ощутит дерево?»

Иногда Хуку казалось, что его муштрует мастер Йода.

«Обгадит свои деревянные штаны, наверное».

«Именно, — кивнул Фараиджи. — Потому нам следует взять пример с пустынной влажности. Просочиться в дерево, словно друг, а в ночи замерзнуть и расколоть».

«То есть, говорите, бороться изнутри?»

«Именно, друг мой. И тогда, на смертном одре, дерево не станет винить влагу».

«Бороться изнутри, — подумал Хук теперь. — Быть всем другом, пока не настал час прикрыть эту лавочку».

Он сверкнул улыбкой — широкой, но лишенной глубины.

— Ну, за спрос не бьют в нос, верно? — Констебль вытащил из нагрудного кармана и протянул Элоди визитку так, словно а-ля фокусник извлек ее у женщины из-за уха. — Как увидите Пшика, попросите его меня набрать. Ничего страшного, но таки хочу побеседовать, лады?

Элоди взяла визитку, постаравшись не коснуться его пальцев.

— Обязательно передам, констебль.

Хук шутливо изобразил тягучий южный акцент:

— Не заставляйте меня сюда возвращаться, ясно-понятно?

— Ясно-понятно, — отозвалась Элоди неубедительно покладисто.

Йон Колфер

Хук постучал по краю фуражки.

— Мэм, — и развернулся к «шеву», оставляя Элоди Моро дрожать под гнетом девяностоградусной луизианской жары.

Интрижке Хук/Моро не суждено состояться, и оба это понимали.

«Но, — подумал констебль, забираясь в машину, — не мытьем, так катком. По каджунке».

Глава 10

Верн шмыгнул в свою хижину тем же днем, хотя прекрасно понимал, что вообще-то не должен там появляться в светлое время суток — на случай, если кто-нибудь из местных наберется смелости ступить на остров. Господь свидетель, некоторым Верн уже помог исчезнуть — исключительно как предупреждение остальным, но всегда ведь найдется, как назло, глазастый придурок, жаждущий выследить чудовище Хани-Айленда и прославиться.

«Это ведь даже не Хани-Айленд, дебил!» — зарорал одному такому Верн прежде, чем утопить страдальца в байу.

Но больше он так не поступал.

Вместо этого Верн заныривал в воду, хоронился там, пока очередной пожевывающий табачок потенциальный охотник на чудовищ не уберется по-

добру-поздорову, и молился, чтобы тот не набрел на лачугу с теликом, холодосом и змеящимся из кипарисовых крон шнуром спутниковой тарелки.

«Не сегодня, — подумал Верн, вскрывая пробку первой бутылки водки за утро. — Сегодня сожгу любого мудака, если сунутся на мою святую землю. Да ну на хрен, задолбало прятаться».

Верн был не дурак. Он понимал, что происходит.

«Глухая тоска вцепилась, как псина».

Такие приступы уныния нападали непредсказуемо и часто сопровождались мигренями столь жестокими, что Верну казалось, будто у него вот-вот облезет верхушка черепа. Температура тела подскакивала до небес так, что он за двадцать минут бы расплавил собой ванну со льдом — при наличии лишнего льда, конечно.

Проблема заключалась в том, что раньше тоска подкрадывалась медленно: происходил эдакий постепенный спуск к низшей точке, потом неспешный подъем на другой стороне. Однако теперь его разум знал, чего ждать, и пустил все под откос, за считаные минуты нырнув от отметки «ноль» до критического минимума. Спровоцировать взрыв могла любая мелочь. Застрявшая в зубах рыбная кость. Миска невкусного гумбо. Или, как в данном случае, чуть более серьезная проблема — то, что его единственный друг зарылся в землю. Стоило стариине Ваксу упокоиться, как Верна охватила депрессия — и с тех пор стало только хуже.

Когда над Верном властвовали подобные настроения, ему казалось, будто он заточен в темном туннеле и впереди ничего, кроме тьмы. Бесконечная ночь с кратковременными вспышками света.

«Свет? — думал он сейчас. — Какой на хер свет? Я днем даже выйти не могу».

И тогда приходили мысли:

«А чего париться? На кой вообще ляд париться? Ты что, свое не отжил?»

К поверхности коварно подступал соблазн уйти в пламенных лучах славы. Подзаправиться жирами и рвануть прямиком на Белл-Чейз. Налететь, устроить им выжженную землю, прямо по полной. Посмотреть, сколько он разнесет, прежде чем флот сорвет брезент с тяжелой артиллерии.

«Епт, а ведь я, наверное, выжег бы эту базу с лица земли».

Верна забавляло представлять, какое же тогда поднимется бурление говн всемирного масштаба. Людишки ж, ей-богу, пообделаются. Вашингтон затрепещет от ужаса перед неизбежным драконьим переворотом. Камня на камне не оставят, это уж точно.

Вот, собственно, где Вернова воинственная фантазия теряла запал. Если он устроит себе пламенную показуху и проредит вооруженные силы, то можно последний четвертак поставить, что государство в поисках новых потенциальных угроз обшмонает все уголки света. И если Верн не последний, если где-то прячутся его братья и сестры, то своим поступком он обречет на гибель заодно

и их. Или, что хуже, их поймают живьем, подвергнут целому ряду беспардонных опытов.

А еще на нем явно сказалось свежеиспеченное пацифистское кредо Вакса — потому как Верн больше не наслаждался убийством людей так сильно. Алая пелена слегка рассеялась. Он уже больше столетия не впадал в беспричинное буйство, хотя, как Верн понимал, на каждое буйство таки находилась причина, если докопаться, так сказать, до истока этой реки. Верн убивал только для того, чтобы выжить, и тем не менее уже почти восемь лет был «чист» — с тех самых пор, как тот мудак-охотничек таки обнаружил то, что искал.

«Пока заводить табличку с перекидными листами, — подумал Верн. — Мол, “Никаких убийств за — 2923 — дня”».

Так что — никаких налетов на военно-морские базы.

Однако Верн все равно время от времени отчаянно жаждал просто не существовать. И пережить такие времена, прежде чем этот приступ уныния кончится, ему явно предстояло еще множество раз.

Он уже пытался добиться желаемого. В свое время он обнаружил, что шея у него слишком крепкая для любого сочетания веревки и падения. От смертоносной белладонны его разве что до дрожи в коленях пронесло. Мозги тоже не вышибить — пуля никак не пробьет черепушку. Зато, затолкав кремневку в нос, умудрился повредить пазухи. Еще Верн пробовал спрыгнуть с высоты,

но перед ударом трусил. Однажды — это случилось на сотню футов позже нужного и он заработал себе на пару десятилетий перелом плеча. До сих пор то и дело ныло.

Честно говоря, выходит как-то многовато боли и маловато толка.

Или выходило. До этого часа.

Потому как Вакс поручил ему уничтожить заветный саквояж — на случай, если какой дебил его найдет и решит, что в склянках афродизиаки. Саквояж убойных игрушечек, под завязку забитый несущими смерть штуками, передававшимися из века в век. Обычно Ваксмену не приходилось лезть за подходящим орудием слишком глубоко, но пару-тройку потайных карманов он держал — на всякий. Разумеется, могвай умел нащипывать человека лучше многих, но еще он мог подбросить в ухо паразита или мазнуть ядовитой бактерией шею — словом, провернуть любую изощренную, неуловимую проделку. Верну иногда казалось, что могвай находил истинное наслаждение именно в зловещей стороне дела, но в последнее время Ваксмен утратил азарт по части человекаубийства. Он сохранил саквояж — мало ли что, не предсажешь, — а теперь Верн прятал его в водонепроницаемом мешке, с которым и приплыл. И еще он знал, что внутри хранится нечто, способное прикончить и его, потому что об этом когда-то упоминал Ваксмен, может, лет пятьдесят назад, когда только начал собирать сию коллекцию.

Верн помнил первый день, когда Ваксмен шлепнул саквояж на оранжевый ящик, служивший ему столом еще до того, как могвай заделался антикварщиком.

«Видишь, Хайфаэр? — спросил он, будто саквояж не лежал у них прямо перед носом. — Мой наборчик для убийства. Ибо сам знаешь, если хотим помереть, людей придется гробить».

«Аминь, брат», — отозвался Верн, ведь правдивее слов еще не слышал.

Саквояж тогда был еще в зачаточном состоянии, но Ваксмен, тем не менее, выложил на импровизированный стол неплохую подборку. Ножи, склянки, завернутые в салфетку таблетки.

«До фига барахла, — прокомментировал Верн. — Набились как толпа клоунов в клоунскую машинку?»

Разговор имел место в те времена, когда Верн постоянно вворачивал шуточки про цирк, чтобы побесить Ваксмена — учитывая то, откуда и как он спас могвай.

«Поди на хрен, Хайфаэр, — отмахнулся Ваксмен. — Видишь ли, как раз из-за таких комментариев у меня появилась вот эта прелесть».

Упомянутой прелестью был маленький брикет из грязи и трав, обернутый листом крапивы и вошеной бумагой поверх, из-за чего казался вегано-хипстерским батончиком. Коим он, правда, вовсе не был.

«Драконья пагуба, — объяснил Ваксмен. — Потому как драконы — мудаки, которые решили, мол,

почему бы не поиздеваться над своими могваями, когда пожелается. Предупреждаю, Хайфаэр, я не одобряю такое обращение и не стану его терпеть».

Что, вроде как, поставило их на равных.

И теперь, семьдесят лет спустя, когда дракон и могвай сблизились, на столе перед Верном лежала драконья пагуба.

«Вот так просто, — рассуждал Верн. — Затолкаю эту малявку себе в глотку, залягу в болото, и пусть Ваксова пилюля делает свое дело».

В болото — чтобы тело никогда не нашли.

И, зародившись, эта мысль отказалась его отпускать. Две недели назад он был драконом, готовым ради выживания убить любого, а сегодня сидел в кресле, присасываясь к бутылке водки — существо, неспособное придумать ни единой, мать ее, причины жить.

«Драконья пагуба, — повторил тогда, давно, Верн. — Звучит больно. Та еще душегубка, небось».

Вакс усмехнулся, блеснув рядами острых зубов.

«Нет, сэр, никакой боли. Маленько словиши кайф, может, помелешь какую-нибудь чушь, а потом вздремнешь — и не проснешься. Оно мне не надо, чтобы дракон под судорогами в последние минуты успел мой старый зад подсмолить».

«Никакой боли, — думал Верн теперь. — Просто вздремнуть».

Привлекательно.

Подремать.

Что еще ему оставалось? Жить на гребаном болоте, пока залетный турист не сфоткает?

Нет. Лучше уйти на своих условиях.

«Своих условиях? Сгнить и разложиться в болоте, когда прежде мы господствовали над небесами?»

А все.

Уже давно все. Люди позабочились. Пора наконец взглянуть правде в глаза. Эре драконов настал конец — и настал он черт знает когда. Верн был что тот единственный в мире чувак, упрямо слушающий музыку на кассетах. Такую херню уже не вернуть.

Драконья пагуба переместилась на подлокотник. Восковая бумага будто потрескивала сама собой, подначивая Верна быть мужиком и покончить уже с этим дерьмом.

«Давненько такой хандры не случалось, — вдруг осознал он. — Видимо, заслужил».

И Верн принял решение.

«Пропью весь день, а если не отпустит, сожгу пагубу и славно занырну напоследок, куда-нибудь поглубже».

И именно этим он и занялся. Кроме заныривания. Тут все пошло не по плану.

Пшик Моро — ни сном ни духом, что констебль Хук уже сел ему на хвост — занимался своими необычными делами. Каждый день одно и то же. Подъем утром в промежутке с восьми до десяти, стряхнуть сон. Перехватить завтрак в «Жемчужине», поработать за баром носильщиком. Помочь

Боди подготовиться к наплыву желающих отобедать, малость пофлиртовать с Шандрай Бойс, официанткой. Иногда Шандра во время перерыва распивала с ним одну на двоих бутылочку крем-соды, но случалось такое редко — Шандра бегала за правильным чистеньkim мальчиком, а Пшик в этой категории пока не выслужился. Он был сродни наркоману, который только пару недель как слез: нужно поиметь за плечами еще месяц-другой-третий.

После обеда Пшик отправлялся на воду к сетям и ловушкам. Весь улов шел на кухню все того же гриль-бара, прибавкой к недельному заработка. Потом — затариться в магазине для Верна. Неотъемлемыми элементами списка были водка, пальмовое масло и свежее мясо, плюс всегда еще что-нибудь. Все это требовалось тщательно запаковать в сумку-холодильник и быстренько метнуться вниз по реке, как следует, мать его, стараясь избегать любых взаимодействий с людьми, иначе кто-нибудь увязается следом и от драгоценной чешуйки придется отказаться.

После доставки Пшик забирал новый список и совал в рот чешуйку, которая лежала сверху. Затем, забежав на задний двор за ведром дерьяма, направлялся к месту, где удобрялся старина Ваксмен. Иногда он разговаривал с могваэм, жаловался, какой же Верн геморрой на его задницу, и как за минувшие десять дней дракон едва попадался ему на глаза. И как пригодилось бы малость мзды

за потраченные часы. Те же деньги на бензин — уже что-то.

Пшику казалось, что он в этом подвешенном состоянии уже целую вечность, хотя прошла всего-навсего пара недель. Ему казалось, будто он уже позабыл, каково это — расслабиться, хотя, разумеется, припоминал мгновения спокойствия: когда раскуривал с Чарльзом-младшим косячок на дамбе, например, или смотрел с матушкой «Горца», ее любимый фильм — легкую жизнь, когда на пару часов ноша на его плечах не так сильно давила. Но теперь никак не мог ухватить это ощущение за хвост. Словно все это происходило с другим человеком и в другой жизни, потому что конкретно эта версия Пшика Моро попала в рабство к дракону.

На байу наступал вечер, к тому же выходного дня, так что страсти в Пети-Бато накалялись. «Жемчужина» ухитрилась застолбить Аарона Невилла, с которым когда-то пересекался Боди Ирвин. Шоу предполагалось тайным, но как только пошел слух, что на крошечной сцене «Жемчужины» зажжет король Нового Орлеана, в гриль-бар набилась половина Слайделла. Вторая половина заполнила столики на веранде и пристани.

В любое другое время Пшик ни за что бы не пропустил такое грандиозное событие, однако его ждала служба, и Ваксмен прямым текстом предупреждал, что опаздывать нельзя никогда. Его обязанности вечером были двойными: сменить ведра и доставить Верну покупки, а именно: пачку хрустящих шоколадных шариков, хлопьев «Лаки

Чарм», кукурузных палочек «Читос» и галлон соевого молока. Видать, дракон был из тех парней, что едят завтрак на ужин.

«Насколько могу судить, — думал Пшик. — Или вообще скармливает «Читос» сомам. Я-то все равно ни черта его не вижу».

Сказать, что Пшик офигел, когда тем вечером вкатил в лачугу сумку-холодильник и вдруг реально увидел дракона — значит ничего не сказать. Верн развалился в кресле; пластины и чешуя мерцали в свете телика, в двух когтистых пальцах одной руки болталась бутылка водки, в другой — вроде как протеиновая печеньюшка.

Пшик охренел еще больше, когда Верн произнес:
— Сдается, малец, умрешь в итоге совсем не ты. Сдается, это буду я.

Дракон, судя по позе, налакался в дрова, но Пшик, работая в баре у Боди, слыхал вагон и маленьку тележку пьяных речей, и чуял, когда в них есть доля правды.

— Еще кусок этой сраной печеньки — и баюбай. Прости-прощай, жестокий мир. И трепись кому хошь, все равно никто не поверит.

Пшик завис, не зная, как поступить. Если его тут вообще, конечно, спрашивают. Пусть дракон катится и скатертью дорожка? Или стоит попытаться его как-нибудь спасти?

— Но я вам хлопьев привез! — объявил мальчишка, что в данных обстоятельствах звучало как-то жалко. — И минералки. Из Франции.

Дракон склонил голову, будто раздумывая.

— Не-а, — заключил он через минуту, забрасывая остаток печеньшки в пасть. — Маловато.

И запил внушительным глотком водки, клацнув зубами о горлышко.

— Топай домой, мальчик. Не знаю, когда эта драконья пагуба подействует на всё. Может, устрою тут «Изгоняющего дьявола» по полной программе.

Пшик посмотрел этот фильм в основном потому, что мама категорически запретила. Оказаться на пути дракона, извергающего фонтан блевотины, аки пожарный шланг — перспектива так себе.

И все же.

«Если хорошенько проблюется, может, выживет», — подумал Пшик.

Внутренний голос это не устроило.

«Спасти? Тебе на кой ляд вообще его спасать? Пусть ящерица свалит, а с ним и половины твоих проблем как ни бывало».

«Да, но... Это же дракон, понимаешь?»

«Пофиг. И хер с ним. И к черту вымирание. Ташь зад в лодку, да покупки прихвати, пока можешь».

Даже Ваксмен его не обвинит, если Верн возьмет и вот так выпилится.

Глаза дракона подернулись туманом.

— Я повидал многое, малец, — проговорил он тихо. — Я наблюдал, как си-лучи мерцают во тьме близ врат Тангейзера.

Тут Пшик малость опомнился.

— И все, шеф? Все, что вы мне скажете, слизано из «Бегущего по лезвию»? Скажите уж напоследок что-нибудь стоящее.

Верн сощурился и погрозил Пшику пальцем.

— Подловил, малец. С «Бегущим». Думал, ты его не видел, с поправкой на юный возраст.

— Видел. Я с матушкой все старые фильмы смотрел. Она любит Горца.

— Епт! — воскликнул Верн. — В конце останется только один, верно?

— В конце останется только один, — кивнул Пшик. — И это вы. Один дракон. И вы хотите вот так уйти?

Верн моргнул — медленно, как будто с трудом.

— Я не хочу уходить и не хочу оставаться. Понимаешь, о чем я?

Пшик, по правде говоря, приблизительно понимал. Сталкивался с теми, кто плевать хотел на жизнь.

— Да, мистер Верн. Времена нынче тяжелые. Но у всех нас есть дела.

Дракон рыгнул.

— А у меня — нет. Ни черта нет. Вы же все об этом и позаботились. Ни один из вашего рода никогда ничегошеньки для меня не делал. — Верн подался вперед, упираясь локтями в колени, и малость пустил слюну. — Может, завтра и взойдет солнце, начнется новый день, знаешь ли, но я устал встречать рассветы в одиночку.

Пшик вспомнил слова матушки, которые услышал, когда она однажды пришла домой очень

усталая и обнаружила его в постели с коклюшем, а на заднем дворе, с косячком, своего нового кавалера, которому плевать хотелось на ее больного ребенка. И, вытирая Пшику лоб, матушка не-надолго заговорила о его настоящем папке, что случалось очень редко.

«Если бы я только помогла ему увидеть рас-свет, — произнесла она, и с кончика ее носа капнула слеза. — Но нас оказалось мало, тебя и меня».

Так что, когда Верн с сарказмом упомянул рас-светы, Пшика вдруг охватил гнев.

— Да пошли вы, Верн. Вы тут у меня не умрете.

Дракон снова напускал слюней.

— Верно, сынок. У тебя не умру. У себя умру.

— Черта с два, — буркнул Пшик и бросился дей-ствовать.

Или, вернее, бросился наворачивать узкие кру-ги, размышляя, в какую сторону, собственно, дей-ствовать. Он вспомнил, как его друг, Чарльз-младший, случайно глотнул отбеливателя, потому что бутылка, якобы, по размерам была похожа на ржаной виски его папаши. Мисс Ингрэм схватила Чарльза-младшего за шею, как индюшку, и затол-кала в глотку три пальца так, что он заблевал ей всю руку. Блузка мигом перестала быть модной.

Позже учительница признавалась, что медици-на такой примитивный метод не жалует, но черт, Чарльз-то остался жив, это ли не главное?

Но даже если и правда использовать метод мисс Ингрэм, вдруг окажется, что драконы блюют не так как люди? Впрочем, Верн ссылался на «Изгоняю-

щего дьявола», так что Пшик решил хотя бы попробовать.

«Но все-таки, — подумал он, — зубы на вид прям капец острые».

Пшик завернул радиус чуть побольше и сдернул с крючка одну из дюжины висящих там футбольок. Обернул ее вокруг предплечья и коротко помолился:

— Господи Иисусе, помоги мне.

— Встречал я Иисуса, — пробормотал Верн, поднимая голову. — Он даже плотником толковым не был.

На этом откровения кончились; Пшик всадил кулак дракону в глотку. Навалился всем весом, закряхтел и вдруг вспомнил, как несколько лет назад они с Чарльзом-младшим лупили в ведро, чтобы проверить, как глубоко кулак войдет в сохнущий бетон. А сейчас — в нечто более упругое, с рельефами мышц и клыками. Пшик встретился с Верном взглядом и, кажется, дракон был в ярости. Он вдруг встал — прямо вместе с Пшиком, — но блевать явно не собирался, так что Пшик подергал пальцами, а потом уперся ногами в широкую грудь Верна и рывком высвободил руку.

Следом потянулась, наверное, с пинту гелеобразной субстанции. Верн перхнул и выдал:

— Твою ж мать, вот это наглость!

А потом от души вытошил, что у него там было внутри, многоцветной многоструктурной блевотиной, плеснувшей на деревянный пол, словно поток трюмной воды.

— А-а, — протянул Верн. — Так вот, что ты вытворял.

Спасение жизни дракона уже не беспокоило Пшика так сильно, потому как для него наступила следующая фаза сего вечера, а именно — паника. Гелеобразное вещество, что предшествовало рвоте, успело прожечь футбольку, оставив лишь почерневшие лоскуты хлопковой ткани.

— Ой боженьки, — охнул Пшик.

Гель, тем временем, бодрым маршем прошелся по волоскам на руке и поджег их, словно тысячи крошечных бикфордовых шнуров, а потом просочился в поры, откуда повалили столь же крошечные ленточки дыма. Пшик взвизгнул от боли и захлопал по руке, как будто мог потушить драконье пламя.

— Фу, — поморщился Верн и добавил: — Мля.

Он перхнул и сплюнул еще один комок геля, который прожег в полу аккуратную дырку.

— Ладно, — заключил Верн, — тебе не понравится, малец, но лучше уж так, чем без руки.

А потом он спустил камуфляжные штаны, вытащил оттуда, как фокусник кролика, свой драконий причиндал и обоссал Пшику руку.

В основном руку.

Полчаса спустя дракон и мальчик расположились на деревянном настиле, наблюдая, как на речной глади то тут, то там всплывали зенки аллигаторов.

— Прямо «Прихлопни крота», каждую, мать ее, ночь одно и то же, — фыркнул Верн. — Будто я спустя сотню лет что-нибудь необычное сделаю.

— Вы пацана обоссали, — заметил Пшик, — а это, думаю, сойдет за необычное.

Рука осталась гладкой и немного покрасневшей — не хуже, чем когда он от скуки опробовал матушкину восковую полоску. Иногда, когда твоя матушка уходит в ночную смену, можно и поэкспериментировать.

Верн пожал плечами.

— По сути, я тебя пометил. И тебе вообще-то повезло, малец. У драконьей мочи масса свойств, включая какой-то там исцеляющий химический элемент. Есть версия, что могваи состоят из него почти полностью, отсюда и такая регенерация.

Пшик был не в настроении выслушивать урок естествознания. С его подростковой точки зрения, оказаться обоссанным куда хуже, чем сгореть. Вместе с тем, он мысленно занес драконью мочу в список штук, которые могут дать ему суперсилы:

«Дрэгон-бой. Неплохо».

— А если так подумать, — продолжал Верн, — это как алоэ вера помножить на миллион.

Вряд ли хоть кому-то икс-мену всралось бы использовать алоэ вера, так что Пшик опять впал в раздражительность.

— Алоэ вера? Ну дык вы это, напишите мне про него книжку, почитаю в старости, когда больше развлекаться уже никак.

Весьма неожиданный поворот в их взаимоотношениях, если спросить Верна.

— Так, — сказал дракон, — фильтрой речь, малец. Я все еще сверххищник вообще-то, усек?

Пшик потер руку.

— А вот и не буду. Вы меня так-то все равно убьете.

— С чего взял? — поинтересовался Верн, который, по правде говоря, размышлял об обратном, если, конечно, считать «не убивать» обратным к «убивать».

— Я должен жевать свежие чешуйки, так ведь? А вы удумали в болоте топиться. Так что, видать, моя жизнь у вас в приоритетах и не пробегала.

— Это да, — признал дракон, — зато когда ты мне врезал в дыхало изнутри, я решил-таки тебя не убивать. Даже если ты это только ради чешуи.

— Я о ней только что вспомнил, — пробормотал Пшик, сдернув с руки дюжину подсмоленных волосков.

Прозвучало так похоже на правду, что Верн заметно опешил. У заметно опешивших драконов, оказывается, трепетало третье веко, а морда сморщивалась так, что друг о друга стучали нарости.

— Брешешь, — буркнул он. — У людей так не бывает.

Пшик, что называется, натянул решимость на колки, воззрился на Верна и с нехилым осуждением выдал:

— А вы не думали, вдруг Ваксмен вообще-то прав? Вдруг все мы — души?

— Вакс не знает человечество так, как я, — парировал Верн. — Мальчишке всего-то несколько сот лет. В любом случае, с чешуей тебя развели. Драконий дых может оглушить, но не убить.

Вместо облегчения на Пшика накатил гнев.

— Да черт вас дери, мистер Верн! Развели со всех сторон! Вот как на вас наткнулся, так живу на нервах. Вы что, фильмов не видели? Встреча с драконом — это должно быть круто.

На этой точке запал иссяк, и Пшик подумал, что орать «черт дери» на дракона заняло первую строку в хит-параде его тупых поступков.

Верн, в свою очередь, не торопился, переваривая развитие их отношений за последние несколько минут. В конце концов, он даже не рассчитывал эти минуты застать.

— Круто, говоришь?

Пшик глядел на свою руку, будто она еще недавно была невидима, а тут вдруг появилась.

— Вот знаете, в чем ваша проблема, народ?

— Народ? — удивился Верн. — У меня что, теперь есть народ?

— Драконы. Люди. Любой, кто собирается кончать с собой.

— Не знаю, — отозвался Верн, малость раздраженный, — так просвети же, малец. Ты ведь прожил сколько, секунд десять?

— А проблема в том, что вам насрать на тех, кто остается.

— У меня никого не остается, — напомнил Верн. — Вакс упокоился. И, в любом случае, может,

я и так надолго тут задержался. Большинство людей в меня не верит, а те редкие, что да, хотят превратить в славную пару ботинок. Ты понятия не имеешь, каково это — когда в тебя не верят.

— Может, и так, мистер Верн, — отозвался Пшик, — но зато я знаю, каково оставаться. Знаю, каково носить в себе это ощущение, как хрящ, который засел внутри и ни туда, ни сюда. Я видел, что оно творит с матерями. Моя мама только и делает, что лечит народ, но не смогла вылечить моего папку, потому что его болезнь была невидимой. Никаких причин, кроме химии.

— Папка, говоришь? — произнес Верн, начиная понимать, почему Пшик решил его спасти. Тут гениальные мозги не нужны.

— Ага. Купил себе свою версию вашей сраной печеньки.

Сопереживать человеку Верн был пока не готов и не спешил высказывать мнение, прислушиваясь к червям, кишащим в болотной грязи.

Наконец дракон слегка усмехнулся.

— Так что, я для тебя недостаточно крут, малец?

— Не знаю, — ответил Пшик. — Никак не разберу. Слишком занят — в штаны гажу, друга хоронию в деръме, таскаю водку вниз по реке.

Верн с удивлением осознал, что его хандра размашистыми шагами удалялась в закат. Уныние пачана вытягивало его из собственного депресснинка — и, чтоб ему пусто было, если не захотелось малость подбодрить болотного крысеныша.

— Принес водку?

Пшик нахмурился.

— Ага, захватил, даже на кварту больше, на всякий. Подфартило, а? Теперь можно снова надраться и сожрать очередную сраную печенку.

— И минералку принес?

— Я уже об этом говорил, шеф, но вас упороло вратами Тангейзера.

Верн макнул чешуйчатую ногу в воду и задумчиво пошевелил перепончатыми пальцами.

— Ну, лады, Пшик Моро. Новая сделка, если хочешь.

— Да я старую дерьмом готов завалить, если мы об одном и том же, — не сбавил воинственных обротов Пшик, раз уж такой подход будто бы неплохо работал.

Верн заворчал, возвещая, что его терпение относительно Пшикова гонора вот-вот треснет по швам.

— Раз уж ты меня спас, я подновлю твой контракт. Второго предложения не будет, учти, и никаких торгов. Ты работаешь на меня и дальше, пока Вакс в земле, и я плачу тебе сто пятьдесят в неделю плюс премия, если не придется отчитываться за медлительность. За налог следит Вакс, поскольку у меня нет ничего, кроме золота. Так что рассчитаемся, когда он выцарапается на поверхность. Веди учет.

— И вы меня не убьете? — уточнил Пшик.

— Только если на то возникнет абсолютная необходимость.

Пшик пораскинул мозгами.

— И если эта абсолютная необходимость возникнет — то только меня, — сказал мальчишка. — Маму вы оставите в покое.

Верн прикинул, что на такое пойти вполне может, так что они ударили по рукам — дракон и мальчик.

«Ну и срань господня, — подумал Пшик, чувствуя, как крепкие, чешуйчатые пальцы дракона скрыли под собой его ладонь. — Такого я от этого лета явно не ждал».

Это же, в общих чертах, подумал и Верн.

После долгого задумчивого молчания дракон спросил:

— Скажи, малец, раз уж работаешь в баре и все дела... могешь навести мартини?

Глава 11

Весь конец июля Пшик трудился больше обычного — раз уж на кону теперь стояла зарплата, а Верн, в свою очередь, основную часть вечеров являлся почесать языком, хотя иногда все же где-то пропадал. Пшик обожал эти недолгие беседы с драконом, ведь считал, что он — единственный на божьей земле человек, в них участвующий, и с нетерпением ждал дня, когда сможет открыть свою тайну Чарльзу-младшему. Или, может, даже попадет на шоу к Джеймсу Кордену, забавному парню, похожему на типичного хитреца-слугу из «Аббатства Даунтон».

Одним вечером Пшик появился в хижине со стареньkim календарем, который раздобыл на Ибэе на прошлой неделе, но никак не мог поймать подходящий момент. Он все еще не был уверен, что время пришло, но Верн заметил торчащие из

ящика с покупками потрепанные уголки. Выдернул календарь, быстро изучил и пришел в ужас.

— Что, ради святых яиц, это такое, сынок? — спросил он, перелистывая летние месяцы.

— Это? Под-лин-ный календарь с драконьим фетишем, — ответил Пшик, засовывая шесть бутылок «Абсолюта» в холодильник. — Вы не поверите, сколько на драконах повернуто дамочек. Фетиш или типа того. Зовут себя «Чешуйками», представляете? Чешуйки, мать их. Только посмотрите, все такие горячие и озабоченные из-за переодетого драконом чела.

Верн хохотнул.

— Помнишь еще совсем недавно я собирался тебя убить, малец? Так вот эти времена опять не за горами.

— Ну будет вам, мистер Верн. Красивые же дамочки.

Верн уселся в свое удобное кресло.

— Не для меня.

Тут у Пшика возник вопросик.

— А как так вышло, что вы таскаете футболки с «Флэшдэнсом», если человеческие дамочки такие страшные?

Верн подмигнул.

— А это вопрос для мартини, малец.

— У вас все вопросы для мартини, мистер Верн.

Однако Пшик все-таки хотел узнать ответ, поэтому смешал дракону коктейль в банке из-под орехового масла, с оливками и всем фен-шумом, и дождался, пока Верн сделает глоток.

— Неплохо, мелкий.

— Так что там насчет «Флэшдэнса»? В нем же ничего особенного.

Верн зарычал, из ноздрей вырвались угольки.

— А ну-ка не вякай. Это фильм-вдохновение. Женщина стремится к мечтам. И добивается своего, несмотря ни на что. — Глаза дракона вспыхнули. — И по профессии она сварщица. Работает с огнем, сечешь? — Он заурчал и закрыл глаза. — Что за чувство.

Пшик отнесся скептически.

— И все? Работает с огнем? Вот и вся великая связь?

— Ну, не совсем, — признал дракон. — Есть еще момент, когда она на стуле. И падает вода.

Пшик знал этот момент. Он в десятке лучших для любого подростка, даже спустя столько лет.

— Ага, но она же человечка — а мы стремные, так?

— Так, мальчик мой Пшик, но когда на силуэт Дженинфер Билз падают струи воды, а ты в нужный момент клацнешь на паузу и, может, малость сощуришься, то покажется, что у нее крылья и даже, наверное, хвост. И чтоб меня черти драли, если она не напоминает китаянку-драконицу, с которой мы славно провели время на горе Сагарматха. Ух, поплавили снежка! Рассказал бы, но лучше не буду, по причине твоего несовершеннолетия.

Пшик угостился пепси из холодильника.

— Долго, видать, надо с кнопкой паузы упражняться.

— Годы, — отозвался Верн. — Десятилетия.

Пока вся эта сердцещипательная история единения мальчика с драконом имела место, Хук отнюдь не в потолок плевал. Клювом щелкать — это вообще не про Ридженса Хука, особенно, когда над башкой Дамокловым мечом висело потенциальное обвинение в убийстве. О Дамокловом мече Хук знал все, потому как его папка ссылался на онай всякий раз, когда бремя обреченной уличной церквушки не мог сдвинуть с его плеч даже бурbon.

Однажды он в раннюю срань ворвался в комнату Ридженса и как торчок под ломкой понес чушь. «Ты понятия не имеешь! — орал он на сонного подростка. — Понятия не имеешь, как тяжелодается телу богоугодное дело. Даже Господь наш Иисус сам пытался от него отвертеться. Но, мальчик, от Дамоклова меча не уйти. Он висит надо мной каждый день, каждую секунду. И в миг, когда я дам слабину, он падет».

Хук проверил, что представляет собой этот известный меч, и оказалось, в Библии его даже не упоминали. Его придумал какой-то грек, чтобы выпендриться.

Спайдерменов дядя Бен высказался получше: «С великой силой приходит великая ответственность».

«И более серьезные последствия, видимо», — думал юный Ридженс.

Тем не менее, история эта подала ему идею, и одной ночью, когда папенька налакался, Ридженс подвесил к потолочному вентилятору над пасторской кроватью — на тоненькой ниточке, скатанной из клеевой замазки — свой охотничий нож.

Нож висел, мерцая с каждым витком, но не упал, пока преподобный Джеррольд не встал отлить. Папаша так ничего и не заметил. Не услышал резкий глухой стук. Не увидел мальчика, сидящего скрестив ноги в кресле-качалке.

«Блин, — подумал юный Хук, забирая нож. — Кажется, папенька еще малость попроповедует».

Теперь Хук чувствовал этот метафорический меч над собственной головой. Ну, может, меч — это как-то слишком сильно. Комар — вот так, наверное, правильнее. Пшик — раздражающий элемент, не более. Нечто, с чем нужно разобраться. Хук не сомневался, что если не сворачивать с пути, то решения, как всегда, раз за разом представляются сами, пока эта лавочка не прикроется. Такова жизнь, и нет смысла париться. Нацелился на трофеи и продолжаешь в том же духе, пока какая-нибудь высшая сила не решит, что пора с этим кончать.

«Так ты веришь в Бога или нет, Ридженс?» — немало спрашивал себя Хук.

И ответ на этот вопрос различался в зависимости от его настроения. Частенько он сводился

к чему-то вроде: «Я верю в Бога достаточно, чтобы Его ненавидеть».

Такой вывод вызвал у Хука улыбку.

Но Пшик... Пшик Моро вел себя что тот москит, которого никак не поймать. Большинство этих тварюжек просто кружили вокруг, свесив ножки, и ждали, когда их прихлопнет свернутый журнал. Но временами встречалось насекомое поумнее большинства представителей своего вида.

Как там таких называют?

Назойливые.

Вот Пшик был из этих.

Разумеется, Хук мог попросту подождать на причале и выволочь Пшика из его дражайшей пироги, как только заблагорассудится, но теперь в игру вступили новые лица. Пшик работал на Ваксмена. Может, старый урод знал больше, чем надо. Может, Пшик Моро доверил ему тайну — или, например, своему второму шефу, Боди. Может, Пшик нашептал сказочки о продажных констеблях своей матушке или дружку, Чарльзу-младшему.

«Сраный эффект домино», — подумал Хук и выстроил план.

А именно: взять пару-тройку дней отгула, как доктор прописал, и по-военному сесть на хвост Пшику Моро.

Хука бесило, что надо потрудиться и обрубить все концы, но тут лучше перебдеть.

А еще бесило, что приходится брать больничный, потому что вообще-то Хук планировал его использовать позже, чтобы через даркнет поехать в снайперский лагерь в горах Озарк.

«Тут уж Пшик одним пальцем не отделается».

Разворачивать полноценные военные действия не было нужды, однако, по правде говоря, Хуку просто нравилось возиться с профессиональными инструментами, а в Пети-Бато с ними особо не развернешься. Временами он устанавливал слежку за самогонным заводиком или конопляной фермой, но это дела полиции штата, а Хук не хотел играть в местного копа-героя и привлекать внимание. Поэтому он, в основном, просто приглядывал, вдруг что обломится и ему. В прошлом году он так заскучал, что принялся взрывать лаборатории, где варили мет. Чума просачивалась в Пети-Бато, затягивая и шерифа, а это, в свою очередь, затрудняло деятельность Хука, так что тот нашел лучшее решение: пусть эти варители выжгут себя сами. Проще некуда — подложить зажигательный снаряд в бензобак, а дальше уже фосфор спасит-ся. Хук отправил в отставку три деятельных болотных фабрики за полгода, а потом закруглился — пока среди помощников шерифа не нашелся глазалмаз, который заподозрит неладное. Ну и вышло, что делал Хук таки достаточно: поднимающая голову зависимость от метамфетамина склынула

вниз по реке обратно в Новый Орлеан аки прилив морской воды.

Когда Хук вспоминал эту кампанию, события ее казались столь невероятными, что иногда он задавался вопросом, не приснилось ли ему.

Славный сон.

Так что, по правде говоря, Хук был вполне доволен и готов достать из тайника за панелью ангаря свой рабочий набор и дать волю солдатскому чутью. И если представится случай скормить Пшика аллигаторам — дак пусть, лишь бы след не привел к Хуку. Вселенная уж точно постебется, если он отмажется от одной мокрой статьи и подведет себя прямиком под следующую.

«Тише едешь».

«Ваши слова, полковник».

Первая ночь — строго удаленная разведка, однако обнаруженное и так убедило Хука, что он определенно на верном пути. Констебль со всем удобством устроился на плоской крыше своего ангаря и нацелил монокуляр с ночным видением на причал Моро.

«Ну, погнали, Пшик, — подумал он. — Работка ждет».

И Пшик погнал.

Только его матушка отправилась на автобусную остановку, как Пшик зашуршал по причалу, загружая лодку. Обычными, вроде как, покупками. Мелкого ублюдка было видно как на ладони.

«Ишь бобер ретивый, — подумал Хук, — прям рад стараться».

Констебль на миллисекунду преисполнился завистью. Каково это — быть таким счастливым хоть пару минут в день?

«Не, — отмахнулся он, — да ну на хер. На счастье далеко не уедешь».

Однако Пшик и правда выглядел счастливым, даже пританцовывал под мелодию в голове. Хука это настолько взбесило, что он прикинул, не пристрелить ли пацана прямо здесь и сейчас, но руку остановил явившийся с того света призрак полковника Фараиджи:

«Терпение, сержант. Мы должны собрать разведданные, не уничтожить их».

Потому Хук оставил винтовку в чехле и продолжил наблюдать, пожевывая кубинскую сигару, которую ему не терпелось раскурить. Но пока было рано.

Внизу, на реке, Пшик отчалил и прямо с порога стартанул движок. Неплохая посудина, не мог не признать Хук и вдруг сообразил, что окажись Пшик в достаточной мере продажным, он мог бы стать идеальной заменой Уилларда Карнахана, как дитя болот до мозга костей. От этой мысли Хук быстро отказался. Хватит с него болотных жителей. Они непредсказуемы, склонны идти на поводу у своих желаний, неблагонадежны. Хуку хватало честности признать, что он и сам, безусловно, еще как неблагонадежен, однако подчиненных предпочитал исключительно верных.

«Ирония та еще, но сойдет, пока вариант получше не наклонется».

Хук откусил кончик сигары и принялся его посасывать, как жевательный табак. Констебль чувствовал себя как-то тепленько, и это казалось ему неправильным.

«Видать, если солдат ведет наблюдение ночью, свежесть пустыни как раз охлаждает».

Вот только тут не Ирак, и Хук уже никакой не солдат.

Пшик, тем временем, поплыл, против всех ожиданий, вовсе не к другому берегу; вместо этого мальчишка прижался к кромке камышей и направился вниз по течению.

«Вниз, — подумал Хук. — В сторону Хани-Айленда. Где граната почему-то полетела по обратной траектории. Где кто-то увидел, как я потрошу Карнахана».

Интересное развитие событий. Совпадение или Хук с первой попытки ткнул в золотую жилу?

«Пшик — моя остановочка?»

Было бы хорошо наконец заткнуть эту течь.

Причем, возможно, даже с весьма отрадным результатом. По опыту Хука, скорбящие родители теряли всякую осмотрительность. Мать, убитая горем, способна ради крепких утешающих объятий почти на что угодно.

«Черт, я смогу даже повесить убийство Пшика на какого-нибудь лоха, и сам буду типа рыцарь в белом плаще».

Ридженсу хватало ума понять, что прикончить пацана и начать отношения с его матерью — это бессердечнее некуда, но плевать ему хотелось. По

суги дела, он даже гордился, что в бездушии ему еще было куда расти.

«Видать, прав был полковник, и я один из этих социопатов, — подумал Хук. — Типа как Спок».

Однажды констебль даже прошел тест в журнале, мол, насколько он социопат, и был весьма доволен набрать почти максимум — бок о бок с ребятками из крупного бизнеса.

Почти — потерял несколько очков на том, что в отличие от большинства социопатов он выстроил предельно четкий жизненный план и учился на опыте.

«Я социопат, который думает наперед, — самодовольно размышлял Хук. — Король среди психов».

Когда пирога Пшика скрылась за поворотом реки, Хук прикурил сигару и с наслаждением затянулся, думая о том, как приятно отсюда сверху наблюдать за миром, представлять, как воплощается четкий жизненный план.

Пшик. Айвори. Канал поставок.

Хук вдруг сообразил, что самые ценные звенья инфраструктуры Конти — это его ручные блюстители порядка.

«Епт, да нам никого кроме самих себя и не надо. От всех этих гангстеров больше бед, чем пользы».

Что нужно сделать — так это зачистить штаб Айвори, а потом связаться с прикормленными полицейскими.

«Они уже подсели на кровавые денежки. Вряд ли заманить их в фан-клуб Ридженса будет сложно».

На третьей сигаре — и с некоторым першением в горле — Хук вновь поймал в монокуляр Пшика. Полтора часа спустя мальчишка пересек реку, направляясь в сторону Ваксмена.

«Обожаю все это барахло с ночным видением, — подумал констебль. — Не спрячешься».

Хук мог сосчитать пальцы на левой руке Пшика, скимающей рукоять, даже с расстояния в, наверное, тысячу ярдов.

«Четыре. Все чин чином».

Пирога уже не проседала так сильно; судя по всему, груз, каким бы ни был, оказался доставлен. На носу посудины маячил новый предмет — запечатанный железный бочонок, который мальчишка, очевидно, забрал в предыдущей точке.

«Что там? Радиоактивные отходы?»

Наверняка ничего необычного. Наживка или соль. Вероятно, Пшик просто проверял ловушки и забрасывал покупки кому-нибудь болотному холостяку. Вероятно.

А «вероятно» — это еще не «верняк», так что лучше вести наблюдение.

Может ли Пшик проворачивать какое-нибудь дельце? Ваксмен промышляет контрабандой, если так вообще нынче говорят? На все вопросы нужно было найти ответ.

«Это моя вода, — подумал Хук. — Я — Ридженс, король реки Перл, и никто тут не смеет провозить барахло без моей отмашки».

Сама мысль об этом заставила констебля усмехнуться. Теперь у него появились вариантики. Взять лодку Карнахана и прокатиться к дому Ваксмена, маленько перетереть с обоими.

Или.

Или продолжить наблюдение, подкопить разведданных. В конце концов, куда легче следить за объектом, когда более-менее представляешь, куда объект направляется.

Вторую засаду Хук устроил ниже по течению. На этот раз он решил залечь в кусты, а до того целый день доплел свой старенький снайперский камуфляж.

«Епт, — подумал он весь в ностальгии, — это ж сколько воды утекло?»

По правде говоря, такое прикрытие не то что было нужно, однако Хуку нравилось ощущение сети в руках и, если уж начистоту, камуфляж давал ему ощущение власти, и это приятно щекотало нервы. Ему доставляло удовольствие нести погибель издали — представляя, что последней мыслью мишени становилось «Что за нах?!».

И если все бредни, которыми фонтанировал папаша, были правдой, то душа жертвы воспаряла в небеса, продолжая высматривать, кто же ее, черт возьми, пристрелил, а Хук оставался в зарослях не-

видимкой. Иногда, если зона боевых действий оказывалась защищена, Хук тыкал в небо средним пальцем — чисто подлить оскорбительного маслица в огонь смертоубийства.

На самом деле Хук не был разведчиком-снайпером ни по профессии, ни по чину, но взялся за это дельце как фрилансер в стране пребывания, в основном для Фараиджи. С пятисот футов он был не так уж плох, но потом зрение уже малость подводило. Легкая пресбиопия, как сказал глазник. Судя по всему, сложно было сфокусироваться.

«Например, на будущем, — подумал Хук. — Но я над этим работаю».

Констебль арендовал у Боди Ирвина скиф. Посудину построили с осадкой столь малой, что она могла удержаться на плаву и в ванне, и с алюминиевым корпусом столь легким, что любой турист-идиот мог стащить ее с отмели. Хук покинул станцию ближе к вечеру, и для всего мира выглядел копом, что решил поправить здоровье и в погожий денек закинуть удочку.

«Всю же сбрую прихватил, так?» — подумал Хук, опустив ладонь на ящик со снастями, заполненный отнюдь не прикормом и спиннингами, но пулями и гранатами из заначки Карнахана.

Хук не знал наверняка, где Пшик вчера провел те полтора часа, но в своих догадках определял мальчишку где-то у Хани-Айленда, где и стряслась вся херня, которая не давала констеблю покоя.

«Где я потерял «Элоди» со всей экипировкой», — подумал Хук и почтил память своей лодки и чу-

десного вооружения, почившего вместе с ней, минутой молчания.

Хук — в надвинутой на глаза рыбакской шляпе — безо всякой спешки плыл вниз по реке, помахивая проходящим мимо прогулочным судам и корабликам для ловли креветок и пытаясь выглядеть нормально.

«Я не здесь», — транслировал он вселенной, и вселенная как будто была не против, потому что стоило ему миновать южную извилину реки, как движение сошло на нет и Хук оказался на реке один — по крайней мере, из людей.

Там, на реке, было сложно не наслаждаться жизнью. Сновала туда-сюда рыба столь крупная, что временами бодала киль, и стояла редчайшая для Луизианы погода, когда солнце висело, окутанное завесой неподатливой дымки, и даже влажность малость смилостилилась над народом внизу. Хук вдруг понял, что может дышать ртом так глубоко, как хочет, без сдавливания в груди.

Так что было и правда сложно не наслаждаться жизнью. Хук, тем не менее, стойко держался.

Ему в голову снова пришла мысль, что, наверное, можно быть счастливым, но веса не заимела.

«Счастье? Ну и какой в нем, мать его, смысл?»

Папаша его никогда не был счастлив, как бы высоко ни взбирался по лестнице Иакова.

В юности Хук верил, что сам испытывал счастье всякий раз, как приканчивал врага, но теперь предполагал, что это были скорее всплески

победной ярости, что-то типа «А я еще здесь, ублюдина!!!».

«Сойдет, — подумал Хук. — И задержусь еще на долго после того, как раздавлю этого жука Пшика Моро».

Он зажег сигару, чтобы отогнать москитов, и вернулся в привычное мрачное расположение духа.

Несколько часов спустя тот же путь проделал и Пшик — с ровно распределенными по пироге покупками, в том числе:

- новая карточка для Вернова спутника, чтобы дракон мог смотреть свои платные программы с боями;
- упаковка пончиков «Криспи Крим», которые определенно не были кетогенными.

А еще:

- галлон грибковой мази, обсуждать которую Верн отказывался.

Пшик предупредил дракона сообщением в ватсапе, что он уже в пути, а потом расслабил булки на деревянной перекладине, которую установил в пироге для сидения, и принялся поигрывать ручкой газа, петляя зигзагами по заболоченным кипарисо-ниссовым угодьям.

Пшик однозначно находился в прекрасном возрасте для восприятия поразительных поворотов событий и новостей, которые определенно довели бы большинство взрослых до безумия.

«Не жутко ли любопытная штука эта жизнь? — думал он. — То у меня на хвосте убийца-дракон, то опомниться не успел, как получаю зарплату».

Драконы не просто когда-то правили миром — один из них до сих пор жил, и он, Эверетт «Пшик» Моро Третий, на этого дракона работал.

На самом деле, никаких Эвереттов Моро Первых или Вторых не было, но порядковый номер звучал круто, так что Пшик иногда мысленно его прицеплял. Однажды он сдуру ляпнул его при Чарльзе-младшем, и где-то с месяцем друг именовал его не иначе как Эверетт «Пшик» Моро Туалетий, что очень быстро перестало быть смешно.

Управляя лодкой, Пшик сунул в уши наушники. Верн явно заставит слушать свой излюбленный ис-копаемый джаз, который по возрасту наверняка был ровесником самого дракона или около, так что мальчишка врубил «Грин Дэй», которых чтил его первый шеф, Боди Ирвин. Пшик не мог не признать, что эти ребятки определенно знали толк в годных гитарных запилах.

Десять минут спустя Пшик обогнул Хани-Айленд и ровно, когда солнце улеглось среди верхушек деревьев, нырнул в Вернов тупичок. Если не знать про старенький причал, то ни за что не найдешь его среди мха, бамбука и месива из кувшинок, которые уже будто тысячу лет колыхались на воде нетронутыми. Но Пшик нашел себе кучу ориентиров и по торчащим из грязи корням кипариса, по бурым горизонтальным рубцам на стволе черного дуба определил, что прибыл на место. Он

поддал газу в последний раз, а потом вырубил двигатель и прошел последние десять футов по инерции, направляя движение безжизненным пропеллером.

Разгружая пирогу, Пшик прикинул, о чем спросить Верна сегодня:

«Вы когда-нибудь дрались с Бигфутом?»

«А с Дракулой вы знакомы?»

И главное:

«Что за фишку вы проворачиваете со своим хозяйством, что оно оп и исчезает?»

В ходе дальнейших размышлений Пшик прикинул, что, наверное, начать лучше с вопроса о хозяйстве, потому как во время допросов терпение Верна зачастую быстро иссякало. Или, может, ослабить оборону Бигфутом, а вопрос о хозяйстве сделать в списке вторым.

Остановившись на этом плане действий, Пшик решил нюхнуть грибковую мазь — вдруг снизойдет осознание, что Верн собирался ею умащивать, потому как от людских недугов дракон страдал вряд ли.

«Впрочем, он большой, — подумал мальчик. — И живет в болоте».

Раскрутив крышку наполовину, сквозь затихающие финальные аккорды «Баскет кейс» Пшик вдруг услышал сопение. Он виновато вскинулся, решив, что Верн поймал его на горячем.

Но сопел не Верн. А красноглазый кабан, размером с небольшую коровку. Щетина на спине торпщилась.

— Тш-ш, мальчик, — заговорил Пшик, будто с собакой. — Тише-тише.

К сожалению, по-песни кабан не говорил. И стартанул, как из пушки.

«Бля, — подумал Пшик. — Пощадил дракон и прикончил кабан. Вот же херня».

Пока на его причале готовилось развернуться кабанье безобразие, Верн лежал в излюбленной подводной люльке. Она представляла из себя естественный гамак из спутанных водорослей и мягкого сланца на илистом берегу. Местечко не только замедляло эрозию, но служило парню, которому хотелось бы поймать последние алые лучи луизианского солнца, тепловой ловушкой, а крошечная сосулька из соленой воды, непонятно как дотянувшаяся так далеко, одновременно охлаждала, так что Верн совсем не спешил оттуда вылезать, хоть мальчишка уже торчал на причале. Дракон его видел, потому как подсунул в верхнюю часть своей люльки подушку из черепашьего панциря, который удобно ложился под голову. Так что, когда надо было вдохнуть, Верн мог открыть ноздри и выглянуть.

«А вот и Пшик, — подумал он, высасывая из ракушки моллюска. — Интересно, мазь он достал?»

Покончив с моллюском, он похрустел и раковиной, что несло в себе двойную пользу — поскрести зубы и укрепить десны, эдакий аналог похода к стоматологу-гигиенисту.

«Еще десять минуток, — решил Верн, — потом поднимусь и просвещу мальца о джазе».

Десять минуток — как раз на еще один вздох.

Верн открыл ноздри и вздохнул. К воздуху примешался запах — знакомый, малость резче обычного.

«Кабан», — понял Верн.

Но не просто какой-то кабан. Конкретно этот парень был местным свинолордом и, если б не Верн, властвовал бы совсем безраздельно. Кабан пару раз совал сопящий пятак через границу Верна, и дракон отправил его в пешее эротическое прицельным огненным плевком в крестец, порядком подсмолив шкуру.

Так играть с кабаном было глупо, честно говоря, потому как диким зверям, как правило, учиться на ошибках несвойственно. Черт, даже аллигаторы никак не могли усвоить, что надо держаться от его прогалинки подальше, а ведь шпынял он их годами, даже десятилетиями.

«Ишь, пристает к моему пацану. Надо было эту тушу зажарить».

Верн читал телодвижения кабана даже издали. Здоровяк свин трясся так, будто его в розетку воткнуло.

«Если голова опустится, — подумал Верн, — то надежда уже померла».

Голова опустилась.

«Мать твою», — подумал Верн и сорвался с места.

Верн сумел раз взмахнуть крыльями под водой — тот еще сучий маневр, спасибо сопротивле-

нию, — и этого хватило, чтобы вытолкнуть его на поверхность, всего во влажных струях, стекающих по ложбинам в пластинах, которые ради этой цели и сформировала эволюция. Уже в воздухе дракон отклячил зад, отчего голова вскинулась вверх. И из такого положения, где-то с пятидесяти ярдов, он сощурился, харкнул и плонул единственным сгустком пламени, отразившимся в реке и пролетевшим от дракона до кабана за доли секунды. Огненный шар поймал последнего уже в прыжке и пригвоздил к стволу черного дуба, где бедная животина, обосравшись, увиждалась, как и положено свинье, пока пламя не пропалило ее до самого сердца и не заткнуло навсегда.

«Ух, чтоб мне фаберже как у Синего Бена, — подумал Верн; в былые времена это была расхожая фразочка. — Жаль, что Пшик стоял спиной».

«Потому как приемчик, мать его, смотрелся явно охренительно».

Хук определенно не стал бы спорить, что зрелище вышло охренительным в прямом значении слова — не как отменная пицца или заснятый для Ютуба флип на скейте, а как граничащее с невозможным.

Разведав местность, Хук решил устроиться на подковообразном болотистом участке, который, весьма вероятно, через пять лет станет сперва островком, а через двадцать — полноценным островом. На центральном клоке типично ютилось тесное скопление вековых деревьев, теснивших

друг друга корнями, а всякий свободный дюйм грязи заселил бамбук. Хук сумел пробраться к этому берегу и втиснуть скиф между парой стволов под покрывало из мха так, что он стал неопытному глазу невидим, а опытному — почти невидим.

Хук оглядел свои труды и остался доволен.

— Эй, папаш, — обратился он к небесам, — и сотворил я дельце, и увидел, что оно, черт дери, хорошо.

Что вызвало у него улыбку.

Затем констебль малость занялся ручной работой — вырубил себе славную нычку в, наверное, восьми футах над землей, где переплетались, словно любовники, два кипариса. Хуку нравилась такая работенка, помогала на время выбросить мысли из головы. Когда с размаху бьешь полевым топориком по твердой древесине, ни для чего другого не остается места — если, конечно, не хочешь пожертвовать пальцем-другим.

Времени ушло больше обычного: Хуку приходилось приостанавливать бурную деятельность всякий раз, как из-за излучины показывалось судно.

Посудины для ловли креветок. Экскурсионные кораблики. Легкие скифы. Пироги. Хук и не подозревал, что движение на реке настолько оживленное. Но в перерывах он, по крайней мере, успевал перехватить достаточно воды, а в его возрасте это важно.

«Черт, Риджэнс, — думал он, — еще немного и все, полтос подкрадся незаметно. Кто б мог подумать, что ты протянешь так долго?»

Никто — и уж тем более не сам Риджэнс.

«Епт, а ведь костлявая держала меня на мушке с дюжину раз».

Так или иначе, закончив обустраивать засаду по своему вкусу, Хук забрался наверх и устроился поудобнее с камуфляжной сеткой на голове и плечах.

«Лады, Риджэнс, — подумал он, — теперь только ждать».

Чем он, собственно, и занялся, глядя в прицел старенькой винтовки Браунинга, с некоторым удовлетворением наблюдая, как на воде в своем дрянном каноэ показался Пшик, выписывавший дебильные маневры, чтобы не зацепить деревья. Света еще хватало, переключаться на «старлайт» Хук не стал.

Он проследил, как пацан пришвартовался у потайного причала и начал разгружать лодку. Потом явился кабан, и Хук подумал: «Епт, а может, за меня все разрешит сама природа».

Но природа так и не успела ничего сделать, потому что кабаний козырь получил самого необычного пендаля.

На тот момент Хук провел в засаде многие часы и перешел в снайперское агрегатное состояние, при котором весь мир становился как будто миражом. Стрелки-ветераны частенько поговаривали, мол, когда долго смотришь в прицел, выстрел в цель перестает казаться чем-то реальным.

Именно поэтому, когда из воды, где-то в пятидесяти футах ниже по течению, вынырнуло крупное существо, Хук не рухнул с дерева. Первой его мыслью было: «Ты папашу своего грохнул в церкви под ураганом. То, что демоны начнут мешаться — вопрос времени».

Однако он быстро сообразил, что увиденное — не галлюцинация. Та штука была реальна как вода, из которой она вылезла, и небо, в которое взлетела.

«Гребаное чудовище Хани-Айленда, — подумал Хук. — Оно существует».

Констебль оставался оцепенело-неподвижным из соображений, мол, мало ли на что способно существо, хотя крылатая зверюга размером с медведя и с клыками как у моржа наверняка может еще как навредить.

«Смотрит не в мою сторону, — подумал он. — Давай-ка глянем, как все развернется».

Развязка виделась Хуку примерно следующим образом:

- кабан обделяется;
- кабан убегает;
- чудовище жрет мальчишку.

И в двух пунктах он ошибся.

Кабан действительно обделялся — но только после того, как чудовище прибило его к дереву огненным шаром, которым, судя по всему, выстрелило изо рта.

Огненным-бог-свидетель-бля-буду-шаром. А-ля дракон.

«Круто, — подумал Хук, а потом: — Так вот, с чем я тут имею дело? С драконом?»

Частично он был доволен, что сумел не прервать полосу под названием держать-себя-в-руках-пока-вокруг-творится-мракобесие.

«Перегибы меня не колышут».

Ни у религиозных фанатиков любого рода.

Ни, как выяснилось сейчас, у животных.

Правда, Хук заметил, что руки все-таки слегка дрожат.

«Черт, да большинство на моем месте уже бы рухнули с дерева, — подумал он. — Дрожь в руке значит, что я не тупой, вот и все».

Сюрреалистическая сцена, тем временем, продолжала разворачиваться, не подозревая о тайном наблюдателе. Дракон, если это был он, скользнул к причалу и... не напал на Пшика. Более того, похоже на то, будто малец ему знаком.

Выглядело, будто они...

А могли эти два мудака?..

Вести всамделишную беседу? Всамделишной речью?

Света становилось все меньше; Хук поспешил полез в рюкзак за монокуляром и переключился на ночное видение.

И вот ему открылась картина, ясная как зеленый день: пацан и дракон трепали языками.

«Вот это поворот», — подумал Хук, подправляя фокус и рассеянно прикидывая, что надо обязательно заменить монокуляр на новый, с автофокусом.

Но, несмотря на возраст, гаджет вполне помог констеблю увидеть, как дракон разделал кабана парой небрежных ударов когтями, а потом прямо на месте вгрызся в обугленную ногу.

«Мудила опасен, — отметил Хук, а потом: — Более чем, он типа как гнев господень».

Гнев господень: именно то, что Хуку и было нужно.

— Спасибо, вселенная, — пробормотал он под нос и мысленно составил перечень необходимого.

Продлить отгул.

Усилить наблюдение, включая запись аудио и видео.

Раздобыть крупный калибр.

Глава 12

После эпизода с кабаном Пшика нехило потряхивало. Он даже предположил, что хорошо бы Верну не разжигать вражду с дикой природой.

— Может, не стоит злить агрессивных хищников? — возмутился он. — Сперва аллигаторы, теперь кабаны.

На что Верн ответил:

— Ага, говорит, мать его, человек. Нечего мне тут про агрессивных хищников заливать. Сколько вы, люди, стерли с лица земли видов? Включая мой собственный.

Что было справедливым аргументом, так что Пшик выдохнул и угостился куском подгоревшего кабаньего бедра, которое, пришлось ему согласиться, оказалось на вкус восхитительным. Особенно, когда Верн разрешил взять к этому делу бутылочку пива.

— Матушке ни слова, — предупредил дракон. — Иначе Элоди невзлюбит твоего работодателя, а нам это ни к чему.

— Не беспокойтесь, шеф, — проговорил Пшик, жуя. — Хранить тайны, можно сказать, моя вторая натура.

— Рад слышать, — Верн выгудил пакеты для заморозки и принялся разделять кабана когтями. — Это, безусловно, одно из требований.

И примерно десять минут спустя он добавил:

— Черт, а парнишка-то до конца пропекся. Мне это мясо не сохранить. Не хочешь забрать, угостить матушку?

— Очень даже, — отозвался Пшик. — Такое нам нечасто перепадет. Передам ей, мол, мистер Ваксмен прислал в подарок.

Если бы Пшика попросили назвать, что он любит больше всего на свете, и если бы он ответил искренне, обнажив душу, то рассказал бы про выражение, появлявшееся на лице его матушки, когда он делал что-то хорошее, вот просто так, ни с того ни с сего. Как оно озарялось, словно выключателем щелкнули. Как улыбка сияла так, словно матушка начисто позабыла про этот мир и все его беды. И Пшик знал: если заявится на причал с таким запасом, то заработает эту улыбку.

Верн раскалил коготь и умело срезал дюжину стейков.

— Пару дней проживут. Гостей позовите.

— А я знаю, кто захочет в гости, — помрачнел Пшик. — Этот ублюдочный убийца констебль Хук.

Последний дракон

А потом чудовищность того, что чуть было не произошло, ударила по Пшику, словно кулак под дых, и он заблевал себе ботинки.

Верн похлопал его по спине.

— Агась, — сказал он. — Ну вот и оно. С шоком иногда случается перебор. Все гадал, когда дойдешь до предела.

Глава 13

Еще одно потрясение настигло Пшика, когда он приволок мясо в дом через черный ход в три часа утра. В лачуге его ждал Хук, по-хозяйски развалившись в кресле. Такой поворот заставил сердце Пшика забиться так сильно, что жаром, судя по ощущениям, вспыхнуло все тело.

— Что у тебя там, Пшик? — поинтересовался констебль, подаваясь вперед, будто к нему.

— Стейки из кабана, — ответил Пшик, радуясь простому вопросу, потому что к сложным дебатам он явно не был готов. — Мистер Ваксмен охотился.

— Угу, — отозвался Хук. — Надеюсь, у старого дурня есть лицензия. Иначе придется нанести визит.

Пшик дотащил сумку до холодильника и принялся перекладывать мясо.

«Просто болттай его как умеешь, — сказал мальчишка себе. — Все те же на манеже».

— Есть, конечно, констебль Хук, сэр. Я сам видел. Вечно ей козыряет. Типа «Ваксмен, ФБР», вот только это охотничья лицензия. Шутит он так, понимаете?

Хук хохотнул.

— ФБР? Черт. Забавный парень этот Ваксмен. В его-то возрасте, небось, вообще помнит, как то ФБР создавали.

Пшик спрятался за дверцей холодильника, гадая, что за ерунда творится и как, на фиг, выпутываться.

Констебль свистнул.

— Слыши, малец, иди-ка сюда. Разговор есть.

Пшик несколько раз тяжело сглотнул, потом высунул голову.

— Не в обиду, констебль, но я несовершеннолетний, а моего родителя здесь нет.

Пшиковы познания в отношении прав Хука ничуть не расстроили.

— Черт, сынок, ну можем подождать твою матушку, если так хочешь. Итить, да единственная причина, по которой я заглянул в сей страшно сказать какой час — хоть малость избавить Элоди от драмы. Ей и без того хватает, с минимальной зарплатой и этим ее мужиком, который столько лет долговую яму рыл. Не говоря уже о семейной трагедии, которая у вас тут происходит.

Перечисленные факты ударили по Пшику, словно боксерская двойка. Его коробило, что такой, как Хук, знает о семье Моро так много.

— Но вам нельзя так просто заходить.

Хук встал, будто собрался проваливать.

— Верно, сынок, но дверь была распахнута, и я, руководствуясь духом добрососедства, зашел проверить. Я всего лишь хочу вычеркнуть тебя из подозреваемых, потому как твоя матушка заверяет, пламенно заверяет, ни больше ни меньше, что ты, так сказать, прозрел. И она, может, не упоминала, но ты должен был мне позвонить.

Пшик медленно кивнул, лихорадочно соображая. Мама упоминала замес про динамит, но Хук, разумеется, прекрасно знал, что взрывались на болоте только его собственные гранаты.

«Подловить хочет, — подумал мальчишка. — Выяснить, вдруг это я был в камышах».

— Мама говорила, — сказал он. — Про динамит, да? Но тут я крепко усвоил урок, констебль. Пальцы-то не бесконечные.

И в подтверждение пошевелил огрызком мизинца.

Хук скрчил гримасу — наверное, пытался улыбнуться.

— Я верю тебе, малец. Правда. Ты, в любом случае, не наверху списка. Но проверить и вычеркнуть я должен. Так понадобится твой телефон.

— Телефон? — удивился Пшик. — Зачем это вам мой телефон?

— Сделать мазок, — ответил констебль. — Как в аэропортах. Проверка на взрывчатые вещества. Видишь ли, чтобы избавиться от улик, народ часто моет руки, а вот телефоны — нет. А следы-то остаются.

— И я должен его отдать?

— Нет-нет, что ты, — заверил Хук. — Все типа добровольно. Иначе придется оформить все по протоколу и отвезти тебя в участок. А тут — пол-минуты делов.

Пшик призадумался. Не так уж опасно, по идеи. В конце концов, ко взрывчатым штукам он годами не приближался. Кроме тех, что в него запустил сам Хук.

— Ну, ладно, наверное, — сказал Пшик и выдал констеблю телефон.

— Пароль?

— И он тоже нужен?

— Конечно. Хочу проверить недавние видео. Не поверишь, сколько тупых детишек снимают, как творят незаконную херню.

Пшику опять пришлось задуматься, лихорадочно засновали туда-сюда мысли. Телефон был чист: Верн предупредил — никаких фото и видео. Все сообщения сразу же удалялись. Не справившись с телефоном — сделке конец, сказал дракон.

— Футлонг, — ответил Пшик. — Все капсом.

Хук хохотнул.

— Дань одноглазому змею Чарльза-младшего?

— Ага, — отозвался Пшик. — Теперь кажется как-то глупо.

— Ничуть, — Хук подмигнул. — Больших рептилий надо славить.

Пшику это подмигивание не понравилось. Ни капельки. В такое можно вложить любой намек. Может, Хук уже подозревал о тайных обитателях болота, а может, наугад забрасывал наживку.

В любом случае, Пшик понимал, что давать волю эмоциям никак нельзя, поэтому слегка улыбнулся, мол, по шкале остроумия ремарка Хука где-то пять из десяти, и сказал:

— Да, наверное. Когда-нибудь змей Чарльза-младшего прославится.

— Ага, — согласился Хук. — Прославится или превратится в решето.

— Решето?! — выпалил Пшик, не успев захлопнуть варежку.

Хук снова подмигнул — и выглядело это откровенно стремно.

— Ну знаешь, ревнивый муж или типа того. Люди прослушат, пойдут выяснять.

И констебль, развернувшись, вышел из дома.

Хук сел в «шев» и устроил целое представление со снятием мазка — на случай, если Пшик решил подсмотреть, — а на самом деле просто протер экран. Да и в машине все равно не было спектрометра. Будто приход раскошелился бы на столь недешевую вещь, как же.

А вот насчет видео констебль не соврал, для чего ему и понадобился пароль. Беглая проверка не

выявила ничего, кроме типичных для подростка тупых видео. Хук прошвырнулся и по недавно удаленным файлам и получил еще больше типичных для подростка тупых видео, датированных около, но не самой ночью убийства Карнахана. Что не доказывало и не опровергало ничего — кроме того, что Пшику хватило ума снести компромат на Хука с телефона и перенести куда-то еще. В любом случае, будь у мальчишки что на руках, он бы уже, вероятно, настучал куда следует.

Так что — либо Пшик не при делах, либо слишком боится заговорить.

Неделей ранее Хук устроил бы Пшику несчастный случай — чисто перестраховаться, — но это было ДОД, «до обнаружения дракона». А это совсем другая игра.

В мячик. Огненный.

Второй этап телефонного плана был чуть более техническим. Хук сунул симку пальца в портативный клонер и через мини-USB быстро скопировал себе в мобилу. Теперь любое сообщение высвечивалось у него на экране, и вдобавок констебль мог принудительно включить Пшиков микрофон.

«Операция «Драконья вахта» — старт», — подумал Хук и пошел обратно.

Пшик наблюдал, как констебль страдает в своей тачке херней.

«Да откуда у него там может взяться машинка для мазков на взрывчатку», — подумал он, хоть

утверждать так с полной уверенностью не мог: у Хука явно был доступ к куче того, что обычному констеблю недоступно. Так что — вызови Риджэнс Хук отряд «котиков» взорвать всю лачугу, Пшик бы не удивился.

Однако, судя по выражению лица вернувшегося констебля, все оказалось в порядке. Впрочем, с лицом Хука никогда нельзя было сказать наверняка, поскольку нормальные выражения оно не имело.

— Сдается, пронесло, — сообщил констебль. — Никаких следов взрывчатки.

— Не сую нос в чужой вопрос, констебль, сэр, — отозвался Пшик, забирая телефон. — По кривой дорожке в светлое будущее я не дойду. Мама направила меня на путь честного заработка.

— Знаю-знаю, — кивнул Хук. — А ты слушайся маму, сынок. — Он сделал вид, будто пихает Пшика локтем. — И замолви-ка за меня словечко.

— Само собой, констебль, — ответил Пшик, думая: «Мечтай-мечтай, говна кусок».

Однако, оказавшись на данный момент вне подозрений, он вздохнул спокойнее. У Хука нет доказательств, что мальчишкой из байу был именно он.

«Могу и дальше честно зарабатывать. Таскать дракону покупки — что тут незаконного-то».

— Ну, думаю, двину на выход, — заключил Хук, приподнимая фуражку. — Играй по правилам, и больше меня не увидишь — по крайней мере, по долгу службы.

— Не волнуйтесь, констебль, — произнес Пшик. — Пшик Моро — кремень.

Пшик был уверен: про то, что он вне подозрений, Хук брехал как сивый мерин, но, когда июль обернулся августом, а природа подкрутила свой термостат еще на пару градусов вверх, волноваться насчет констебля стало некогда — делами завалило по самое горлышко. И, слава всему, констебль сам как будто оставил свой квест по завоеванию Элоди. Честно говоря, Пшик его и не видел почти — разве что замечал силуэт за бумагами, в окне офиса.

Одним утром Элоди даже упомянула о таком повороте, когда они с Пшиком пересеклись в дверях. Матушка была, как обычно после смены, выжатая как лимон и встрепанная, но ей всегда хватало сил на улыбку и объятия. Пшику даже показалось, что эта улыбка стала чуточку радостнее.

— Все хорошо, мам? — спросил он.

— А знаешь, да, — ответила Элоди. — В клинике никто не умер. Ни единого дурного пьянчуги в окровавленной рубашке не явилось. Мне заплатили, так что ужин за мой счет, если сможешь задержаться хоть на минутку. И...

Пшику показалось, что матушкину улыбку вызвало именно это «и».

— И что, мам? — спросил он.

Элоди помедлила мгновение, словно взвешивала, сколько ему стоит знать.

— Ах, да черт с ним, — произнесла она. — Ты ведь уже работяга, верно?

— Верно, — отозвался Пшик и, раз уж он уже работяга, добавил: — Верно, черт подери.

Элоди взъерошила ему волосы так, что прическа стала больше напоминать ее собственную.

— Черт подери? Ладно, мужичок. Можно тебе это услышать.

— Думаю, можно, — вернул матери улыбку Пшик.

— Это констебль Хук, — сказала она, и на один жуткий, ударивший прямо под дых миг Пшик подумал, что мать сейчас объявит о помолвке — пусть в этом и не было ни капли смысла.

— Кажется, Ридженс уже не так по мне вздыхает, — избавила Элоди его от страданий. — Я видела его слабым, как котенка. Многие мужчины этого не выносят.

Радости Пшика не было предела.

— Думаешь, он и правда охолонулся? И надо было всего-то за ним поухаживать малость?

Элоди скрестила пальцы.

— Похоже на то. Вчера как проехал мимо, так даже не кивнул. — Она крепко обняла Пшика и пощупала его ребра. — Совсем исхудал, сынок. Хочешь каши? И бекон, кажется, оставился.

Однако Пшик уже выскользнул за дверь.

— Времени нет, мам. Дела не ждут.

— Тогда поспеши, мужичок мой. Потом возвращайся к ужину. Устроим праздник.

Пшик вскинул руки вверх.

— Йу-уху-у! — издал он радостный клич. — Никакого Хука! Черт дери!

«Может, все идет в гору», — начал думать Пшик в свободные от своей разнообразной трудовой деятельности секунды.

Правда, случались эти мгновения размышлений все реже и реже. Внешние порывы торнадо сорвали кусок крыши гриль-бара, так что Боди Ирвин, забив на правила охраны труда и техники безопасности прихода, и отправил всех крепких подростков прибивать черепицу. Это в свою очередь дало Пшику возможность наконец потрепаться с Чарльзом-младшим, что обоим пошло на пользу. Друг торжественно клялся, что завязал с блядками и отныне его хрен под замком.

«А я работаю на дракона», — хотел сказать Пшик, но смолчал.

Лучше держать все в узком кругу.

Безо всяких сомнений, излюбленными часами в битком набитом расписании Пшика были те, что он проводил в компании Верна. Мальчишка не уставал разглядывать дракона, стараясь запомнить каждую чешуйку и бронированную пластинку, потому как фотографировать ему строго запрещалось. Дракона малость бесило такое пристальное внимание, но он терпел — пока Пшик подавал мартини с водкой.

Пшик довольно быстро научился избегать темы Ваксмена — после того, как одним вечером прибыл на Боар-Айленд с полным ртом вопросов в духе:

— Так, а что мистер Ваксмен такое?

— А он вообще ну, мужик? А то я за той пиццей член не заметил.

От чего Верн аж подавился. Вопросы, тем временем, все не кончались:

— А вся эта штука с драконьим деръемом не очередной прикол? Не очень-то хотелось бы каждый вечер таскать бочки навоза вверх по реке только для того, чтобы вы оба осенью оборжались.

В итоге Верн ввел новое правило:

— Никаких разговоров о Ваксмене, ясно? Я по нему достаточно скучаю и без того, что ты тут о нем пургу гонишь. Скажем, он в отпуске, и на этом закроем тему. Уяснили, малец?

Пшик отдал честь.

— Уяснили, шеф.

— Хорошо, — подытожил Верн. — Я не любитель затяжных бесед. Мне, пожалуй, хватит полдюжины предложений за вечер.

— Не беспокойтесь, шеф. Для болтовни у вас есть я.

— Я не к этому клонил, — заметил Верн, в кои-то веки угощаясь пивом. — Тебя папаша разве не учил, что молодняк должно быть видно, но не слышно?

Пшик молча убрал сегодняшние покупки на полку, но довольно скоро поймал себя на том, что опять говорит:

— Мои папки ничему меня не учили. Ни один. Первый, то есть настоящий, в основном, как я помню, сидел в задней комнате. Как-то показывал мне алфавит. Второй был мудила. Этот научил только увертываться от ударов. Вот и все, что я хочу о нем сказать. Думаю, он сдох или срок мотает — и то хорошо, и другое, как по мне.

— Епт, сынок. Тебе пришлось хуже моего.

Пшик фыркнул — куда там ему пришлось хуже последнего из драконов, — и закончил распределять покупки, включавшие в себя Вернов любимый угольный пилинг и бочонок пальмового масла, чтобы питать драконий огонь. Свернув пакеты, Пшик вдруг вспомнил, что недавно отыскал в интернете.

— В общем, я тут набрал «Виверн» в гугле и...

Верн зарычал, и за его зубами заплясали искры.

— Даже не начинай, малец. Ты подзаработал очков симпатии. Не стоит их просаживать.

Но Пшик был подростком, а потому в схватке между любопытством и осторожностью победило первое.

— И в интернете говорят, что виверны — это типа как мелкая версия драконов. Я записал. — Пшик покопался в телефоне и нашел заметку. — Если верить Википедии: виверны, как правило, более мелкие, слабые, уступающие в интеллекте по отношению к более яростному и могущественному дракону, и соответственно считаются низшим видом. — Пшик погасил экран. — Низшим видом. В самое, мать его, мурчало, да, шеф?

У Верна бомбануло. С космической скоростью. Он испустил такой рев, будто у него внутри заборолись лев с гориллой, он затопал перепончатой ногой по полу так, что пробил доски — и только тогда перестал. Но не угомонился. Просто перешел на следующую стадию, а именно — костерить кого-то отсутствующего.

— Низший вид?! И кто теперь низший, Джубел?! Кто уцелел, а?!?

Пшик не знал, что за тип этот Джубел, но Верн от него явно не фанател.

— И у кого теперь человекоручки, Джуб?! Не у лорда Хайфаэра, это уж, мать его, точно!

И он обрушил поток огня на свой «Лэй-Зи-Бой», который осел на полу оплавленным месивом.

— Это ж ваше кресло, шеф, — решил побыть капитаном Очевидность Пшик и метнулся наружу, спасаясь от едких, токсичных клубов пара, что взвились над почившим предметом мебели.

Когда дракон, топая, вышел из дома, Пшик сидел на причале и считал аллигаторов.

— Не стоило заводить вот это вот про виверн, — Верн сел рядом. — Теперь ты мне новое гребаное кресло должен достать.

Пшик прикусил язык, чтобы не задать очередной вопрос, потому как дракон быстро раздражался, а такой удобной мебели поблизости уже не наблюдалось.

— Простите, шеф, — вместо этого сказал мальчишка. — У всех нас, наверное, есть больные мозоли. Моя — забеги с яйцом на ложке. От одного

упоминания трясет. Этот ублюдский жулик по имени Мун Липтон подставил мне ногу, во втором классе, во время спортивного дня. А иначе я бы точно взял медаль.

— Фиг с ним, — буркнул Верн, но все же немножко сменил гнев на милость. — Ты ведь не знал.

Пшик тут же ухватился за возможность.

— Так кто такой этот Джубел, шеф? Типа рыцарь?

Верн прикурил сигару, пыхнув искрой.

— Да если б. Подкоптил бы мудилу. Не, Джубел — это мой младший братишка. Урод.

О минусах наличия младших братьев Пшик наслышался от одноклассников.

— Ага. Младших никогда не вздрючивают на пустом месте.

— Истину глаголешь, — кивнул Верн. — Джуби был зеницей матушкиного ока. Вечный, мать его, любимчик.

— Так что вы надрали ему зад?

— Если б. Ублюдина был ростом в десять футов. Год или два шли тютелька в тютельку, потом он вымахал. По правде сказать, я в семье считался заморышем.

— Ну, наверняка же было время, когда этот Джуб на вас равнялся. До того, как рост попер.

Верн комично изобразил глубокую задумчивость. Он уже давным-давно не вспоминал мальчишку Джубела. И еще ни один человек не подвигал его поговорить о семье. Только всякое: «А ты уме-

ешь исполнять желания?». Или: «Не убивай меня, ради всего святого!».

— Типа того, — сказал дракон. — Пока не начали бодаться, мы творили всякую фигню вместе. Сидели на горных вершинах с дедулей. Поджаривали коров. Помню, как Джуб однажды сделал мне штуку, ты ее, наверное, назовешь подвеской. Стремной как тварь. Черепушка грызуна на веревочке. Крысы, что ли. В общем, я таскал эту херь не снимая, пока Джуб не вымахал так, чтобы дрючить уже меня. Не то чтобы этот день заставил себя ждать. Я-то уж точно не был прекрасным представителем вида.

— Зато теперь — да, — подмазался Пшик и добавил: — А еще у вас есть огневая мощь и все дела. И сверхчеловеческая сила.

Верн постучал себе по лбу.

— Смекалочка — вот, что у меня есть. Не высываюсь, друзей не завожу. Ну, по крайней мере, слишком много.

Пшик воспринял это как добрый знак. Даже исполнился чего-то вроде гордости — у него есть друг-дракон. Может быть.

— Так что с Джубелом случилось?

— Его бесило, что это я — лорд Хайфаэр. Папашу тоже, к слову. Причем настолько, что дал Джубелу карт-бланш на оскорблении. Думаю, оба втайне надеялись, что мы сцепимся и Джуб меня уделает.

— Звучит очень по-человечьи, — заметил Пшик.

— Человекоручка — его любимое оскорбление, — продолжил Верн. — Мол, эй, человекоручка, осто-

рожней с камнем, не сломай коготь. И так далее, и тому подобное, каждый гребаный день. Всякий раз, как видел что-нибудь слабое или маленькое — называл виверном. Типа: «Это не настоящее дерево, это виверновое дерево». Или: «Дракон — это как виверн, только лучше». Фишкa у него была такая.

— Не представляю, чтобы вы это глотали на посторонке, лорд Хайфаэр все-таки.

— Ну, тут ты прав. Я настроился на борьбу, все продумал и отправился в горы Шотландии маленько прокачаться.

— И что случилось?

Верн поник.

— Вы случились. Люди. Слоны еще. Китайский порох и пушки. Вынесли нас прямиком из того гнездовья. Наши фамильяры отправили наше же вино и впустили ораву. И разнесли там все напрочь. Неслыханное дело — будто обезьяны напали.

— Но вы выжили.

— Ага, потому что камни в горах лупил. Той ночью умерли восемнадцать драконов. Тогда мы еще не знали, но люди захватывали господство над всем миром. Веку Дракона пришел конец. С тех пор мы ушли в тень.

— Епт, — подал голос Пшик. — Ужас какой.

— Мой дедуля прожил восемь тысяч лет, малец. Старина Корявоглав. У него было восемь рядов роговых наростов. Восемь. Люди его утопили.

— Утопили?!

— Ага, погасили пламень сердца навеки вечные. Джубел сражался как мог, но из-за отравы не сумел дать искру. Получил кол из военной машины прямо в брюхо. Кровью истек.

— А что сделали вы?

— Когда я вернулся, все уже кончилось. Семьи не осталось, только трупы. Потерял голову на несколько месяцев, стер с лица земли пару дюжин деревень, а потом на меня натравили гребаных слонов, так что я удрал. Больше там не появлялся.

— Стерли с лица землю пару дюжин деревень?

— Наверное, больше. Все это ничего не значило. Я поднялся так высоко, что будто рушил муравейники. То, что я кресло сжег, дело куда существеннее. Но скажу тебе вот что: выжечь боль не выйдет.

Пшик поежился, и плывущая над болотом пелена тумана была ни при чем. Раньше ему как-то не приходило в голову, что он вовсю отирается у здоровенного серийного убийцы с каким-то комплексом. Неполноценности, наверное, или наполеоновским. Может, мисс Ингрэм знает.

«Да на фиг, — подумал он. — Я завел друга-дракона, и он не то что у Пита, весь пушистый и тупой. А мужик что надо».

Так что Пшик сказал:

— Эй, шеф. Пойду-ка наведу вам графинчик мартини, что скажете?

Верн все еще оставался малость угрюм.

— Не знаю. Уже начал с пива.

— Да бросьте. Вакс говорил, вам пиво не положено. Кето, так ведь? Я прихватил низкокалорийные овощные чипсы.

— Низкокалорийные? — заинтересовался Верн.

— Мартини с чипсами, шеф. И, может, потратите часть дюжины тех предложений, расскажете об истории?

— Может. Если залатаешь пол.

— По рукам.

— Чертовски верно, по рукам. Как будто у нас тут демократия.

Хук, король тихушников, снимал все происходящее из своей нычки. Он впервые в жизни поблагодарил бога: за Эверетта «Пшика» Моро, подростка, что задавал больше вопросов, чем Конгресс во время охоты на ведьм. Хук взял за привычку носить во время работы блютуз-гарнитуру, чтобы не упустить из общения дракона с мальчишкой ни минуты. Даже смарт-часы купил, чтобы читать их коммюнике в режиме реального времени, без необходимости выгуживать телефон.

Сбор разведданных еще никогда не давался Хуку так легко. Эти два кретина, не подозревая о наблюдении, спокойно трепались о любой херне:

Пшик: «Тем утром в доме оказался Хук, мистер Верн. Я поверить не мог. Зашел — а он там сидит в кресле».

Верн: «Вот мудак. Слышал о нем всякой херни».

Вывод: Дракона зовут Верн, и он говорит по-английски.

И еще:

Пшик: «Хук думал, что я, возможно, тот, кто прятался в камышах и видел, как он прикончил Уилларда».

Верн, со смешком: «Правильно думал».

Вывод: Пшик, мелкий ты говнючала. Все дорожки ведут к тебе, и ты попал.

И снова:

Пшик: «Епт, шеф. Вам так нужно все это растительное масло? Тяжеленная же дрянь».

Верн: «Кончай нудить, работничек. Нужно до последней капли. Нет масла, нет огня. Усек? Эта дрянь для дракона как ракетное топливо».

Вывод: Значит, Верн определенно дракон. И дракону приходится поддерживать огонек маслом. Любопытно.

Верн и Пшик много обсуждали историю, которой, судя по всему, интересовался мальчишка, отдавая должное за сей образовательный уклон некой мисс Ингрэм. Хук задумался: мог ли юнец доверить ей тайну? Потому что если да, значит, училка тоже выйдет на вечную пенсию. Констебль выяснил, что Верну три тысячи лет, по меньшей мере, и что он жил по всему миру. Среди драконов он считался малорослым и до сих пор имел зуб на братца, Джубела, который показался Хуку весьма кротким.

И еще откровения:

Пшик: «А что скажете про “Игру Престолов”, шеф?»

Яростный грохот мебели.

Верн: «“Игру Престолов”? Ты как, вывести меня пытаешься, малец? Игра, мать их, Престолов! Да эти драконы, они ж как слуги — можешь представить, как я пляшу под дудку сраной Матери Драконов? Ни за что не стану служить людям!»

Пшик: «Я ничего такого не...»

Верн: «Компьютерные, мать их, огненные ящерицы на побегушках. Говна куски».

Вывод: «Игра Престолов» ему очень не нравилась.

Пшик: «У вас тут прошлой ночью «Блу байу» играла, и я, кажется, расслышал плач. Так что остался на воде, пока песня не кончилась».

Продолжительный кашель.

Верн: «Ага, я тебя чуял. Могу уловить твой запах из самого Пети-Бато, так хорошо его знаю. Песня была по телеку, в старом фильме. Хороша, впрочем. Прекрасная мелодия».

Вывод: Верн любит сантименты, и у него отличный нюх.

Сведения продолжали накапливаться так, что Хук помешался на нажитых файлах.

«Мой божий промысел обитает на болоте, — сообразил он, — а значит, бесполезен, если я не выманю Айвори вверх по реке, проверить нового курьера, которого я хочу ему предложить».

Хук давно уверовал, что река Перл — идеальный способ наладить поставки на север. Айвори не соглашался выделять больше, чем Карнахан мог увезти один, но, если другую-третью поставку накроют, может, удастся его убедить явиться с лич-

ной проверкой. Однако такой план казался излишне сложным.

Полковник Фараиджи хохотал бы до усрачки.

Будь проще, тупица.

«Знаешь разницу между солнечными часами и наручными?» — как-то спросил он Хука.

Риджэнс считал, что видит между ними множество различий, но, вероятно, не то, в котором будет заключаться очередное наставление.

«Разница, сержант, в том, что у солнечных часов нет подвижных частей. Солнечные часы не дают сбоя».

Хук мог бы заметить, что они не переносные или что их не попользуешь во время песчаной бури, но только продлил бы урок, так что просто кивнул, будто все понял.

«План должен быть подобен солнечным часам, ясно? Чем меньше подвижных частей, тем лучше».

А значит — тащить команду Айвори на болото бессмысленно. Гораздо лучше заманить Верна в Новый Орлеан.

Но как заманить человека/дракона куда надо?

Использовать то, что этот человек/дракон любит.

Верн, может, и не любил Пшика, но явно ему симпатизировал.

«И Пшик, так или иначе, та еще заноза у меня в заднице, — подумал Хук. — Двух зайцев одним выстрелом. Все в выигрыше».

Кроме Верна.

И Пшика.

И Айвори.

Глава 14

Хук никак не мог взять в толк. Этот дракон, должно быть, страстно обожал овощи, раз прикладывал для их выращивания столько усилий. Например, почти каждую ночь отправлял своего мальчишку на грядки с полной лодкой навоза. Впрочем, вид Пшика, наваливающего лопатой дермо, вызывал у Хука извращенное удовольствие.

«Как съедусь с его мамашей, продолжу добрую традицию, — подумал он. — Чисто для души».

Но затем вернулся к дракону и его овощичкам.

«Кто б мог подумать, — рассуждал констебль из засады в дубах позади Ваксменова дома, — что дракон так любит овощи».

Однако все свои знания о драконах он почерпнул из телика и прочих ненадежных источников.

«Не подумал бы даже, что драконы в натуре существуют, — признавал констебль, но уже не особо возбуждался относительно Верновой натуральности; это осталось в прошлом. На самом деле, нагребание дерьма удивляло его куда больше.

Ридженсу Хуку казалось, что старина Верн ходил по земле в ответ на его молитву.

«Верн сразит недругов моих и покарает тех, что перечить удумают».

Хук улыбнулся в темноте, думая, как он счастлив тут, среди бамбуковых стеблей, с кружящими над камуфляжем светлячками.

«Что скажешь, папаша? «Сразит недругов моих». Звучит прям по-библейски, а?»

Представить только, молитвы безбожника Ридженса Хука оказались услышаны. А это служило свидетельством того, что благословения могли свалиться кому угодно. Как человек ими распорядится — вот, что важно.

Хук точно знал, как поступит: заманит Верна в «Марчелло» и вынудит дракона разнести гангстерский отель.

«И тогда ваш покорнейший воспользуется хаосом. Как и всегда».

В крайнем случае — он избавится от Пшика Моро. В лучшем случае — окажется в нужной позиции в нужное время, дабы заполнить пустоту, что образуется на месте Айвори.

«Все на руку, — заключил Хук. — Для меня».

Он дал Пшику время пришвартоваться и заполнить бочку свежей партией дерьма. Вид работаю-

щего руками подростка радовал, ведь они обычно бегали от физического труда со всех ног. Но когда мальчишка накинул с дюжину лопат, Хук решил взяться за дело и сбросил с плеч камуфляжную сетку. Она смахивала на одеяло с рукавами, как он считал, но с удобством не поспоришь. Складывалась на раз-два.

«Моя личная мантия-невидимка».

Хук вышел из рощи, шагая медленно и осторожно, чтобы не спугнуть мальца, а мог бы и не утруждаться: Пшику хватало звука в собственной голове, который лился прямиком в черепушку через крошечные белые наушники.

Констебль прикинул, что малец может слушать. Рэп, скорее всего. Или хип-хоп, если между ними вообще есть разница. Самому Хуку на музыку было в целом плевать, хотя иногда, в моменты стресса, он ловил себя на том, что напевает отрывок из «Когда смотрю на дивный крест» — единственного гимна, который его папаша не считал святотатственным, и только подтверждающего, что мертвые никогда не умирают на самом деле.

Мысль доставила Хуку почти столько же удовольствия, сколько вид Пшика с драконьим дерьмом на лопате.

«Очень надеюсь, папаша, твой ошметок витает где-то вокруг и видит все проделки дьявола, что учиняют вот эти руки».

Хук размял правую, проверяя на предмет остаточных повреждений после змеиного укуса, но ничего особенного не заметил. Может, намек на

покалывание? Вообще с тех пор, как рука съежилась до привычных размеров, Хук мало что в ней чувствовал. Повреждение нервов, скорее всего. Прицел, может, малость сбился, зато врезать можно посильнее.

Хук все так же тихо приближался к Пшику. Мальчишка уже показал себя скользким типчиком, так что смысла давать ему фору в этой партии не было. Лучше с порога играть в одни ворота. Констеблю очень хотелось похлопать Пшика по плечу, а потом врезать, исключительно эффекту ради, но пацан мог взмахнуть лопатой, а у лопат есть лезвие.

«Не-а, Риджэнс, давай чтоб все гладко, — сказал он себе. — Если все пройдет как надо, потом тебе будет масса спецэффектов».

Пшик ничего не подозревал. Он всего лишь трудился аки хороший Ренфилд, слушал себе «Вот э филинг», как вдруг по затылку прилетело так, будто его проломило, и Пшик оказался лицом в том самом деръме, которое так старательно нагребал.

«Господи боженька, молния ударила. Все, умер», — вот, о чем он примерно думал, но у мыслей не было четкой формы, только острые грани боли.

Пшик умудрился поднять лицо из деръма и вернуться в вертикальное положение — и вдруг понял, что с поднятием и возвращением ему кто-то помог.

В ушах звенело, будто он только спустился с самолета, а потом сквозь пелену прорвался голос, и голос этот сказал:

— Пришло время расплаты, Пшик. По всем счетам.

Мальчишка сообразил не сразу, но затем, как Господь узнал дьявола, заговорившего с Ним в пустыне, он совершенно ясно понял, кто это.

«Хук, — подумал Пшик. — Он меня нашел».

— Слышишь, сынок? — продолжил голос. — Есть кто дома?

Пшик почувствовал, как у него отвисла челюсть. И, кажется, потекли слюни, как у маленького. А еще он до сих пор слышал музыку — как-то фоном, как будто у его несчастий был собственный саундтрек.

— А? Что?

Хук хохотнул.

— А? Что? — передразнил он. — Кажется, я тебе мозги отшиб, сынок. Ну, или может, это все вонь от драконьего деръма.

И эта фраза тут же привела Пшика в сознание, взрезав кашу в мозгах.

«Драконьего деръма? Хук знает про Верна?»

Констебль швырнул Пшика обратно в грязь.

— Чем это ты тут занят, малец? Каждый день возишься с говном? Старина Верн так обожает овощи? В жизни не поверю.

Пшик кашлянул, и голова чуть не лопнула, как битое яйцо.

— Я просто разбрасываю его по грядкам, — пробормотал он как будто сам себе. — Приказы шефа.

— Приказы Верна, ага, — сказал Хук. — Справедливо, наверное. Каждому свое.

— Нет, — попытался сохранить верность Пшик. — Приказы Ваксмена. Я слежу за его грядками, пока он внизу. Внизу, на юге.

— Ага, — отозвался Хук. — Конечно, лады, как скажешь. Ты неправильно понимаешь ситуацию, сынок. Я уже знаю все, что мне нужно. И сведения в надежном месте, сечешь? Так что твоя роль в этом сценарии — это дышать, пока не сдохнешь, вот и все. Просто, да? Не проблема, думаю, даже с пробитой головой.

Пшик никак не мог понять, что происходит. От сырой земли намокала одежда, голова пульсировала так, будто боль теперь там жила как у себя дома. Казалось, у Хука по поводу Верна было уже все схвачено. Мозгу хватило искры задать один жизненно важный вопрос:

— Вы меня не убьете, констебль?

— Убьете? — переспросил Хук. — Ты совсем в охоте не сечешь? Лучшая наживка — живая наживка.

Пшик смотрел, как его руки тонут в грязи, чувствовал кожей червей.

«Я — наживка».

— А на что мы охотимся, сэр? — спросил он.

Сил поднять голову и посмотреть Хуку в глаза у него не было.

Констебль перевернул его носком ботинка.

— Думаю, ты знаешь, на что мы охотимся, — навис Хук над избитым подростком. — Мы охотимся за воплощенным хаосом.

Пшик не знал наверняка, что значит «воплощенный», но «хаос» явно относился к Верну.

— Хаос, — пробормотал он. — Нельзя выследить хаос.

Хук ввинтил в уголок рта сигару и прикурил, усмехаясь.

— А ты хренов умник, сынок, м-м? Говоришь, хаос нельзя выследить, потому как у него нет системы? Но я ведь могу выманить хаос: отправить туда, куда мне нужно, и посмотреть, что выйдет. Интересно, как Верну замкнутые пространства.

Стало ясно: Хук в курсе всего драконьего. Поэтому Пшик решил забить на притворство:

— Верн разнесет это твое замкнутое пространство на куски, ушлепок. Представить не сможешь как.

— Эй, малец, — одернул Хук. — Ты смотри, речь прорезалась. Как тебе такой вариант. Сдается, я двинул тебе по тупой башке недостаточно сильно. Не парься, это легко исправить.

Хук сунул руку под свое камуфляжное пончо, вытащил дробовик и повернул его прикладом.

— Пока банинки, Пшикстер. Увидимся в Биг Изи.

Пшик закрыл глаза и расслабил челюсть — этоказалось нелогичным, но Чарльз-младший однажды сказал, что так в случае травмы головы можно сохранить зубы, а Чарльз-младший должен знать

наверняка, ведь врубался на своем квадрацикле в стены больше раз, чем у него конечностей.

«Ох будет больно, — когда Хук замахнется “Моссбергом”, подумал Пшик. — Если мне вообще может стать больнее с головой, разбитой вдребезги».

«Вдребезги, — подумал он еще. — Ваксменово словечко».

И знаете, как говорят: «Помяни черта — и он явится».

Хук вовсю развлекался, раскраивая Пшику котелок и подсиживая криминальных авторитетов. Даже гадал, может ли жизнь стать прекраснее.

«Точно может. Скоро свяжусь с драконом».

На другой стороне, на фоне ночного неба, вспыхнул костер.

«Надо бы проверить, — подумал Хук. — Наверное, Боди опять мусор жжет».

И — потрясающая ирония — констебль мысленно похлопал себя по плечу за профессионализм и бдительность даже в выходной.

«Сам на полставки, а вот он я, забочусь о природе».

Потому что Риджэнс Хук подходил к работе серьезно — даже несмотря на то, как на постоянной основе радостно шатал законы штата и человеческого бытия.

«Это разные вещи, — говорил он себе. — Все мы двойственны. Темные стороны, все дела».

Именно поэтому раскроенный череп Пшика его ничуть не волновал. По правде сказать, происходящим констебль и вовсе упивался.

«Не убей мальчишку, Риджэнс, — напомнил он себе. — Мертвый заложник — тупо мешок мяса, а ряди мешка мяса из логова не выберется ни один дракон.

Так что Хук, обрушивая деревянный приклад Пшику на голову, придержал пару-тройку фунтов силы. Глухой удар, как топор о дерево, доставил ему, тем не менее, удовольствие.

«Рубец останется скверный, — подумал констебль. — Ну да ладно, это меньшее из проблем пацана, если учесть, какиеувечья для него я запланировал».

Ему даже стало интересно, был ли он хоть когда-то способен испытывать сомнения, что не стоит резать мальца.

«Вряд ли, — признал Хук. — Я не то чтобы отличался совестью или чем-то вроде и до того, как папаша свихнулся на боге».

— Ага, — обратился констебль к бесчувственному пацану, — сперва я пощупаю тебя своим потрошителем, и старина Верн спляшет под мою дудку, а когда все пройдет, как мне надо, я прикончу это чудовище.

Что случилось дальше, его удивило и, честно говоря, он так и не понял, что происходит, пока все не закончилось. И даже после этого он часами ломал голову, задаваясь вопросом — а могло ли все

пойти иначе? Например, мог ли он выжить из ситуации хоть какое преимущество.

Пшик лежал лицом в овощной грядке, вонь на воза смешивалась с резким запахом кофейных зерен, поднимаясь от земли, и это все было очень хорошо. Пока земля не начала содрогаться и бурлить, словно что-то стремилось выбраться наружу. А этого уже быть не могло, если корень кипариса не решил сдвинуться — Хук такое уже видел, — или наружу не рвался ручей.

Хук скорее заинтересовался, чем забеспокоился, потому как чего ему бояться в корнях и болотной воде. Но амплитуда усилилась, и чтоб его черти драли, если из грязи не вылетела бледная рука, за которой последовало больше конечностей и вроде бы голова.

— Епт, — выругался Хук. — Куча зубов.

Таким было первое впечатление. И констебль не ошибся: чем бы сия штука ни была, зубов у нее оказалось целое множество, и они очень странно жужжали — чтобы представить, что такие могут сделать с телом, не нужно обладать богатой фантазией.

Хук решил вступить в переговоры.

— Эй! — крикнул он. — Придержи коней, дружок!

Но когда существо, чем бы оно ни было, упрямо продолжило продираться сквозь болотную грязь, констебль забил на дипломатию и пустил в ход дробовик.

— Верн! — взвыло болотное существо, но не успело ничего добавить — первый выстрел снес

ему пол-лица. Челюсть, покачиваясь, повисла у грудины.

— Епт, — снова выругался Хук. — Это ты, Ваксмен? Не человек... и никогда им не был?

И прямо у него на глазах нижняя челюсть Ваксмена подскочила вверх, лоскуты кожи взвились к верхней челюсти в поисках воссоединения.

— Верн, — повторил Ваксмен, уже почти выбравшись из грязи. Рука его тянулась к Хуку — и отнюдь не дружелюбно, мол, кулачками стукнуться.

Все происходило так быстро, что Хук не успевал ни испугаться, ни продумать варианты действий, среди которых числился бы «использовать Ваксмена, чтобы как-нибудь добраться до Верна». Ваксмен — или что это была за херь — выбрался из дыры полностью; земля сваливалась с торса комьями, оставляя существо голым. За исключением треугольника ракушки.

— Епт, сынок, — присмотрелся Хук. — Это что, пицца?

Ваксмен, все еще пытаясь стряхнуть могильное оцепенение, не ответил.

«Так, выстрел в морду ни черта не помог», — сделал вывод Хук. Жаль, конечно, что нужно пристрелить старика, потому как чаще всего жизнь в байу чертовски уныла, а тут в кои-то веки нечто потрясающее творится.

«Папаша, я прозрел, — сообщил он призраку отца. — Это болото — вполне себе земля чудес».

Лицо Ваксмена продолжало самым натуальным образом лататься. Старый хрыч шаркнул вперед.

«Как зомби, — подумал Хук, потом исправился: — Не. Не как зомби. Эти когда-то были людьми. Старина Ваксмен определенно не человек».

— На колени, сынок, — скомандовал он тому, что вылезло из земли. — Руки за голову.

Чисто рефлекс — полицейской работой тут и не пахло.

«Все мы в одном болоте», — вдруг сообразил Хук.

Ваксмен то ли не услышал, то ли забил на приказы про колени и руки, и продолжал надвигаться, истекая из разорванного горла черной желчью.

Хук зарядил еще патрон, набрал воздуха для предупреждения, а потом передумал и пустил его на короткое:

— Да на хер.

И отстрелил Ваксмену левую ногу, от чего существо рухнуло в грязь рядом с Пшиком.

От агонии у Ваксмена должен был помутиться разум, однако он как будто малость прояснился.

— Мудак ты, Хук, — произнес Ваксмен, рывками переворачиваясь на спину. — Не на того могвая напал.

— Могвай, — сообразил Хук. — Так вот, с чем я тут беседую?

Ваксмен обшарил землю, нашел ногу и подтянул к обрубку, из которого тут же потянулась паутина новых сухожилий, сшивающих плоть заново.

— Вот жопа, — сказал Хук. — Только зря патроны трачу. Как нормальный человек ты не умрешь, да?

Ваксмен сосредоточился на ноге, словно исцелял ее силой мысли.

— Твоими игрушками меня не убить, Хук.

Риджэнс достал нож-потрошитель.

— Ой, да ладно, мои игрушки тоже сойдут, Ваксмен.

Могвай воззрился на Хука золотыми глазами.

— Никого ты не убьешь, констебль. Как только нога прихватится, я тебя сожру, как, мать его, рака, высосу мозги пряником из черепушки. Ни слитка из того золота южан ты не увидишь никогда.

«Золото южан? — подумал Хук. — Чем дальше, тем лучше».

Констебль присел на корточки.

— Епт, Ваксмен. Какой-то ты слишком бойкий для подстреленного.

Могвай кивнул на ногу.

— Это — пустяк. Ты ж вообще без понятия, как меня прикончить. Люди подостойнее твоего пытались.

— А может, тут и не нужен достойный, — заметил Хук. — Может, нужен дурной, а я уж точно из этих.

Хук не был уверен, однако ему показалось, что на этих словах старик Ваксмен сбладнул. Самую малость.

— Я бывал в переделках похуже, — заявил могвай. — И встречал народ похуже твоего. Думаешь,

ты плохиш, сынок? Я видел плохишей, и тебе до них далеко. Я жрал плохишей и гадил ими по всему байу.

— Агась, — согласился Хук, — ты, конечно, весь из себя такой дерзкий, хотя лежишь и цепляешься за волшебную ножку, а на самом деле пытаешься тянуть время в надежде на чудо. Чуда не предвидится, стариk. Для тебя предвидится только пустота.

И тут он попал в цель. Внушительная фразочка: «Предвидится только пустота». Уверенность Ваксмена буквально на глазах устремилась к нулю.

«Дай-ка придам процессу ускорения», — подумал Хук.

Он схватил ногу могвая и дернул, разрывая свежие сухожилия. Ваксмен вздрогнул, но упрямо не заорал.

— Любопытный трюк, — заметил констебль, когда к могваю опять потянулись новые щупальца. — Интересно, какой у тебя диапазон.

Хук швырнул ногу к реке и пронаблюдал, как жилы извивались и умирали.

— Думаю, меньше шести футов, — сочувственно произнес он. — Надо, что ли, записать.

— Я тебе на лбу ногтем запишу — «жмур», — отозвался могвай, но было ясно, что в свои же слова он верит мало.

— Конечно-конечно, сынок. А теперь послушай, как все случится на самом деле. Я прикончу тебя, Ваксмен. И ты как пить дать отправишься к праотцам. А когда я грохну тебя, следующий на оче-

реди — твой дружок Верн. А после — мальчишка. Чистая правда, не больше, не меньше. Никто не верит, что конец настает, и ты, наверное, имеешь на то побольше права, чем многие, но твое времечко истекло, стариk. Время истекло, и так устроен мир. А теперь посмотри мне в глаза и скажи, что все не так.

Ваксмен так и поступил. Он посмотрел в глаза Ридженса, и тот увидел лишь решимость.

«Ага, — подумал констебль. — Осознает».

Ваксмен сменил тактику и попытался воззвать к совести.

— Ты же понимаешь, что творишь, Хук? Это не просто убийство. Разве у тебя нет сердца?

Хук провел большим пальцем по кромке ножа.

— Видать, нет, а где твое, я сейчас посмотрю.

Чтобы наконец отыскать сердце Ваксмена — в левом полужопии, кто б мог подумать, — у Хука ушло добрых полчаса, и всю дорогу могвай не затыкался, сыпал угрозами и желчью так, будто сия встреча еще могла закончиться для него как-то иначе.

— А чувство юмора у бога еще то, — пробормотал констебль, взрезав артерии и вытащив сердце из костяного гнезда. Затем, чтобы уж наверняка, он оттяпал голову могвай лопатой и разложил все ошметки вокруг мальчика чудовищным натюрмортом.

— Улыбочку, ребятки, — Хук нащелкал на телефон Пшика кучу снимков. Лучший отправится Верну с метким провокационным месседжем, чтобы выманить дракона из хижины.

Хук все-таки сообразил, сбрасывая останки Ваксмена в болото, что наверняка обрушит на приход всю адскую движуху, какую возможно.

«И я буду спокоен, не растерян, когда срывает башню всем вокруг».

Что было еще одной версией старого английского стиха.

Хук вспомнил, что у старины Ваксмена установлен славный душ. Констебль-то весь изгваздался слизью мгвая и не только, а дел еще невпроворот.

«Выглядишь ты не с иголочки, сынок. Надо бы перед поездкой в город прихорошиться».

Итак, сперва основательный долгий прием душа, потом сорвать с цепи дракона.

Похоже на план.

Глава 15

Явившись к лифту в «Марчелло», Хук не ждал, что его встретят, распростерши руки, и в своих скромных расчетах был прав. По правде говоря, единственными распостертыми руками были его собственные, потому как Россано Рокэ обыскал его со рвением, достойным Гуантанамо.

Хук, разумеется, не мог просто так пройти через вращающиеся двери с закинутым на плечо пациентом в брезентовой сумке. Он рассматривал и такой вариант, но ткань уже пропитывалась кровью, а это как-то слишком нагло, даже для него. Так что констебль припарковался на заднем дворе, занес Пшика через служебный выход и определил в морозильную камеру позади кухни. Одному из молодчиков Конти, более низкого пошиба, с выбритыми на виске спиральами, хватило тупости ему за это предъявить, так что Хук отвесил ему затреши-

ну с такой силой, что у дебила чуть грилзы с зубов не послетали, а потом приставил охранять морозильник до тех пор, пока не уговорит Айвори выставить другого, у кого тупорылость настолько не зашкаливает.

Когда Россано Рокэ распахнул тяжелые двустворчатые двери, Айвори Конти уже ждал. Капо стоял за подвижным столом, который поднимался на моторчике, чтобы у хозяина из-за чересчур долгого сидения за выписыванием цифр в кожаный гроссбух не развилось искривление спины. Из этого мира он вышел: Уолл-стрит и хедж-фонды, один из, может, дюжины действительно крупных игроков, которые вывели средства в 2007-м, в идеальное для обналичивания время. Уж можете поверить, когда в следующем году ударили кризис, Айвори от хохота чуть не надорвал себе эпилированные яйца. И если деньги правят миром, то Айвори Конти вышел прямиком в императоры.

Айвори решил, что единственный надежный рынок — это контрабанда или, если конкретнее, наркотики, и потому он вложил немалую часть богатства в воскрешение мафиозной модели группировки а-ля пятидесятые, когда его дедуля служил консильери у Карлоса Марчелло, тунисского крестного отца итальянской мафии во Французском квартале — мероприятие поистине международное.

Айвори слушал рассказы дражайшего дедули — о том, как кинозвезды толпами стекались в Новый Орлеан и Вегас рассыпаться мелким бе-

сом перед криминальными авторитетами; как не было для настоящего мужика работы лучше, чем заиметь собственный наркосиндикат. И маленький Айвори заглотил этот крючок вместе с леской и грузилом, пока его отец упахивался до смерти, лишь бы оградить сына от такой жизни. И вот он теперь — по самые шары среди мафиози, стремящихся стать как он, целым фронтом на новоорлеанской наркосцене. И он действительно был фронтом — пока средних размеров, но растущим, и все благодаря армии продажных, но отличных адвокатов, что хранили его от тюрьмы на Уолл-стрит, и легиону стражей правопорядка из различных учреждений по всем Штатам, Мексике и Канаде, что за прикрытие его тылов получали весьма неплохое вознаграждение.

«Скоро эти ребятки будут прикрывать тылы мне», — думал Хук теперь.

Айвори, как известно, говаривал: «В первые пять лет прибыли не жди. Тогда ты только сеешь семена».

Для наркоторговцев, привыкших видеть порядочный доход сразу после сбыта, такая коммерческая модель была радикальной переменой, однако у Айвори водились деньги, и он хотел жизни с большой буквы. Это, правда, не означало, что он сыпал деньгами направо и налево. Айвори занимался наркотой с той же деловой хваткой, что и хедж-фондами, или наоборот.

«Нынче я строю мосты, — заявил он Хуку, разливаясь соловьем во время найма того на служ-

бу. — Но через пять лет этот город станет моим. Все дело, коп, в инфраструктуре».

Тогда Хук остался впечатлен, однако это было очень давно.

Айвори Конти, надо признать, выглядел соответственно роли — если вышеупомянутой ролью был классический мафиозо в костюме с тонкими полосками, зализанными назад волосами цвета медной проволоки и в едва ли не светящемся голубом галстуке шире щитомордника.

«Айвори» его звали в мафиозной тусовке. Из Нью-Йорка он приехал с готовым псевдонимом. В свидетельстве о рождении значилось «Энтони», но для того, кто связался с мафией, вариант «Мафиозо Тони» слишком уж навяз на зубах. Нет, «Айвори» и звучало лучше, и подходило ему больше. Айвори Конти — маленький белый граф, дань его супербледности. А еще таким образом он лишил зубов любого, кто мог бы отпустить шпильку по поводу цвета его кожи. Ловко.

Хук считал, что такая самолично взятая кличка говорила об Айвори Конти многое, в частности, о том, как он способен подчинить ситуацию. «Но епт, — думал он с некоторым пренебрежением, — Ридженса Хука не смог подчинить даже, мать его, ураган».

И вон он, игнорируя Айвори Конти, решил первым делом изучить большую картину в резной золотой раме. Какой-то чувак, в чем мать родила или почти, привязанный к дереву и утыканный, как еж, отвисшими стрелами. Весь такой до хера

святоша, будто на стрелы ему ваще плевать, потому как он уже удалялся по дороге из желтого кирпича или как там еще, на встречу со своим Господом.

Видок этот был знаком Хуку по папаше — «я святое тебя». Констебль фыркнул. «Этот уж явно святое меня, — подумал он. — Во всех смыслах».

— Святой Себастьян, — подал голос Айвори у него за спиной. — Авторства Боттичелли. Прекрасный пример чиароскуро. Тебе, коп, известно, что такое чиароскуро?

— Что-то вроде как свет падает на объект, — неизвестно откуда выудил знание Хук. — Правильно ж?

— Именно, констебль Хук. Только взгляни, Рассано: коп сечет в искусстве.

Хук отвернулся от картины.

— Я секу достаточно, начальник, чтобы отличить подделку. Боттичелли во Французском квартале не водится.

Айвори поморщился, уязвленный.

— Это репродукция, Хук. Не подделка. И однажды, может, я тут настоящую повешу. Может, она уже у меня есть, — он ткнул большим пальцем за плечо на титановую дверь встроенного сейфа, который, по слухам, служил еще и убежищем.

«Ох я б туда заглянул, — подумал Хук. — Сдается мне, там та еще пещера чудес Алладина».

— Иметь цель — важная штука, — сказал он вслух.

Айвори вернулся к делу, а именно — пересчитыванию денег прямо за своим стоячим столом.

— Констебль Хук, — произнес самопровозглашенный авторитет. — Коп в моей берлоге.

«Холодный прием», — сообразил Хук и подумал, почему бы не подергать за поводок посильнее, малость вытряхнуть этого мелкого мафиозо из его фантазии а-ля Капоне.

— Пошло, — кивнул Хук на горы банкнот.

Айвори так удивился, что даже удостоил его взгляда.

— Что это, констебль? Учить меня пытаешься?

— То, что ты тут делаешь, сынок. Пошло. Не-отесанно.

Ровно столько дерзости, сколько нужно, чтобы Айвори замер на половине пачки.

— Ты же знаешь, что я итальянец, верно? Сицилиец, на секундочку. И ты явился называть меня неотесанным на глазах моего человека?

А теперь Хук завладел его безраздельным вниманием — в чем и заключался весь смысл.

— Нет, мистер Айвори, я всего-то пытаюсь помочь на пути к успеху. Начальство не считает деньги. Их считают солдаты. Ты этого не понимаешь, сынок, — откуда б, когда ты в самом начале? Нудную работу делегируют.

Айвори перестал считать банкноты.

— О чём речь, констебль? — поинтересовался он, и Хук подумал, что тот, может, умнее, чем кажется в этом своем костюме от Армани.

Констебль посверлил Рокэ взглядом, пока здоровяк не сдвинулся с дороги. Хук без приглашения уселся на кушетку.

— Речь о том, как далеко по этой лестнице ты нацелился забраться, Айвори.

— Я б сказал, — подал голос Рокэ, — мистер Айвори уже на вершине, коп. Оглянись.

«Спасибо, кретин», — подумал Хук, но и в самом деле огляделся, с удовольствием растягивая волынку.

— Ага, — отозвался он, — славная у тебя тут построечка. Колонны, полный фэши. Думаю, отсюда ты за каждой точкой можешь следить. Прям за каждой.

Дураком Айвори не был. Откровенный сарказм он улавливал с ходу.

— Я знаю, чем владею, коп. И знаю, кто я такой.

Хук прикурил сигару.

— Может быть — но знаешь ли ты, куда направляешься?

Айвори обошел стол.

— Я пытаюсь понять, что ты тут забыл, Хук. Сраный констебль у меня на побегушках, который время от времени доставляет мелкую дрянь по болоту, заявляется сюда и льет мне в уши о том, куда я направляюсь? Ты ведь понимаешь, что ничем хорошим такое для тебя не кончится. Может, ты просто псих? Вот, в чем дело?

Хук глубоко затянулся.

— Психопат, я б сказал. Да, точно. Псих? Как-то мелковато.

На этом повороте беседы у Айвори не осталось иного выбора, кроме как перестать гадать, что же Хук задумал, и начать действовать.

— Так, хватит. У меня нет на тебя времени, Хук. Эта моя построечка — место загруженное. Надо за всеми точками следить. А с карнавалом так вообще дел в городе невпроворот.

— Ладно, мистер Айвори, — вмешался Хук, прежде чем Конти перейдет к части про «вернем Сицилии былое величие», — может, я зашел не с того конца. Без обид и так далее. Просто хочу знать, какие у тебя там в шелковых трусишках яйца. Я работал с крупными игроками в Ираке на обеих сторонах. На всех сторонах, если уж на то пошло. И речь тут идет о горах кокаина и забитых оружием под завязку ящиках, о миллиардах дохода. У тебя в глазах горит тот же огонек, что и у тех парней. Амбиции. Но мне нужно продвинуть тебя на пару клеток, потому как времени на естественное развитие нет.

Айвори поймал себя на ощущении, что наблюдения констебля ему странным образом льстят, а еще — интригуют.

— Спасибо, блядь, преогромное, Хук. Только мне на хрен не надо, чтобы какой-то коп мне тут про мои амбиции рассказывал. Сраный констебль. Ты ж даже не шериф.

«Давай-давай, — мысленно подсказал Хук. — Спрашивай».

Айвори поколебался, сдерживая желание, но ему просто нужно было знать.

— Так вот, продолжай, мудила. Почему это у меня нет времени?

«Надо б поддать мелодрамы, — подумал Хук. — Эти начальнички ее обожают. Или даже лучше — ввернуть чего-нибудь библейского».

И нужная отсылка сама пришла в голову.

— У тебя нет времени, Айвори, — произнес Хук, — потому что подобно Иисусу в пустыне, тебя вот-вот ждет тяжелое испытание.

— Испытание? — переспросил Айвори, а потом ради приличия добавил: — И кто ж меня будет испытывать? Полиция у меня в кармане, я на короткой ноге с картелем, а это здание — крепость. У меня по дюжине человек на этаж, и в одном только этом кабинете хватит огневой мощи, чтобы выиграть средних масштабов войну.

Хук сделал вид, будто все это его глубоко впечатлило.

— Знаешь, я искренне верю, что привлек внимание к ситуации в нужном месте.

— И что же это, констебль, за ситуация?

Хук повертел сигару. Изложить такое было не просто. Если просто выпалить факты, его со смехом выгонят или, что более вероятно, вынесут. Ногами вперед.

— Ладно, сынок. Дело вот в чем: звеньев несколько, так что слушай внимательно.

Айвори провел по лицу ладонью с такой силой, что еще немного и стянул бы его с черепушки.

— Констебль, здесь только ты меня испытываешь. Твои шансы пережить эту встречу равны нулю, если то, что ты сейчас скажешь, мне не понравится.

Близнец, почуяв, что запахло подставой, вытащил ствол и сунул его за пояс брюк.

— Ладно тебе, Джи-хоп, спокойно, — сказал Хук. — У нас тут уникальная возможность. Золотая жила. Шанс для всех нас вознестись.

— Это я б послушал, — заметил Россано Рокэ.

— Ну-тка, может, подумаешь, а не заткнуться ли на хрен, сынок. — Хук затоптал сигару каблуком. — Так вот, звено первое. Я определил мальчишку, который видел то дельце на Хани-Айленде, к вам в морозильную камеру. Тут проблема решена.

— Надеюсь, — удивился Айвори, — второе звено окажется получше, потому как я ни хера тебе не говорил притаскивать сюда свидетеля. Ты точно страж закона, констебль, уверен? А то похоже, что ты не очень-то знаешь о том, как это делается.

— Расслабься, Айвори, — ответил Хук. — Закон тут, включая меня, имеешь ты. А федералы вокруг пока не рыщут. У тебя всего-то отельчик и с полдюжины точек. Что им ловить такую букашку.

— Хук, сука, — произнес Айвори, и констебль заметил, как полегчало его так называемому начальству от этих слов. Так полегчало, что аж повторил: — Хук, сука. Проклинаю тот день. Искренне.

Констебль усмехнулся.

— Ну, это вот-вот изменится, сынок, потому как звено два — этот пацан заимел себе начальство. Скорее даже друга.

— Друга? — переспросил Айвори. — Ненавижу друзей. Ради друзей совершают нелогичные поступки.

— Ага, но этот — особенный, — заметил Хук. — Навостри уши, сейчас будет важное. Этот друг может перевернуть для нас саму землю. Не хочу рассказывать о нем слишком много, но ты смотрел «Игру Престолов»?

— Пару серий, — признал Айвори.

— Чел, «Игра Престолов» гениальна, — опять подал голос Рокэ. — Столько жоп дают, охренеть можно.

Хук подмигнул Айвори так, будто они оба знали, что его боец — дебил.

— Смысл в том, — продолжил констебль, — что маленькая блондиночка — ничто без своих друзей, верно? А что, если такой друг появится и у нас?

Брови Айвори подскочили так высоко, будто вот-вот сорвутся и улетят.

— Типа дракон? О нем ты толкуешь, констебль? Что, если мы найдем дракона?

Хук снова усмехнулся.

— Дракон? Брось, Айвори, я же не умалишенный, приходить сюда со сказочками о драконах. Но на этого друга определенно стоит посмотреть. Так что, думаю, лучше разыграем все вот как: просто дам тебе глянуть на него, прицениться. И, думаю, он с минуты, мать ее, на минуту вынесет тебе двери.

— Явится сюда за разборкой? — поинтересовался Айвори. — Он что, твой сраный брат?

Хук рассмеялся.

— Да ты в ударе, шеф. Подколол. Тот еще кадр, а, Россано? Но нет, парнишка мне не брат. Такого вы еще не видели. Если сможем его поймать и подсадить на товар, устроить малость, так сказать, Французскую связь, защелкнуть ошейник с поводком... и можно брать город как свою сучку.

Примерно так выглядел Хуков запасной план — на случай, если молодчики Айвори действительно сумеют повязать Верна.

— Он настолько хорош?

Хук призадумался.

— Есть фразочка — детишки ее обожают. Отвал башки. Так вот он именно такой. Отвал выше всего. Он как Годзилла, Тор и, мать его, Бэтмен в одном флаконе, явится в любую секунду и снесет половину твоих людей одной левой. Сигналь, мол, код красный, тащи бронебойные патроны. Газ, если есть. Потому что Верн шутки шутить не будет.

Айвори фыркнул.

— Верн? Какой-то хрен по имени Верн снесет половину моих людей?

— Как минимум. Больше, если задержится.

— И зачем, скажи, мне убивать такого крепкого парня?

— А ты его и не убьешь, — гоготнул Хук. — Все эти приблуды его разве что замедлят так, чтобы успеть загнать дозу.

Россано заржал.

— Приблуды? Гребаный старпер трындит про драконов и приблуды.

Хук не был из тех, кто смиленно глотает оскорблений — если это, конечно, не сулило выгоду, а тут оной он что-то не видел. Более того, Айвори стоило преподать урок.

Констебль двигался стремительно, хотя со стороны казалось, что плавно — и это ровно примерно так же трудно, как и звучит, потому как нужно задействовать все мышцы от шеи и ниже. Хук заметил эту «подводную» технику в Ираке, у французского наемника: старина Серж мог перерезать глотку с такой непринужденностью, будто открывал поздравительную открытку, и никто ничего не замечал. Технику Риджэнс изучил и отработал, пока не стал уверен в силах настолько, что столкнулся с самим Сержем — что и стало финальным.

Хук прошел экзамен. Серж отошел в мир иной.

Констебль с легкостью подался вперед и схватил Россано за колено.

— Прости, — бросил он, будто случайно задел, но потом сжал пальцы и резко толкнул руку, высаживая колено в ту сторону, в которую они, как правило, выгибаться не любят.

— Упс, — продолжил разыгрывать сцену Хук, — осторожнее, дружок.

Рокэ рухнул, позеленев до цвета болотной жижи, и в тот же момент констебль всадил ему в подбородок апперкот, которым чуть не снес Россано голову с плеч. А вот дух из тела вышиб напрочь.

— С одного удара, — заметил Хук. — Всегда было интересно.

Айвори, надо отдать должное, не затрясся, не замямлил, а расправил плечи, готовый драться. Видать, на жизненном пути мальчишке уже приходилось показывать норов, имея дело со всеми мафиози постарше, которые сейчас отдыхали в Сент-Маргарет, прикованные к аппаратам.

— Пушку хочешь достать? — поинтересовался Хук. — Знаю, лежит в этом твоем шикарном столике. Умный ход, скажу я тебе, потому как идти со мной врукопашную было бы очень глупо.

— Мне не нужна пушка, — сжал кулаки Айвори. — Я тебя не боюсь.

Хук малость издевательски повторил жест.

— Тут тебе не правила маркиза Куинсберри, мальчик. Путь наверх, может, и лежит через махач, но задержаться там это явно не поможет. С Россано пришлось попрощаться, потому что он отвлекал тебя от четвертого всадника Апокалипсиса, который вот-вот нагрянет в гости. Можем покончить со всем прямо сейчас, а можешь передать на этажи, чтобы готовились к прорыву, и вполне вероятно, нагреть руки. Выйти из тени семьи. Стать в этом городе большим человеком.

— Я и так большой человек. Заору, и сюда сбежится целая пыточная.

— Твой выбор, — согласился Хук, хотя это и не было так. — Но я не стал бы тратить ресурсы заранее. — Он дал Айвори несколько секунд пере-

Последний дракон

варить услышанное, потом добавил: — Решай, сынок. Часики тикают.

— Ладно! — рявкнул Айвори. — Пока поступим по-твоему. Но как только этого твоего сраного суперассасина распнут на столе, тебя ждет серьезный разговор.

— Конечно, шеф, — отозвался Хук.

Шеф. Как будто парадом до сих пор командовал Айвори.

Глава 16

Фото Верн получил, только когда на закате выбрался из воды. Дракон не сразу понял, на что смотрит, решив, что мальчишка решил устроить ему пранк — таким в интернете, судя по всему, занимались многие, — но потом присмотрелся и увидел, что кто-то покромсал Ваксмена на приманку для аллигаторов и разложил куски вокруг лежащего в отключке Пшика. Что такое варварство, Верн знал не понаслышке. Он достаточно насмотрелся на него — в основном, во время чистки, когда люди обрекали драконов на всю жестокость, какую только могли придумать. Верн видел выражения лиц этих людей после, и они явно сами удивлялись, какие креативные способы смертобойств наимпровизировали с полудюжиной мечей, парочкой слонов и чаном масла.

Верн увидел все это, и его сердце разбилось, а разум слетел с катушек.

Но сердца и разумы способны излечиваться.

И теперь Верн заново погрузился в ад. Ваксмен мертв. И это дело рук человека, Хука, и Верна, словно грозовое облако, окутывала глухая тоска, мысли замедляли бег, а моргать и дышать становилось слишком тяжело.

Вжухнуло сообщение. Пшик установил на них звук светового меча.

Сообщение гласило:

Эй, дракон. Ты что, фотку не получил?

У меня тут твой дружочек.

Внизу, в качестве подписи значился эмодзи с крюком, который красноречиво намекал на отправителя.

Через пять секунд световой меч вжухнул снова.

Выглядит он неважно. Ты б поспешил.

За ним следовала точка в гугл-картах — отель «Марчелло» в Новом Орлеане.

Третий вжух.

Айвори Конти говорит убить его щас, но я дам тебе еще час, прежде чем он закончит как Ваксмен.

К этому сообщению крепился файл: еще одно фото Ваксмена. Вернее, голова мгвая на колу.

«Хук ошибся, — подумал Верн. — Надо было убить и Пшика. Потому что теперь мне есть ради чего жить».

Ближайший час.

Десять минут спустя Верн уже оказался в воздухе и был совершенно ошарашен текущими событиями в целом.

Во-первых, он входит в воздушное пространство Нового Орлеана впервые с той гребаной истории с видео, которое снял уборщик пару лет назад.

Во-вторых, он рискует собственным чешуйчатым задом ради какого-то пацана, которого видел то раз два и обчелся, потому что... а, собственно, что? Пшик доставлял в хижину водку и драконью порнуху — так себе причина как убивать, так и умирать ради этого.

И третий залет: он позволил какому-то мудилекопу так себя накрутить, что полетел прямиком в логово гангстеров, в немалой степени для того, чтобы письками помериться.

«Что бы этой ночью ни случилось, Риджэнс Хук не уйдет — и даже не уползет».

— Совсем крыша у тебя протекла, лорд Хайфаэр, — сказал он себе строго. — Поворачивай сию же минуту.

И не повернул, потому что Пшик — хороший малый. Хороший и верный.

«Я поощряю в людях верность. Что дальше, буду присягать, мать их, овцам?»

И тем не менее Верн не повернул. То, что творил Хук, нельзя допускать, даже если это очевидная западня.

Верн летел низко, наслаждаясь теплом восходящих потоков.

«Что, кайфуешь?»

«Так вот, Виверн Всемогущий, если поворачивать ты не собираешься, давай-ка хотя бы включи в игру, мать ее, голову».

Что было справедливым замечанием.

Может, он и всесильный дракон, а они — кучка тупых людышек, так удобно сбившихся вместе для забоя, но иногда тупым улыбается удача, а всесильным — смерть.

«Сосредоточься, малыш. Вспомни, как Грендель вынес тот длинный дом у викингов? Давай вот так и поступим. Только вместо викингов читай: «итальянцы». Длинный дом — отель в центре города. А мечи — полуавтоматическое оружие».

Верн потихоньку начинал понимать, что с метафорами у него туго.

Новый Орлеан сиял огнями так, будто весь город был одной большой ярмаркой. Монолитные плиты небоскребов, кичливые надгробия на фоне ночного неба, не были и вполовину так красивы,

как их нарисованные отражения. Особенно — стадион «Супердоум», не постройка, а фиолетовая сиська, напоминающая Верну о драконице, которую он однажды повстречал в, как ее сейчас называют, Бразилии.

«Южноамериканские драконицы. Епт».

Верн проскользнул над болотами Делакруа едва ли в десяти футах над портом Миссисипи. Он держал крылья прижатыми как можно плотнее, а рот — захлопнутым на замок. Один намек на пламя, и он подсветит себя для направленной в его сторону камеры. И если жизнь чему-то и научила Верна, так только тому, что рядом всегда найдется хер с камерой. А нынче этим хером мог оказаться даже робот. Где там тот Армагеддон, поскорее бы — тогда дракону, который всего-то пытается выжить, возможно, станет полегче.

Верн посигналил пигментным клеткам, и те подогнали цвет под природу Миссисипи — весьма неплохо, для случайного наблюдателя, потом поднялся немного выше, чтобы скрыться от плавучих дискотек, но продолжил следовать по реке на северо-восток, к Французскому кварталу. А там обоняние дракона свихнулось от многообразия запахов улиц, рога изобилия специй и парфюмов, из-за чего стало крайне сложно думать о чем-либо, кроме гумбо.

«Надо б в укрытие, — сообразил Верн. — Сперва послежу за отельчиком, потом схвачу этого уебка

Хука, сорву его тупую башку и, может, яйца — в водке их замариную».

И мгновение спустя, слегка стыдливо:
«А еще спаси Пшика. Первым делом».

Верн зацепился когтем за средний шпиль собора Святого Людовика и, скрывшись там в тенях, воззрился с высоты птичьего полета на раскинувшуюся перед ним современную Гоморру.

«Наверняка выгляжу — просто отпад, — подумал он. — Здоровенный крутанский дракон у шпиля. Кристофер Нолан бы обосрался от восторга, если бы увидел».

Но никто его не видел. В этом и заключался весь смысл. Сопротивление желанию покрасоваться перед толпой — вот, как Верн выживал так долго. Но как же трудно приструнить себя, когда ты так прекрасен в действии. Десять лет жизни бы отдал, лишь бы хоть разочек оттянуться.

«Даже не знаю, что смогу натворить, — вдруг понял Верн. — Вот, сколько времени утекло».

От квартала внизу веяло центром города, где глянец прятал под собой порок, чтобы туристы набивали клювы по-боями или светили крепкими юными титьками, ничего не опасаясь. Или, если очень уж надерутся, покупали ненастоящие талисманы вуду, чтобы влезть кому-нибудь в штаны.

«Раньше это была карнавальная фишка. А теперь так всерьез, — подумал Верн. — Даже му-

жики развлекаются. Странно, что так долго сдерживались».

Но глянец Французского квартала наложили неровно; в углах, в недрах переулков проглядывало дно. Верн чуял жгучую сладость дешевого алкоголя, маслянистую пластиковую вонь подожженного крэка, прогорклый мускус беспробудных пьяниц. Он видел, как возбужденные гости города все из себя веселятся и гикают, будто они неуязвимы, будто куда ни плюнь не наткнешься на ствол или выкидной нож. Будто их не могут прихлопнуть как без особых раздумий, так и усилий. Он видел рабочие кадры, которые сновали в толпе трудолюбивыми муравьями, продавая заветные пакетики, обчищая карманы, заманивая лошков в свои заведения. Все шло своим чередом, как и раньше на протяжении столетий, кроме недели сокращенного обслуживания из-за множественных косяков Федерального агентства по управлению в чрезвычайных обстоятельствах после того, как «Катрина» затопила восемьдесят процентов города.

В другой вечер Верн, может, даже насладился бы редкой сменой пейзажа, но сейчас перед ним стояла задача отмстить жестокое убийство Ваксмена, спасти своего пацана и похоронить констебля Хука так глубоко, что без археолога не откопают.

Сердцем Верн никак не мог поверить, что Ваксмена действительно больше нет. А вот нутро переворачивало от старого доброго друга-или-члена-семьи-убил-человек чувства, которое он так хоро-

шо помнил. Он по собственному ох какому обширному опыту знал, что месть не сможет как по волшебству заставить это чувство уйти, но определенно сумеет его малость притупить.

Отель «Марчелло» Верн заметил сразу. Этот Айвори явно любил колонны. Их было около полу-дюжины только у фасада заведения — в паре кварталов от Рампарта, вплотную к Тремей — залитого золотом и увитого бетонными виноградными лозами. Вывеска, разумеется, тоже сверкала золотом: «Башня Марчелло». Классическая элегантность.

Этот парень думал, где находится? В Нью-Йорке двадцатых годов?

Верну вдруг пришло в голову, что в более светлые времена он бы сжег всю эту построечку только потому, что его выбесила вывеска.

«Славные деньки, — подумал дракон. — Как в воду глядел, Брюс».

Он хотел присмотреться поближе, так что рискнул пятисекундным приземлением на здание напротив — жилой дом из красного кирпича с самыми что ни на есть настоящими горгульями головами, выглядывающими с края крыши.

«Как удобно», — подумал Верн.

На крыше обнаружился один парнишка, весь в боевой готовности к вечеру — с шезлонгом и косячком марихуаны. Дракон рухнул за его спиной, словно марионетка на ниточках, и от души дохнул ему в голову чадом.

— Дешевле травки, — сказал Верн, — но серное похмелье — та еще дрянь.

Дракон припал на четвереньки и подполз к краю и постаментам с головами горгулий. Откуда открылся неплохой вид на «Марчелло». И, что совсем хорошо, сам Верн был прикрыт со всех сторон.

Делать то, что он собирался, на самом деле было не так уж обязательно, ведь на таком расстоянии хватало и пигментных клеток, с его-то простецким окрасом.

Но какого черта. Надо иногда и развлечься.

Верн просунул когтистый палец в трещину в высохшем цементе, крепившем горгулью к стене, и уже через минуту бюст отделился от паза.

— Пойдем-ка, дружочек, — произнес Верн и потихоньку потянул его с насеста.

«А неплохое сходство, — подумал он, разглядывая горгулью. — Но лоб мелковат».

Вблизи драконы и горгульи были не так уж похожи, но на расстоянии и ночью можно с легкостью провести девяносто девять и девять процентов людей, восемьдесят три процента которых тупее свиного деръма в помойке.

И Верн пристроил на место горгульи собственную голову и воззрился на Новый Орлеан с полной вседозволенностью.

У «Марчелло» было четыре этажа будто бы сплошных камня и стали, с тяжелыми гранитными колоннами и скошенными двойными дверями. Эдакий кипящий жизнью улей, с множеством бойцов, которые создавали движуху у входа, и переполненный итальянский ресторан, занимающий

доброй половину первого этажа. Большинство окон прикрывали декоративные решетки, фасад подсвечивали голливудские прожекторы. В плане архитектуры этот Айвори явно пытался воссоздать осовремененную версию итальянской классики, но воткнутый посреди ряда цветных креольских домов с лепниной «Марчелло» выглядел Вулканским посольством, то есть безликим и мрачноватым.

«Даже с прожекторами — скукотища».

Верн даже зевнул.

«А удобная, мать ее, ниша, — подумал он. — Вздремнуть?»

Десять минут — неплохо восполнить силы после полета.

Но как насчет Пшика?

Вероятно, лучше вытащить мальца, а потом уже вздремнуть.

Верн сосредоточил все свое внимание на ноздрях.

«Где ты, парнишка Пшик? Где ты прячешься?»

Нюх у драконов, если есть след, получше, чем у среднестатистической гончей, хотя с годами имел свойство ухудшаться из-за серных отложений вдоль носовых проходов. На прошлом месте, в Эверглейдс, у Верна их на пару столетий вообще почти наглоухо заложило — пока любезная тайская дамочка, которая жила в хижине у реки, не убогла его не делать из нее шашлык, предложив прополоскать ноздри свечами. Опасная, тяжелая задачка — работать с огнем рядом с драконом, однако Лили ухитрилась вытащить из носа Верна комья

засевшего там дерьяма, и будь он проклят, если не почуял запахи хоть самого будущего. Спалось тоже лучше, с чистыми-то дыхательными путями.

Так что Верн отпустил Лили с миром, и в благодарность она натравила на него толпу. Пришлось сказать Флориде прости-прощай. С тех пор Верн и тусовался у Хани-Айленда.

«Стоило того. Здоровью цены нет».

Верн решил, что как только выловит своего бедового фамильяра, заставит его погуглить как правильно ставить свечи — вдруг мальчишка таки сможет провести процедуруку. Нос, правда, не был и близко так жестко забит, как раньше — все-таки пыхать огнем ему нынче доводилось редко.

«Что вот-вот может измениться».

Перед вылетом Верн захватил из хижины старую футболку Пшика. Он достал ее из кармана штанов, поднес к морде и потянул носом.

«Ну давай, сопатка. Ищи и обрящи».

Из всех мест, куда могло занести Пшика, Новый Орлеан в целом был худшим, а Французский квартал в частности — худшим из худших. Вокруг вились все знакомые ароматы — угарный газ, биологические жидкости, болотный мускус, вентиляция ресторанов, курильщики, закусочные на колесах, и все это приправлено послевкусием встрыски после «Катрины», которое так и не развеялось. Так вот, берешь все это, выкручиваешь остроту на максимум, сбрызгиваешь приевшейся лимонной жидкостью для мойки улиц, еще малость душка протекающих нефтяных бочек Рако-

вой аллеи Речных приходов — и получаешь букет каких поискать.

Не для слабого носа.

«Большинство людей все равно ни черта не чуют», — подумал Верн, а вот его четвертое чувство работало отлично, и он почти мгновенно уловил запах Пшика на третьем этаже «Марчелло». Найти мальца было нетрудно — с тем, как он намывался дешманским мылом с таким содержанием промышленной химии, что закачаешься. Бедный несведущий Пшик, ничего не подозревая, медленно отбеливал себе кожу.

Так вот для Верна этот запах, вместе с Пшиковым характерным купажом из пота, пубертата и норова, был так отчетлив, что дракон мог считать его так же легко, как струйки дыма от неонок на другой стороне улицы.

«Третий этаж, в тылу, — подумал Верн. — Туда и обратно. Кто попадется на пути — ну упс, пофиг. Постараюсь свести потери к минимуму, из уважения к чувствам Пшика относительно убийств и Ваксменовской теории о душах, но в мое оправдание — вообще-то там кругом плохие ребята».

Верн сдал назад, убирая голову из горгульей ниши. Он был уверен, что его никто все-таки не заметил. Камуфляжные клетки плюс ночь плюс бухие людишки равно фактической невидимости. Ну, или Верн искренне на это надеялся.

Он несколько раз отжался, потом добавил с пол-дюжины прыжков из упора лежа, чисто разогнать кровь. Прикинулся, не поделать ли еще разножку, но

победила страстная ненависть к этому упражнению.

«Мне эту дрянь делать сложнее, — аргументировал дракон. — У меня центр тяжести ниже».

Пришлось довольствоваться отжиманиями и прыжками. А еще, разумеется, провести беглую проверку своего драконьего хозяйства — убедиться, что оно запрятано так глубоко, как только можно.

«Нервничаешь, Виверн? — оживился внутренний голосок. — Срань господня, да ты что, испуган?»

— Ничего я не испуган, ушлепок, — буркнул Верн в ответ. — Просто предусмотрителен. Давно не разминался, а я, насколько мне известно, последний дракон. Миру нельзя меня потерять.

Однако Верн все-таки нервничал и, возможно, был капелюшечку напуган, что необязательно плохо, хотя своему внутреннему голоску он в этом ни за что бы не признался.

«Страх сцены случается даже у Адель, — сказал Верн себе. — Будь как Адель, пусти энергию в русло».

И, пока не передумал, дракон взял разбег, прыгнул с крыши и нацелил бронированную голову на решетку подъемного окна третьего этажа.

И промазал.

Верн прошел сквозь стену, а это жестко даже для дракона. Впрочем, к счастью, кирпичной постройка только выглядела, а на деле ее возвели из

пустотелых блоков и гипсокартонной обшивки. Это и стеной-то сложно назвать — по меркам некоторых средневековых замков, в которые Верну доводилось ломиться. Те ублюдины были толщиной в три фута цельного камня, а сверху, вдобавок, какой-нибудь сраный норманн лил тебе на спину кипящую смолу, а от нее чешую потом хрен отмоешь. Так вот, Верн пробил стену, но малость подрал крылья и поднял жуткую пыль.

— Бля, — выругался он. — Блядская пыль.

В его сбитом прицеле была виновата, конечно, именно она.

Вытряхнув из глаз звездочки, Верн поспешил соскраб с пола свое филе, пока в него не перетек жир, и мафиози не наткнулись на то, как он здесь разлеживается аки готовая для гриля кура. Верн вдруг понял, что теснится в коридоре, а это нехорошо — не развернуться. Драконы, как правило, предпочитали побольше пространства для маневра — посечь когтями, погромить что-нибудь хвостом. В идеале во время битвы дракону даже не приходилось касаться земли, но Французский квартал еще никогда не обвиняли в идеальности, кроме как во фразах типа «О, прекрасно. Просто, еб твою мать, идеально».

Из-за угла вырулили двое, и один серьезно недооценил уровень угрозы.

— Эй, чел, — обратился он к Верну, то ли улыбаясь, то ли нет, — ты чо, типа до хрена косплеер?

Второй врубился в ситуацию получше.

— Срань господня, Альфонсо, эта херь настоящая. Это ж сраная горгулья.

Что было, по мнению Верна, ударом ниже пояса.

Так или иначе, оба быстро забили на переговоры и перешли прямиком к пушкам.

«У меня нет выбора, — подумал Верн. — Только в бой».

«Агась, — поддакнул внутренний голосок. — Типа это в планы не входило».

А потом первая пуля ударила прямиком в грудную пластину. К счастью, Верн так часто попадал в передряги, что клапаны пластины откалибровались и оставались перманентно твердыми, что та еще дрянь, когда пытаешься поспать, но окупается с лихвой, когда какой-нибудь умник палит в тебя почти в упор. Но больно все-таки было, так что Верн, любезный болотный дракон, на мгновение отошел, и его место занял боевой лорд Хайфаэр.

Боевые драконы не слушают внутренние голосочки.

Они встают прямиком на тропу войны.

Что Верн и сделал.

Инстинкт самосохранения вкачал в пластины больше крови, укрепляя броню. Пигментные клетки подцепили темно-синий цвет обоев. Железы плеснули серной нефтью на моляры.

«Ну, погнали», — подумал боевой Верн, щелкая зубами и высекая искру для запала.

«Поддадим жару», — он перегнал десять фунтов телесного жира в плазму и выдохнул ее на запал. Плазма вспыхнула, превращаясь в тот самый поток

огня, о котором столетиями писали в книгах, и после которого так редко кто-то оставался в живых.

Пламя успело превратить двух вооруженных кашчил в обугленные кучки костей, пока Верн с ним не совладал и, сжав губы поплотнее, вырезал в дальней стене коридора дыру. А потом сглотнул пламя и ринулся сквозь кольцо тлеющих углей вперед, ожидая найти Пшика на той стороне.

Но Пшика там не оказалось — во всяком случае, Пшика целиком, — а только палец его ноги на салфетке. А еще надпись на этой же салфетке:

Хер тебе, ящерица.

Верн вздохнул.

«Чтоб тебя, Хук. Совсем дурной. Бедный кретин думает, что может поймать меня в западню, как дикого зверя».

А потом пришло осознание:

«Хук покалечил моего пацана».

Из коридора донесся особенно бравый топот.

«Уж не прошлым ли повеяло?»

Дракон развернулся. К нему неслась дюжина или около разномастных громил, все в предвкушении перестрелки.

«Аж отсюда кокс чую, — подумал Верн. — Чутка колумбийского драйва».

Ребятки явно были тупыми. Как будто никогда не смотрели «Триста спартанцев». Нельзя набиваться в узкий проход толпой. Неважно, сколько

vas там — иметь дело надо будет за раз только с двумя.

Но Верн подумал:

«У меня нет ни времени, ни терпения, ни настроения иметь дело с двумя за раз».

Так что он поддал искры, разинул пасть пошире и обдал коридор пятисекундным шквалом яростного огня, который обратил потенциальных противников в кучки костей и заставил их вооружение рвануть так, что из кладки полетели отбитые куски. Несчастные братки даже толком и не рассмотрели, на кого так перли.

«А так вообще говорят? — подумал Верн. — Братки? Звучит как-то устарело».

Верн вскинул нос, пытаясь поймать новый след, и обнаружил целых два — послабее, чем палец, над которым он стоял, но, несомненно, принадлежащих Пшику Моро.

«Опять пальцы, — догадался дракон. — Вот же гребаный садист. Это ведь пытки».

«Агась, — вклинился внутренний голосок, — говорит тот, кто только что выжег целый батальон».

«Эти, по крайней мере, быстро отмучались, — возразил Верн. — Мой огонь тебе не медленный. От драконьего пламени средних ожогов не бывает».

Два запаха, отдельных: значит, Хук вынуждал его гоняться за химерой, которая потом в его же лице и угодит в рагу. Что, конечно, произойдет вряд ли, но кто сказал, что этот тип Айвори не

пристроил рядом с очередным пальцем ракетную установку?

Верн улучил минутку на подумать. Ракетная установка точно оставит шрам.

«Если б у меня в распоряжении был отель с рестораном, куда б я сныкал пацана, которого не должны учゅять?»

Ответ пришел довольно быстро.

Уловить запах сквозь алюминий сложно даже дракону.

Но богатый опыт подсказывал, что мясохранилище всегда находится в задней части кухни, а уж кухню-то Верн чуял наверняка.

Он выбрался наружу тем же путем, только на этот раз впился когтями в стены и пополз мордой вниз.

По плану он вот так спускался до самой кухни, но давненько не упражнялся в переползании по фасадам, а еще из-за вспышки адреналина стрелка его внутреннего индикатора билась около значения «безрассудно», так что Верн загнал пятерню когтей слишком глубоко и раскрошил блок.

«Пиздец котенку», — подумал он, потеряв хватку и ухнув головой вниз к тротуару.

Расправлять крылья было некогда — даже если б Верн успел малость взмахнуть, полет бы все равно особо не замедлился, — так что он прижал подбородок к себе поплотнее и приготовился принять удар бронированной макушкой.

К счастью, его двухэтажное пике обломалось о парочку не в то время и не в том месте оказав-

шихся консьержей, которых в свою очередь обломало его двухэтажным пике. Стыдно Верну не стало — консьержи были вооружены, а он тут маленько занят, вообще-то.

Однако врезаться в тротуар Французского квартала у ресторана — это как-то, на вкус Верна, чесчур. В той части улицы слонялась пара сотен туристов, дюжины их выглядывали из окон. Люди отпрянули от удара, словно круги по воде от камня, и Верн очутился в свете фонарей, при всем честном народе, которого так долго сторонился.

«Молоде-е-ец, лорд Хайфаэр, — сказал он себе. — Все еще считаешь, что эта спасательная операция не херня полная?»

Во времена менее незапамятные первой реакцией народа на внезапно рухнувшего в округе дракона было к черту удирать, роняя тапки по дороге. Парочка совсем малодушных юнцов могла ожидаемо обгадиться или отключиться. Все это случилось и теперь, но значительный процент свидетелей еще и потянулся за телефоном. В современной Америке самым важным же было задокументировать момент. Еще каких-то десять лет назад этим документаторам пришлось бы лезть за девайсами в сумочки или карманы, и даже успей они достать телефоны вовремя, в таком освещении видео вышло бы практически бесполезным. Теперь же каждый индивид на континенте с возраста двух лет все время стискивал в потных ладошках как минимум одну эйч-ди киностудию с полным фаршем. Если уж на то пошло, без смартфона люди не

могли ни поесть, ни поспать, ни поработать, ни передернуть.

И вот, когда Верн рухнул, люди издали два вида звуков. Первым был коллективный «Ох!», а вторым — вариации на тему «Снимай!».

А еще две пьяные (возможно) девицы показали ему сиськи.

«Вашу ж мать, — подумал Верн. — Теперь или валить из Луизианы, или меня кокнут. Люди не понимают, через какие круги ада дракону приходится скакать только для того, чтобы вай-фай себе провести».

Был соблазн поиграть мышцой, расправить крылья, торгануть собой на все деньги, но Верн так долго выживал явно не ради того, чтобы все продолжать ради минуты славы и поинтов.

Так что он сиганул с раздавленных консьержей прямиком в окно ресторана, обдал дождем из стекла празднование бар-мицы и намотал на плечи красную бархатную штору а-ля дракон-супергерой.

— Мазл тов, — выдал Верн огигевшему пацану в шляпе и пробежал по столам к дверям кухни.

Он двигался быстро, быстрее, чем ему доводилось на протяжении столетий, и чувствовал, как заходит сердце.

«Надо бы поднажать на кардио, — сказал он себе. — Позорище. А были времена, когда пролетал весь континент и ничего, как два пальца. Теперь даже по ресторану без отышки не пробегу».

Тем не менее, Верн по-прежнему был наибывштрешим живым существом из всех, кого только видели эти люди — именно поэтому его они не то чтобы видели. Для них он выглядел как смутное пятно размером с медведя, которое оставляло в сознании скорее общее впечатление, нежели четкий образ.

Пацан с бар-мицы, Тони Коэн, позже заявил каналу «Фокс 8»: «Я думал, что это два аллигатора трахались».

Что разлетелось по Сети так, как любой записи с Верном и не снилось. Малыш Тони, разумеется, тайком глушил шоты водки — ну а что, собственно, хотели его родители, устраивая празднование во Французском квартале.

Верн врезался в двойные двери башкой и снес их с петель. В коридоре обнаружился боец Айвори, который, демонстрируя свою пушку, подкатывал к официантке, чувствовавшей себя явно неуютно, так что Верн мимоходом вмазал его в гипсокартон. «Запеченную Аляску» на серебряном подносе в руках шеф-повара Верн — чисто поржать — поджег огненным плевком.

«Ну вот как тут сдержаться?» — подумал дракон, когда горящий синим десерт пшикнул искрами.

Как он и предполагал, мясохранилище, алюминиевая морозильная комната, обосновалась у дальней стены. У двери тусовались два хмыря.

«Сторожат говядинку? Вот уж вряд ли».

В пользу ребяток Айвори стоит сказать, что они все-таки ухитрились достать пистолеты прежде,

чем Верн до них добрался. Но удалось им это на-верняка потому, что о приближении некой угрозы возвестил хаос, который с минуту назад воцарил-ся снаружи.

А еще то, что коп Хук сказал им «держать дверь ценой яиц».

Один из ребяток засомневался в инструкции: «Эй, коп, может, «ценой жизни»?».

И Хук ответил: «Нет, сынок. Яиц. Именно их я тебе оторву, если кто-то или что-то туда про-никнет».

Констебль Хук подкрепил угрозу привычным злобным взглядом, что вкупе с выразительным в отношении упомянутого органа глаголом «ото-рвать» обеспечило стражам холодильника прилив морозной бодрости.

Несмотря на сказанное, они ждали угрозу в ли-це человека.

Угроза, которая ринулась к ним сейчас, челове-ком определенно не была.

Реакция людей на его появление Верна и раз-веселила, и возмутила. В данном случае он испы-тал обе эмоции, сменившие друг друга буквально за миг.

— Аве Сатана! — выпалил первый.

Что, вероятно, было отчаянной попыткой напо-следок переметнуться от одного спасителя к дру-гому, дабы задобрить мчащегося к нему дьявола.

Что вызывало у Верна улыбку, пока второй не выдал:

— Жирный, мать его, мегахряк.

Что эту улыбку мгновенно и стерло.

«Мегахряк? Что за на хрен?!»

Если бы Верн малость замедлился, труженики кухни бы от его вида кукухой тронулись, а так реакция запаздывала на пару секунд, и приступ истерии ожидал поваришек, когда Верн уже давным-давно свалит.

Он врезался в стражей холодильника на полном ходу, сплюшив им грудную клетку гармошкой так, что лопнуло сердце. Один даже умудрился разок стрельнуть; пуля чиркнула Верну по внутренней стороне бедра и определенно зацепила бы член, если б дракон не проявил предусмотрительность и не спрятал ценный орган заранее. На причинда-лах защитных пластин не было, и такой осечки могло легко хватить, чтобы дракон истек кровью на кафельном полу.

Не самая достойная гибель.

В крови клокотала ярость, Верн сдернул дверь с петель — хотя мог просто-напросто повернуть ручку, — и спину прострелило болью. Трудно поверить, но эту давнюю травму он заработал, когда всего-навсего ел коня.

Холодильник представлял собой большую комнату с подвешенными, словно шмотье в химчистке, кусками туш. Пшик сидел на корточках у дальней стены, между башнями из ведерок мороженого, с натянутой на колени футболькой и аloy, как леденец, лужицей замерзшей крови вокруг босой ступни.

— Эй, Верн, — произнес мальчик. — Вы мне снитесь?

— Нет, сынок, — отозвался тот, — не снюсь. Самый что ни на есть настоящий дракон явился тебя спасать.

Пшик слабо улыбнулся.

— Не всего меня. Хук поработал над моей ногой крюком.

Верн присел рядом и выдохнул над головой Пшика облако серы.

— Вы хотите меня усыпить, Верн? Но зачем?

Дракон вскинул коготь и раскалил его пламенем добела.

— Потому что ты определенно не хочешь оставаться в сознании, малец, когда я прижгу раны.

— Наверное, — согласился Пшик, и один его глаз уже начал закрываться. — Шеф, мы же поимеем Хука?

— Он и так в жопе, — сказал Верн, — за то, какую свинью подложил Айвори под дверь. Хуку хана по полной.

— Хана по полной, — повторил Пшик. — А отлично звучит.

И заснул. Верн поднял его ногу и принялся за дело.

Для дракона это смешно, однако запах горелой плоти друзей всегда вызывал у Верна рефлекс. На противников он плевать хотел, а вот в прижигании фамильяра было нечто, отчего желудок норовил вывернуться наизнанку.

Пшик потерял три пальца, отчего ступня выглядела так, будто у нее появился ирокез. Верн захихикал, отвлекаясь от тошноты. Быстро покончив с полевой хирургией, он зачерпнул горсть льда со стены и приложил к обожженной плоти. Раздалось яростное шипение, взвилось облачко пара. Пшик даже не застонал. Впрочем, это его по максимуму ожидало на следующий день.

«Бедному засранцу придется как пирату скакать на одной ноге две-три недели, — подумал Верн. — Но выживет, при условии, что о спасении я не просто так трепался и сумею вытащить нас отсюда».

Людской мир уже постепенно врубался, что у них тут творится нечто из ряда вон, и Верну даже не пришлось напрягаться, чтобы это понять. На кухне стоял галдеж октавы на три выше обычного и децибел на пятьдесят громче. Из-за раскуроченного дверного проема высунулась парочка голов и тут же поспешно убралась.

На улице звякали сирены, возвещая о приближении полиции, которую привлекла движуха, выходившая за рамки даже по меркам Французского квартала.

«Задержаться бы, конечно, и посмотреть, как Хук будет объяснять, что он тут забыл, но увы», — подумал Верн, и его собственному желанию отправить констебля побеседовать со своим создателем пришлось отойти на второй план. В данный момент, когда патрульные катались с дробовиками, а спецназ разъезжал на танках, на полномасштабные бесчинства не было времени.

«Лучше пока по-быстрому отступить и рвануть в байу. Опять же, — добавил Верн про себя, — похерить мафиозный отель можно в любой момент».

Верн подхватил Пшика чуть ласковее, чем обычно, когда в его лапы попадали люди, и обернулся крыльями, словно маленького драконенка. Выбравшись из холодильной камеры, он применил метод, который однажды стал известен как «призыв кавалерии». Он выдохнул плотный столп клокочущего пламени, который прожигал на хрен все, чего касался, и пробил ход прямиком в ночное небо. В этом и есть все драконье пламя — оно куда ближе к греческому огню четвертого века до нашей эры, чем к привычному бытовому. Эдакий горючий поток, который пожирает все, чему не посчастливилось оказаться у него на пути, и которому абсолютно насрать, плещут на него водой или как.

Полностью свою физиологию не понимал даже сам Верн, потому что подобный уровень понимания имел цену, и она включала в себя наркоз, средства фиксации, каталку и бригаду медиков в халатах. От чего, если уж обсуждать цены, по мнению Верна, малость веяло Росомахой. В пятнадцатом столетии он уже позволил одному эрудиту-итальяншке маленько себя пощупать, но узнал только то, что его пламя, на современном наречии, неадгезивный нефтяной дистиллят. Плюс человечек сделал зарисовку того, как Верн дрался с его львом, с достоинством во всей красе наружу — хотя Верн вообще-то подчеркивал, что оно глубоко внутри.

Сраные эрудиты.

Так что Верн изверг поток нефтяного дистиллята, который выжег в самом сердце отеля колодец в шесть футов шириной так, что внутрь заглянул серебряник луизианской луны.

«Вуаля, — подумал Верн. — Выход справа от сцены. Благодарим за внимание и всего доброго».

А потом:

«Пожалуйста, господи, никаких вертолетов».

Хуку пришлось признать, что масштаб разрушений, которые устроил Верн в «Марчелло», его удивил. Он-то ждал что-то на уровне отряда «морских котиков», но дракон пронесся скорее как стихийное бедствие — типа гибрида урагана и лесного пожара. При том, что сам-то всего семь футов ростом.

Впечатляет.

«Сдается, старина Верн таки окажет любезность и разберется с моим геморным начальством. Так что план «Б» отпадает за ненадобностью».

Теперь Хуку было нужно всего лишь попасть в хранилище.

Как только на вентилятор размером с мельницу ухнуло слоновье дермо, по стенам пентхауса черными молниями побежали трещины, и повсюду расплескалась «Сан Пеллегрино».

— Что за херь?! — изумился Айвори, отступая к своему фитнес-столу.

— Ну, шеф, тут такое дело, — непринужденно отозвался Хук. — Кажется, дракон все-таки явился.

Теперь, когда здание тряслось, как башня из коробок в кузове несущегося вперед пикапа, заставить его продать правду было, судя по всему, гораздо проще.

— Иди на хер, Хук, — послал его Айвори, но отчасти все-таки поверил. У людей, как ни крути, есть память рода, и вследствие все они в трудную минуту верят в драконов.

Хук подумал, что Айвори Конти, наверное, имел право малость повариться в жалости к себе. Во-первых, он точь-в-точь соответствовал своему имени — а именно Белый Граф, что, несомненно, было его личной разновидностью комплекса Наполеона. И во-вторых, еще десять минут назад он был королем этого маленького замка с довольно крепкой бизнес-моделью, а сейчас его лучшие бойцы мертвы, авторитет висит на ниточке, и огромная полыхающая смертельным огнем ящерица, в которую он, возможно, даже не верит, вот-вот придет оформить из него барбекю в собственной крепости.

«Бедный говнючила», — подумал Хук.

Ну, по крайней мере, теперь Айвори относился к ситуации серьезно — пусть его и пришлось мотивировать убитым телохранителем и сотрясающимся отелем. Айвори открыл хранилище и, что логично, вошел.

— Ох-ох, — Хук даже руки потер. — Значит, Айвори Конти прячет игрушки. Что там у тебя, сынок?

Он проследовал за Айвори прямиком в Алладинову пещеру добра. Риджэнс Хук был впечатлен — а ведь он умыкнул из Ирака охренеть сколько сокровищ.

— Что это, шеф? — поинтересовался констебль, будто не знал ответ заранее. — Это ведь не обычная камера?

— Убежище, — отозвался Айвори. — Любойся, пока можешь, потому что второго раза не будет, въезжаешь?

«Въезжаешь? — подумал Хук. — Серьезно?»

Айвори снял с подставки новехонькую модульную винтовку.

— Не только у твоего дракона есть огневая мощь, — заявил он. — Посмотрим, как ему понравится эта штучка.

— Восхищаюсь твоим подходом, шеф, — сказал Хук. — Не из пугливых. Выберемся из переделки — и город наш.

Убежище действительно внушало уважение. Все эти ровненькие ряды винтовок. Люди недооценивают бережность и щепетильность, которые для этого требуются. Гребаная художественная выставка, вот что это было. Хук слыхал, Айвори даже нанял сборщика из галереи Складского района, чтобы тот явился и сделал ему из вооружения эту инсталляцию. Сборщик провозился неделю и получил восемь штук, как говорили, но Хук считал,

что неудобства и ценник с лихвой окупились, и готов был поспорить, что у Айвори вставало каждый раз, как он сюда заходил. Вдобавок, он время от времени давал конкурентам одним глазком взглянуть на свой тайный арсенал, чтобы не забывали, какого калибра парня они думают наебать. Потому что ребятки в бизнесе Айвори думают о том, как наебать друг друга двадцать четыре на семь триста шестьдесят пять дней в году.

Хук побродил мимо различных орудий на стене, минуя экземпляры для хлюпиков, пока его большую душу не озарил свет винтовки «Баррет М82».

— И-и-и вот наш победитель, — произнес констебль, принимая вес пятидесятиго калибра словно штангу.

«Интересно, — подумал он, — увидеть, сможет ли эта переносная пушка пробить дыру в настоящем драконе».

А еще интересно увидеть, что сделает Верн, когда Айвори его выбесит своей пукалкой.

«Дракон дойдет до белого каления, и тогда сделаю ход я».

Айвори встал в снайперскую позу, упираясь локтями в стол, и нацелил ствол на дверь.

«Ждет, наверное, что Верн постучит».

Сам Хук, тем временем, остался позади, одной ногой в убежище, которое называлось таковым явно не просто так.

Удерживать позиции долго не пришлось, у них тут была не то чтобы охота на бен Ладена. Уже через считаные мгновения здание сотряс рев,

словно кто-то запер в четырех стенах бурю, и добрую четверть пола снесло потоком пламени, которое пробило пентхаус насквозь и устремилось в небо.

— Бля! — воскликнул Айвори, вскидывая обгоревшие брови. — Бля, черт, мамочка...

Что, в целом, неплохо описывало ситуацию.

Столп огня, разумеется, внушил ужас, но с точки зрения Хука, у него все-таки имелись и плюсы. Во-первых, он уничтожил все следы недавнего убийства, и во-вторых, он появился и исчез. Больше ничего толком не загорелось, только тлели края дыры.

Огонь мигнул, словно его и не было вовсе. И Хук мгновенно сообразил, что это бж-ж неспроста.

«Старина Верн проложил себе путь к отступлению, который проходит прямиком через этот огрызок пентхауса», — подумал констебль.

Он ткнул задницу Айвори носком ботинка.

— Оружие к бою, шеф. Пошло-поехало. На арене дракон.

Хук фыркнул.

«На арене дракон».

Восхождение по отелю в сравнении с путешествием по кругам ада оказалось не так уж богато на события. Карабкаться наверх для дракона пустяковое дело, ведь они традиционно предпочитали высоту. Да, в свои гнездовья они обычно взлетали, а не ползли. Однако огненный ящер, спаси-

бо стальным когтям, мог взобраться и на отвесную скалу, если придется. Так что с четырехэтажным новоорлеанским отелем не должно было возникнуть проблем — при условии, что никакой достаточно безбашенный кретин не встанет на пути.

На втором этаже царил полный хаос, кругом клубилась пыль и мерцали тлеющие угли. Система пожаротушения лениво прыскала водой, туда-сюда слонялись несколько бойцов, ошалевших от испарений. Бойцы были малость не в себе и не особо врубились, кто перед ними — ну, пока Верн превратил большинство в кучку горелых костей.

— Это что, горгулья ожила? — пробормотал себе под нос единственный выживший.

«Горгулья?!»

Уже второй, мать его, раз.

И Верн полез дальше, покрывая Пшика руганью, хотя мальчишка с тремя дымящимися обрубками пальцев нагло застрял в фазе быстрого сна.

— Гребаные фамильяры, — ворчал дракон. — Вот так откроешь сердце на пять сраных минут и опомниться не успеешь, как прожигаешь шахтный ствол в мафиозном отеле.

«Ага, и сам-то как будто не в восторге», — ожидался внутренний голосок.

Верн продвигался быстро, вонзая когти, вполне довольный ходом дела, при условии, что скалолазанием в таких количествах ему не доводилось заниматься уже десятилетиями.

«Завтра пожалею», — это он знал по опыту. Как забьешь на ягодицы, так после нагрузки они мигом попытаются отвалиться.

В какой-то момент подъем перестал быть не-примечательным, и момент этот случился, когда Верн мельком заметил на верхнем этаже Ридженса Хука.

— А вот и бонусные очки, — произнес дракон, уже до трясучки предвкушая, как проделает то, что задумал.

«Отрубаешь пальцы моему пацану, значит? Расчленяешь собутыльника? Ну сейчас посмотришь, что бывает, если потыкать палочкой дракона, Ридженс».

В пентхаусе Верна встретил шквал выстрелов. Пули отскакивали ото лба, но черт возьми, как же дико это раздражало — как будто кто-то плевался в него бумажными шариками.

Верн нахмурился, и не только потому, что был недоволен — так он опускал на глаза крепкую лобовую пластину.

«Ну разве можно быть таким талантливым?» — подумал дракон, выглядывая из-под защиты кости, чтобы понять, кто там, кроме Хука, разбазаривает боезапасы. Мелкий мудила в прикиде а-ля Тони Монтана орал что-то про его матушку и жопу, что считалось неподобающим из уст представителя любого биологического вида. Выглядел он уморительно, в черной рубашке и белом жилете.

Верн думал бросить фразочку, как Пачино в фильме — и уже было открыл рот, как заметил болтающегося чуть позади Хука.

— А вот ты где, ублюдина, — прорычал он, а стоило зажигать искру, потому что Хук вскинул что-то вроде мини-пушки и выстрелил.

Уклониться Верну не дали две вещи. Во-первых, он не то чтобы переживал, и во-вторых, пусть Верн и быстр, но развить сверхзвуковую скорость без разбега не мог, так что пятидесятый калибр его все равно бы достал.

Крупная пуля чиркнула по лбу, взрезав плоть и надколов кость, и Верна охватила такая боль, которую он не испытывал долгие, долгие годы.

Как только потекла кровь, Верна сгоряча охватил алый туман буйства. Дракон издал первобытный рев и обрушил в угол констебля широкий чтоб-все-сдохли шквал огня, каким-то образом умудрившись мимоходом выдать «иди на уй, Ук» прямо с открытым ртом, и вышло довольно-таки разборчиво.

Когда туман рассеялся, Верн окинул взглядом разрушения, которые учинил, и увидел, что это хорошо.

«Живым отсюда Хуку точно не выбраться, — подумал он. — Ублюдина, наверное, в крошечный алмазик прекратился, под таким-то жаром».

Мысль принесла удовольствие и даже немного успокоила его сердцебиение.

— Столько беспокойства — и все из-за какого-то пацана, — пожаловался Верн луне.

«Джубел бы жопу от хохота надорвал».

Осознание, что дракон поймал лицом снаряд ради человека, и правда заставило бы брата ржать до треска чешуи. Верн бы тоже посмеялся — в конце концов, это ж насколько надо отчаяться, чтобы вдруг перестало быть до самых серных глубин насрать на судьбу конкретного человека?

«Вот настолько отчаяться», — подумал Верн, в последний раз щурясь на обгоревший пентхаус — чисто на случай, если Хук, тот еще скользкий пациент, каким-то чудом умудрился вывернуться и уползти с порога смерти не в ту сторону. Затем он ощутил, как все здание вздохнуло, осело, и выбрался на крышу. Ночной воздух приятно охладил спину, и Верн расправил плечи, как вдруг заметил в небе «вертушку». Луч ее прожектора, взрезая тьму, приближался.

«Никогда еще не сжигал “вертушку”, — подумал Верн. — Может, будет забавно».

Тут в импровизированном коконе зашевелился Пшик, и дракон смекнул, что лучше, наверное, дать деру обратно в байу.

Верн похлопал себя по животу. Все эти вспышки стоили ему жировых запасов.

«Заскочу в “Жемчужину”, — решил он. — Умыкну пару-тройку галлонов масла, чисто на случай, если последствия этой херни меня таки догонят, и придется поддать огоньку разъяренной толпе».

Нынче о разъяренных толпах услышишь нечасто, однако они все еще набегают, все еще ждут, когда вспыхнет огненный крест, чтобы собраться

вокруг него, а в перерывах орут на беременных девочек-подростков по телику. Ничтожества зачастую преследовали своих же, что Верн находил уморительно смешным. Люди охотились на людей из-за цвета кожи или из-за того, к какой они гавани, так сказать, причаливали в шторм. В этом-то и заключалась проблема людей — их не вразумить. Был у Верна один товарищ, еще в средневековой Англии. Неплохой парень. Жил в местности под названием Фэтфилд. Курил до фига гашиша.

Так вот, товарищ этот неизменно придерживался точки зрения, что толпу можно увещевать: «Устраиваешь им показательное выступление, так они мигом раскидывают мозгой, что лучше б не соваться, и расходятся обратно по своим фермам».

Фэтфилдский дракон свято в это верил ровно до тех пор, пока отряд норманнов не нашпиговал его арбалетными болтами и не бросил на милость природы.

«Увещевать?»

Если Верн что-то и усвоил, так это то, что людей не вразумить.

«Ну и что ты тогда тут делаешь, дятел?» — поинтересовался внутренний голосок.

Достойного ответа у Верна не нашлось. «Я здесь потому, что так правильно» не очень походило на аргумент, но зато стояло максимально близко к правде.

Пшик — хороший парнишка, который изо всех сил старался выбраться из дерьямового положения,

так что если уж и выбирать сторону, то Верн пред-
почитал ту, где нет Ридженса Хука.

«И я только что обратил команду старины Рид-
женса в кучку пепла».

— Славно потрудился, — произнес Верн, а по-
том уложил Пшика на землю и встряхнул крылья-
ми, в дцатый раз думая, что надо бы погуглить,
как работают крылья, и узнать о себе что-нибудь
новое.

— Там что-то про подъемную силу и сопротив-
ление, — поделился он с бессознательным Пши-
ком, а потом схватил мальчишку за пояс и взмыл
в ночное небо над Новым Орлеаном.

— Прощай, констебль, — сказал дракон, мыс-
ленно вычеркивая пункт «убить Хука» из списка
дел. — Гори в аду.

Глава 17

В аду Хук не горел. По правде говоря, констебль оказался существенно живее, чем следовало ожидать. На чаде матушки Хук не было ни царапины, кроме пары-тройки ожогов на кончиках пальцев — малость не успел отдернуть руки от двери убежища.

Итак, что его спасло:

1. Стальная противопожарная дверь.
2. Кислородный баллон с удобной маской.
3. Долбонавт-босс мафиози, который повернулся спиной к тому, что считал меньшим злом.

«Сайонара, Айвори, — думал Хук, вдыхая сладкий кислород. — Ты сыграл свою роль, дружок. Ты сохранил мне жизнь».

И взамен, когда Верн обрушил на них бурю, Хук оставил этого босса с другой стороны убежища.

Айвори Конти наверняка был тем еще мелким пааноиком, потому как отгрохал себе мини-крепость, способную выдержать все, что только природа или преступный мир Нового Орлеана могли ей устроить. По всему выходило, что сама по себе комната была усовершенствованной версией банковского хранилища, которой по плечу как ураган, так и выстрел из гранатомета, и ни одна плитка не дрогнет. Хук видел подобные места в Ираке, но чтоб там были кондиционеры и мягкие ковры — никогда.

«Десять лямов, — прикинул констебль стоимость таких хором. — Влегкую».

И это еще не считая личный лифт.

«Малыш Айвори явно учитывал перспективу осады».

Помимо внушительной стены винтовок, Конти держал в убежище запас налички и свои записи, все на помеченных ярлыками компакт-дисках, что немного старомодно, хотя и очень удобно. Камеры наблюдения по всему зданию либо сдохли, либо выдавали дерганую картинку, но больше всего Хука интересовал простенький блокнот-молескин, на обложке которого белым корректором значились слова «Ручные легаши».

— Ну привет, будущее, — произнес Хук, убирая блокнот в карман.

Затем констебль набил пару спортивных сумок налом, набором автомобильных ключей, парой золотых слитков и кучей оружия, потому что такого добра для грязного копа никогда не бывает много.

Последним Хук реквизировал переносной зенитный ракетный комплекс, мимо которого чуть не прошел, потому что его наполовину скрыла груда картонных тубусов.

— А, мой русский друг, — произнес Хук, поглядывая находку, — сообща мы учиним великолепный разгром.

Смысл заключался в следующем: если пятидесятый калибр проделал в Верне дырку, то русский ПЗРК вырубит ящера уже навсегда. Хук закинул добычу на плечо, вызвал лифт и уже три минуты спустя вырвались из охраняемой подземной парковки на новеньком «хаммере».

«Марчелло» начинал потихоньку оседать, взвизгивая, постанывая, словно умирающий левиафан, и Хук понял, что явно недооценил Верна.

«Едва семь футов ростом и с брюхом, я-то думал, ну огнем пошвыряется, ничего такого. А этот малец, чтоб его, знает толк в вечеринках».

Знал толк и Риджес Хук.

«Мы как великие противники в истории, — подумал Хук, чувствуя прилив высокопарности. — Ахав и белый кит».

Верн в этом сценарии был, видимо, Моби Диком.

Хук похлопал сумку с артиллерией, пристегнутую к переднему сиденью.

— Ну что, мальчишки, — обратился он к оружию, — сдается, мы пропишем себе собственную концовку.

И раз уж Хук взял на себя роль капитана Ахава, теперь нужно найти себе команду.

Верн часто думал, что где-то среди его предков наверняка пробегал голубь: с таким чертовски крутым внутренним компасом, что он мог понять, что к чему, даже с закрытыми глазами. Хотя это скорее такой речевой оборот, нежели хвастовство, потому как его внутренние веки были прозрачным.

Сегодня, впрочем, компас кошмарно сбоил, и Верн поймал себя над Мексиканским заливом, а мыслями — и вовсе в тысяче миль оттуда, и это вместо того, чтобы сосредоточиться и мухой доставить Пшика домой. Такое часто случалось с ним после битвы. Однажды, где-то у Севильи, он столкнулся с этими мудаками из Испанской инквизиции. Обе стороны конфликта позволили себе грубые выражения, но скандал мог сойти на нет, если б один мученического вида хер в рясе из мешковины не обозвал Верна «выродком». Опомнился Верн, когда у него из шеи торчало шесть окровавленных распятий, а сам он уже приземлился в Исландии. Гребаной Исландии! Там же климат вообще не для дракона. И тем не менее, Верн малость потусовался у Голубой лагуны, пока его присутствие не начало влиять на местную экосистему, поднимая температуру воды и насыщенность минералами.

Сегодня он снова преисполнился этого чувства — боевой ярости. Добавить туда потерю жировых отложений, и что тут удивляться, почему голову повело.

«Надо влить масла, — сообразил Верн, — пока не рухнул на ходу».

И он, включив чувства обратно, позволил фирменному аромату реки Перл, смеси жира сковородок, разбавленного пива и хлорки для чистки туалетов, привести его обратно.

— Пит-стоп, малец, — пробормотал Верн, прижимая Пшика плотнее к животу, чтобы пацан погрелся о драконий генератор тепла, и добавил: — Пора подзаправиться.

Гриль-бар «Жемчужина» располагался вдали от дороги на Слайделл, на южной границе Пети-Бато. Парковка сияла огнями, словно диамант бейсбольной площадки — спасибо болотным хлопцам, которые упорно пытались друг друга отмудохать в любом темном углу. У фасада стояла пара дюжин бортовых грузовиков, из-за сетчатой двери доносились мощные аккорды.

В таком ошалевшем состоянии Верн вдруг понял, что ему не хватает общества. На краткий миг он даже подумал, может, завалиться на партейку в пул, все равно он уже наверняка по всему интернету висит. Может, сюда уже мчат Болотные Рейнджеры, чтобы накинуть на него какую-нибудь фиговину в духе утяжеленной сети.

А потом он опомнился и с блеском устоял перед соблазном присоединиться к рядам пьяного рода людского, вместо чего метнулся к черному ходу, перемахнув через спутанные заросли шиповника и до усрочки напугав дрыхнувшего журавля.

— Гребаный журавль, — буркнул Верн и, когда он замедлился, кровь, которую без его ведома задувало ему на голову, вдруг сменила направление и залила морду. Оказывается, он снова истекал кровью. Причем сильно.

«Хук, — вздохнул Верн. — Радует подарочком снова и снова».

По всему, дело было не только в боевом смятении.

«А ведь я серьезно ранен», — подумал дракон и тут же это почувствовал.

Он извернулся в воздухе и, неверно оценив высоту забора, зацепил его хвостом. И все бы ничего, но владелец совсем недавно провел к этому забору электричество, так что внезапный скачок сердцебиения заставил кровь хлынуть изо лба струйками в духе Тарантино и окончательно похерить Верну координацию. Когти свело судорогой, и Пшик кубарем рухнул во двор «Жемчужины», неловко, но по счастливой случайности приземлившись на кучу мешков с овсом, в то время как сам дракон башкой вперед угодил в пирамиду из бочек, разметав их аки кегли.

«Страйк, — подумал Верн. — В общем и целом, удачная миссия, лорд Хайфаэр».

И он присоединился к Пшику в царстве теней.

Пшик вынырнул из теней первым, в основном из-за разряда, который запустил ему организм до того, как Верн сбросил груз. Фактический дефибриллятор разогнал сердце и рассеял окутавший

мозги туман. К счастью, эта судьба миновала обезболивающий эффект, так что Пшик чутка полежал на животе, вдыхая запах овса и думая, что где-то неподалеку на сковородке должен быть завтрак, пока мир и все его тяготы постепенно просачивались под веки.

Пшик вспомнил констебля и его нож. Вспомнил эти сияющие серые глаза, в которых ничего не отражалось, потому что у Ридженса Хука не было души. Вспомнил холодильную камеру «Марчелло», и как представлял себя подвешенным среди туш. Мысль тревожила, и она расстроила бы юнца окончательно, если бы его не спас друг-дракон.

Был ли у него друг-дракон в настоящем, взправдашнем мире, или Верн — всего лишь фантазия?

Через несколько мгновений Пшик пришел к выводу, что у него был шеф-дракон с дружеским потенциалом. И Верн спас его от дальнейших мучений в Квартале, где эти самые дальнейшие мучения определенно стояли на повестке дня.

Что в свою очередь напомнило о поросятках, как их называла матушка во время его купания в синей пластиковой ванночке, каких-то двенадцать лет назад.

«Три моих поросятки на рынок ушли и больше никогда не вернутся», — подумал мальчишка. И он перевернулся на мешках, ведь ничто не приводит пацанов в движение так, как мысль поглядеть на собственные шрамы.

«Тот еще видок, наверное. Напрочьувечный».

От их явления во дворе сработал фонарь, и Пшик сразу понял, где находится, ведь годами надрывал тут спину.

Итак, разобравшись, куда приземлился, он все-таки нашел минутку поразглядывать свою левую ногу в свете галогенной лампы.

— Срань господня, — выдохнул Пшик. — Как гребаная ириска.

Что было правдой. Хирургические способности Верна не то чтобы включали в себя пластику, и ступня Пшика выглядела так, будто ее оперировала макака с паяльником.

— Клево, — произнес мальчишка. — Ничего не чувствую.

— Что ж, сынок. Сейчас мы это поправим.

Пшик поднял голову и увидел Боди Ирвина, который целился в его сторону из помпового ружья. Хозяин гриль-бара «Жемчужина» хмурился за внушительной серой бородой и щеголял футболькой тура 2004-го с легендарным «Американским идиотом».

Примерно так Пшик себя и почувствовал.

— Слезай оттуда, Пшик.

Боди передернул дробовик, чего мальчишка разумно опасался. Ваксмен говоривал, что там, где дело касалось «передергивания», оружие было сродни члену и вело себя соответственно. Пшик годами хохотал над этой шуткой, не понимая смысла.

Теперь понял.

«Ага, дошло, — подумал он. — Если Боди продолжит в том же духе, ствол наверняка выстрелит».

— Мистер Ирвин, вы не так поняли, — произнес Пшик, указывая на свою ногу. — Вы же меня знаете. Я ни за что не стану у вас красть. Смотрите вот, покалечился.

Боди глянул на изуродованную ступню, но выражение его лица ни на йоту не смягчилось.

— Ага. Вижу, куда-то девать пальцы вошло в привычку, Пшик?

— Ну бросьте, Боди. Это ведь ненормально. Что меня аж сюда наверх занесло.

— А мне кажется, вполне, — заметил Боди. — Какой-то пацан полез к моему электрическому забору. Сдается, ты собрался перейти к хищению в крупных размерах.

— Да неправда, — возразил Пшик. — Мы врезались, вот, думаю, в чем дело.

Боди нахмурился, отчего борода, скрывающая большую часть его лица, заломилась.

— Мы врезались? Какие еще, к черту, мы?

Теперь уже нахмурился Пшик. Объяснить это «мы» так, чтобы никого не подстрелили и не поджарили, было сложно, однако он разглядел торчащий из-за бочек хвост Верна, и этот хвост не двигался.

— Ладно, мистер Ирвин. Я расскажу вам правду, но только перестаньте размахивать дробовиком. Если он шмальнет и угодит в Верна, он не оценит.

Боди, видимо, наконец-то почуял, что дела творятся действительно странные, и все-таки опустил дробовик. Градусов на тридцать.

— У тебя десять секунд, Пшик, плюс-минус. Десять секунд на объяснить, кто, черт возьми, такой этот Верн, и убедить меня не вызывать констебля.

Шесть из них Пшик пустил на продумывание различных вариантов и потенциальный исход каждого. В большинстве Боди умирал. В одном — сведенными последней судорогой пальцем успевал спустить курок и застрелить Пшика, так что прежде чем дедлайн в десять секунд истек, мальчишка выпалил:

— Если таки позвоните Хуку, гарантирую, констебль не ответит.

Мысль о том, что Риджэнс Хук каким-то образом ограничен в дееспособности, чрезвычайно обрадовала хозяина бара.

— Я слушаю, — произнес он.

Верн медленно пришел в себя, и первой его мыслью было:

«Ох ты ж, что-то раскатало».

Он оказался прав. Что-то действительно раскатало — и, в данном случае, метафорой тут и не пахло.

Дракон открыл глаза и понял, что лежит на чем-то, что изначально принял за облако, такое мягкое и уютное. И в этом состоянии высшей расслабленности, которое пришло после уронившего его

в беспамятство удара током, он, разумеется, размазался настолько, что выпустил хозяйство пропасть. Что хорошо дома, в байу, где никто не смотрит — ну, может, кроме рисковой белки, — но на чем бы он ни лежал сейчас, в хижине оно явно не находилось.

— Раскатало, — пробормотал Верн. — Прям укатились.

Он раскрыл обе пары век, подождал, пока зрачки привыкнут к освещению, и увидел знакомые потолочные балки собственной хижины, что стало облегчением. Но еще он заметил, что над ним нависают двое людей, и ни один не Пшик, что стало противоположностью облегчения.

«Ведем себя как обычно, Хайфаэр», — сказал себе Верн.

— На чем я, черт подери, лежу? — спросил он вслух. — Удобная херня, капец прям.

Один человек взвизгнул — бородатый мужик в футболке с «Грин Дэй».

А вот женщина удержала себя в руках и ответила:

— Это пена с эффектом памяти, мистер Верн. И, наверное, нам стоит прикрыть вас полотенчиком, приличия ради.

Верн глянул вниз.

— Не надо, мисс. Тут я сам справлюсь в два раза быстрей, — и он действительно втянул причиндалы обратно в защитный карман.

Мужик, который, как Верн заметил, держал под мышкой дробовик, оклемался достаточно, чтобы присвистнуть.

— Прости за вопль. Пшик упоминал, что вы разговариваете, но, думаю, я просто не ожидал услышать местный акцент.

— А я как губка, — пояснил Верн. — Где кости кинул, так и говорю.

— Угу, — кивнул мужик и добавил: — Ловкий трюк со спецхозяйством. В барной драке — бесценно.

— И не говори, — согласился Верн. — Никому не охота получить по шарам бутылочкой светлого «Бада», верно, друг?

Друг опять кивнул и угукнул. Если что-то и объединяло виды, так это боль в причиндалах и желание ее избежать.

— Пена с эффектом памяти, — произнес Верн, потыкав поверхность постели костяшкой. — Чтоб меня черти драли. Видел рекламу, но даже представить не мог. Она ж как сахарная вата.

— Огонь штука, — подал голос мужик с «Грин Дэй». — Чики ее обожают. У меня точно такая же, и она повидала больше движа, чем Ричард Гир в лучшие дни, без шуток.

— Чики? — переспросила женщина, и теперь Верн видел в ее глазах то же выражение, что и у Пшика. А еще у них была почти одинаковая стрижка, по всему, самопальная, но женщине это шло, насколько волосы вообще могут идти. — У тебя не было чики с тех самых пор, как Клинтон выехал с Пенсильвания-авеню.

— Ауч, — хмыкнул Верн. — Тебя спалили, Грин Дэй.

А дальше избегать слона в хижине, который вообще-то был драконом, ну, или парой людей, в зависимости от точки зрения, уже было невозможно.

С инициативой выступила матушка Пшика:

— Мистер Верн, первым делом, хотела бы вас поблагодарить за то, что вы сделали для моего Эверетта. Спасли ему жизнь и все такое. И дали работу, должна заметить.

Верн не сразу сообразил, что Эверетт — это настоящее имя Пшика.

— Он — хороший мальчишка, — произнес дракон, каким-то чудом вспомнив о манерах. — Стоит спасения.

— Может, он уже вам говорил, что я Элоди Морро? Я и подлатала вашу рану. Честно говоря, вам еще нужно переливание, хоть я и ума не приложу, где искать донора.

Верн коснулся лба и обнаружил перевязку.

— Благодарю, мисс Элоди. Думаю, мы в расчете. И не отчитывайте мальчишку, что держал меня в тайне. Таково условие его работы.

— Я понимаю, мистер Верн. Разумеется, ведь вы — это вы, со всей драконистостью и прочим. Но у Пшика не было выбора, кроме как обратиться к нам, ведь он полагал, что вы, возможно, умираете. Пшик сказал, что несомненно предпочтет видеть вас живым и сердитым, чем мертвым и умиротворенным, а сердитый вы ходите и так почти все время.

Замечание вышло справедливым. Верн, безусловно, признавал, что значительную долю сознательной жизни проводил в раздражении. Большую часть жизни во сне — тоже.

— А это — Боди Ирвин, — продолжила Элоди. — Он заправляет гриль-баром «Жемчужина», где у вас случилась аварийная посадка. Мы спустились вниз по реке в его лодке. И он пожертвовал постель и припасы.

Верн поерзal на пене.

— Премного благодарен, мистер Ирвин. Неплохой способ восстановиться.

— Прошу, зовите меня Боди, — произнес хозяин бара. — А еще юный Пшик заверил, что вы воздержитесь и не станете нас сжигать.

Верн не мог сказать, что такая мысль ему не приходила, но что он тогда будет за пациент, и так далее.

— Можешь спать спокойно, Боди. Доживешь до премьеры «Американского идиота» на Бродвее.

Ирвин горько рассмеялся.

— Идиотов нам хватает и тут, мистер Верн.

Верн вдруг понял, что эти люди, несмотря на обстоятельства, держатся довольно спокойно. Люди, которым он попадался на глаза, как правило, впадали в тотальную истерику. Старина Боди разок взвизгнул — вот, пожалуй, и все. Элоди и вовсе казалась абсолютно расслабленной.

— Вы, народ, однозначно пофигисты, — заключил Верн. — Надолго меня вырубило?

— Три дня, — ответила Элоди. — Мы дежурили над вами по очереди. Мне в больнице дали отгул.

— Три дня, — повторил Верн. — Да я в жизни не лежал в отключке три дня.

— Я повесил вашу кожу у себя в шкафу, — встярал Боди с исключительно бессмысленной фразой.

Верн медленно сел.

— Ты повесил мою что у себя где?!

Элоди вручила дракону непроливайку с водой.

— Вы сбросили кожу прямо у «Жемчужины», мистер Верн, как скорлупку сняли буквально. Мы не знали, нужна она вам или нет — для церемонии какой, мало ли? Так что повесили ее в шкаф. На шикарные деревянные плечики, чтобы ничего не попортилось. Она цельная, более-менее.

Верн сделал большой глоток. До линьки, по-хорошему, была еще пара лет, но стресс иногда вызывал ее не по графику. Ну, с другой стороны, весь процесс Верн проспал и замечательно, обычно во время линьки он чесался как тварь. По правде говоря, сброшенная кожа впервые осталась нетронутой. Как правило, Верн расчесывал ее на лоскуты.

— Не, никаких церемоний. Но верните все равно, мой девиз, по очевидным причинам, «не оставляй следов».

Боди поскреб бороду и присвистнул.

— Не знаю, мистер Верн. Вы конкретно так наследили в Новом Орлеане, пока охотились за Ридженсом. Не то чтобы тут кто-то обожал констебля Хука. Он как попал сюда, так принялся вымогать

у меня плату за крышу. Сжег Джиму Путеру барбекю-кафе, когда тот отказался выкладывать денежки. Ходят слухи, что он заставлял людей бесследно исчезать.

— Ну, Боди, — не удержался от хвастовства Верн, — теперь на этом фронте можно спать спокойно.

— И все-таки нет, — сказал Ирвин. — Тело-то не опознали.

— Думаю, можно смело сказать, что ему кранты, — не согласился Верн. — В Биг-Изи все пошло не по плану, не для нашего дружочка Ридженса.

— Это мы видели по телику, — кивнул Боди. — Вы подняли на той стороне моста ту еще огненную бурю. Там теперь окопался целый военный спецотряд из Вашингтона, изучают камни лазерами, рыщут в поисках вашего зада, но в нашу сторону не рыпаются. По крайней мере, пока.

Верн попытался высосать остатки воды через соломинку. Получил кучу пузырьков, но не заветную аш-два-о.

Элоди мягко выровняла непроливайку в его руках.

— Не нужно наклонять, мистер Верн. Соломинка доходит до самого дна.

Верн сделал как сказано и вылакал всю воду до последней капли.

— Пена с эффектом памяти и непроливайки, — пробормотал он. — Что за день.

— Весьма, для всех нас, — добавил Боди Ирвин.

— Поверьте мне на слово, мисс Моро, насчет Ридженса Хука можно не переживать. Он больше не будет вам докучать.

— Господи прости за такие слова, но мир перед вами в долг, мистер Верн, — отозвалась Элоди, обхватив себя руками. — Этот Хук, он же свихнутый.

Верн усмехнулся.

— Свихнутый как надо. На мелкие кусочки.

Тут засмеялись уже все. Хотя Элоди, может, ощущала укол вины. Крошечный.

— А где мальчишка? — спросил Верн. — Где Пшик?

— Отправился в бар, — ответила Элоди, — захватить вашу кожу и пару бочек масла. Сказал, что они вас малость взбодрят.

Верн опустил ноги с постели.

— Это они точно могут. В таком состоянии я б никого не спас. Черт, да я и курицу б не поджарил.

Дракон встал, и пол под его ногами закачался. Хотя, на самом деле, закачался только сам Верн.

— Я еще не до конца оправился, — сказал он, опустив ладонь на плечо Боди. — Пригодится помощь. Готов, Грин Дэй?

— Ну, — отозвался Боди, — думаю, убивать вы меня не собираетесь, м-м?

И Верн сказал то, чего раньше и близко не говорил:

— Любой друг Пшика — и мой, наверное.

Йон Колфер

Дракон моргнул, удивленный, что такие слова — откровенно учтивые — сорвались с его собственного языка.

«Что за хренъ я несу? Люди вообще-то всю мою расу прикончили. Плюс-минус».

И потом подумал еще:

«Давно. Давным-давно».

И еще:

«И не эти люди».

Глава 18

Ридженс Хук никогда не тратил время зря. То, что говорил его папаша, мол, праздными руками пользуется дьявол, было правдой, но Хук прикинул, что рабочими руками ему пользоваться так-то сподручнее. Поэтому там, где другие прятались бы под одеялкой в ожидании, когда нацбезопасность или федералы пройдут по кровавому следу от краха «Марчелло» до «Делюкс Инн» в Слайделле, констебль Хук сел на телефон и переосмыслил стратегию визави с Верном, драконом Боар-Айленда, который уже наверняка вернулся к себе в нору дальше просирать бессмертие.

Во-первых, Ридженс уже не верил, что силу Верна возможно обуздить, хоть идея и порядком соблазняла. Отсюда выходило, что дракона придется устраниć, что, в свою очередь, задачка не из легких, но для них обоих в этом мире слишком

тесно. Вдобавок, Верн ранен и, что более важно, его можно ранить куда серьезнее. Дракон и его ручной пацан, без сомнений, вовсю празднуют гибель Ридженса Хука, так что явление констебля станет для них полнейшей неожиданностью. Да, с каждым часом Верн все больше исцеляется, что сводит на нет преимущество, но, тем не менее, лучше на пару дней залечь на дно, дождаться, не ворошить угли, пока не затухнут, составить план и стянуть силы.

«Да просто свали уже, кретин! — вклинился внутренний голосок. — У тебя мешок бабла и куча трофеев, драпай на южную сторону границы, найди себе тихуанскую розу».

Но Хук отказался слушать зов разума.

«Меня зовут Ридженс. Я — король, и я заполучу свое королевство».

Второй такой возможности уже не выпадет. В Ираке он видел, как люди хватали бога за бороду. Нужно быть готовым и, как только образуется вакуум, в него заступить. Во Французском квартале определенно образовался оный, а природа не выносит пустот.

«Ридженс Хук — вот, кто заткнет эту дыру, — подумал констебль, — но еще рано. Сперва я должен избавиться от одной чешуйчатой помехи моему восхождению».

И он безо всяких задних мыслей вознамерился стать причиной вымирания древнего вида. По правде говоря, у Хука даже имелся опыт в этой сфере; он выследил и убил последнего каспийско-

го тигра, которого видели в Ираке, просто потому, что тот случайно забрел под прицел во время засады в пустыне.

Воспоминание вызвало у констебля улыбку. Видок у того тигра был столь же самодовольный, что и у Верна.

«Думаешь, ты на вершине пищевой цепи, м-да, дружок? Ну, обкашляешь этот вопросик с тигром, как пересечетесь».

Хук переждал несколько дней, краем глаза посматривая канал «Фокс 8» и работая с предоплаченного телефона, который приобрел через сеть товаров «Радио Шэк». Якобы бомбардировка отеля «Марчелло» два дня подряд оставалась главной новостью, потом рухнула во второй блок, зато зашкаливали просмотры на куче видео с Верном в Ютубе и Инстаграме, где они так и будут светиться на главной странице годами. Объяснения колебались от «огромного пса» и «пиар-хода» до «полнейшей липы», и только типичные любители теорий заговора действительно упоминали слово «дракон». Те, кто верил в такие штуки — поверил. Те, кто не верил — не поверил. Так что, по большому счету, жизнь шла своим чередом, хотя кратер «Марчелло» стал для поклонников ВК чем-то вроде храма.

И на все перечисленное Хуку было, в общем-то, глубоко насрать. Все, к чему констебль прислуши-

вался, — это его собственное имя и не просочится ли оно в риторику.

Не просочилось. Никто даже не тявкнул, мол, некий констебль Риджэнс Хук.

Зато хватало болтовни об Айвори Конти и его месте в криминальном мире. О простом констебле из Пети-Бато — ни слова. Да и с чего бы? На его посту считали, что Риджэнс Хук в отпуске и не при делах. Плюс, за что Хук был благодарен Верну, так это за отсутствие выживших. Всех, кто в «Марчелло» мог иметь дело с констеблем Хуком, дракон, судя по всему, закоксовал.

Хук вдруг сообразил, что он свободен и чист, но это легко может измениться.

Свободен и чист — до тех пор, пока не высовывается. Вообще. А кому, на хрен, надо так жить?

«Если ад есть, и я туда в любом случае попаду, то почему бы не заработать билет».

А если ада нет, значит, билет окажется счастливым.

На третий день Хук вышел из мотеля.

«Третий день, — подумал он, — как Иисус из той пещеры, а, папка?»

Мотель был не так уж плох, на фоне остальных, но Хук запланировал себе будущее покрасивее. И больше никаких начлежек вдоль магистралей.

«Хочу жить там, где к “Чик-Фик-Эй” не вечно пехать. И к “Макдоналдсу”, если уж на то пошло».

Он не собирался увешиваться цацками а-ля Айвори и прочие псевдогангстеры, которые ему попадались.

— Но выходить на сраную парковку я точно больше не буду, — сообщил он этой самой парковке.

Темное дерево. Много темного дерева, наполированного до блеска. И мягкое кресло, из тех, что идет с ножной скамеечкой. Кофе-машина, встроенная во что-нибудь, чтобы с места не двигалась.

Хук поржал вслух над собой и своими фантазиями.

«В том мире, сынок, ты дубина. Нет, ты должен сойтись с кем-нибудь шикарным».

С кем-нибудь вроде Элоди Моро, о которой он грезил до недавнего времени, но с тех пор, как ее пацан вступил в ряды его пленников и выжил, на счастливую концовку с ней, пришлось признать, рассчитывать особо не приходилось.

«И все-таки, — подумал Хук, — есть много способов захомутать кобылку».

И под кобылкой он имел в виду каджунку.

И ее сына.

И дракона.

Короче, трех кобылок.

Хук прибыл в закусочную «Сибрук» примерно за сорок минут до полуденного randevu и заказал внушительный рибай со всем причитающимся. Стейк принесли на эмалированном подносе с картофелем фри, пюре, крекерами, соусом и, почему-то, капустными чипсами. Далее Хук заполировал двумя бокалами пива и куском лимонного пирога,

утопавшего во взбитых сливках. Снова поесть по воле, так сказать, было приятно, так что констебль насладился каждым ломтиком.

Он мельком рассмотрел вариант заплатить за заказ, но решил, что так создаст неверное впечатление, поэтому ограничился чаевыми официантке и добродушным советом ей же, что долю можно и увеличить, если кривые передние зубы выровнять.

Забегаловка была оформлена а-ля винтажный трейлер, как и большинство подобных мест в окрестностях. Может, владельцы думали, что из-за красных виниловых диванчиков и прикрученных к столам стендов с меню народ можно развести, мол, они попали в эпизод «Счастливых дней» или еще какого дерьма.

Когда девчонка удалилась, плотно сжимая губки, Хук расчехлил блокнот Айвори и собственную карту. Пора за дело.

Он знал, что через окно забегаловки за ним наблюдают — разумеется, наблюдают. Меньшего он и не ждал. На него, несомненно, уже нацелили ствол, может, два, но это ничего. До стрельбы не дойдет, только если они не откровенные кретины. Или сосунки. А эти люди все-таки ни те, ни другие.

«Они могут быть психами», — вдруг пришла мысль.

Психов Хук не учел.

Но в этом и заключалась особенность — их не вычислишь. Однажды, Хук ехал на пассажирском после вооруженного налета на авиабазу южнее

Басры, и полковнику Фараиджи пришлось перерезать глотку собственному водителю — в процессе у того сдали нервы, и он грозился открыть стрельбу.

Позже полковник пояснил:

«Работать с нестабильными людьми, друг мой, все равно что строить дом на песке». Обычно Хук жалел, что полковник не может не говорить загадками, но изящный образ оценил.

«Неужто я построил свой дом на песке?» — задался констебль вопросом.

Если да, то уже поздно что-то менять. Смертельную пулю он даже услышать не успеет.

Хук потянул за рукав, являя часы — поддельный «Ролекс», который прикупил на базаре или типа того. Шли отлично, хотя искупались в байу. Констебль поднял запястье и постучал по циферблату — для тех, кто наблюдал за ним из лесополосы на другой стороне магистрали.

«Часики тикают, дамы и господа. У всех нас еще есть дела».

Пять минут спустя в закусочной высадился отряд из трех эффектных личностей. Когда они вошли, Хук присмотрелся и по их поведению понял, что с выбором не прогадал.

Они первым делом проверили выходы и углы обзора. Профи, все до единого — настоящая ударная группа.

«Ну что, Верн, прости-прощай, дружок. Если я смог продырявить тебе шкуру хоть раз, эти ребятки тебя нафаршируют по полной».

Из внушительного списка продажных копов Айвори Хук выбрал трех «Ручных легашей», всех с военной подготовкой. О двоих он уже слышал. Бывший морпех, снайпер Цзин Цзян, четыре фута одиннадцать дюймов лазерной точности, однажды, если верить казарменным легендам, всадила девятимиллиметровую пулю в глаз трефового валета через окно движущегося транспорта. Это была специальность комендор-сержанта Цзин Цзян — подвижные цели. О Цзин Цзян ходили безумные слухи: что ее папаша был ниндзя, что дуло ее оружия выковано из самурайского меча ее предков, и прочее стереотипное дерньмо. Единственное, в чем ее нынешний отряд воздушной поддержки сходился во мнении, так это то, что когда они спускали офицера Цзин Цзян с вертолета на подвеске, она почти не промахивалась.

Хук едва ли не разочаровался в ней: представить только, из приставленного к наградам снайпера в наемники у Айвори. Таким переключением передач не стали бы гордиться ничьи предки.

«Я стану ее искуплением», — подумал Хук, и мысль вызвала улыбку. Как окровавленная конечность вызывает улыбку акулы.

Далее в списке — капрал Джузелл Харди, родом из южного Детройта. Кулачный боец — вот, что о ней слышал Хук; видимо, она дополняла армейское жалование подпольными боями за пределами базы. Когда она слишком сильно насовала кое-кому в башку во время службы на юге Дохи, ей пришлось по-тихому уйти в отставку, так как боль-

шинство людей даже не подозревало, что у Штатов есть база в Катаре. Тому пацану едва стукнуло двадцать пять, а он уже был крупнее, чем три «Рядовых Джо» вместе взятых, с кулаками-кувалдами и лбом, похожим на ковш снегоуборщика. Теперь Джузелл числилась патрульным офицером, маршировала по Французскому кварталу вместе с полицией Нового Орлеана и ломала кости для Айвори на стороне. Что касается внешности, Джузелл напоминала гризли с уставной стрижкой и во влагоотводящем спортивняке.

«А эта девчонка явно ломанется с драконом врукопашную, если подберется поближе, — подумал Хук. — А она может».

И, наконец, моряк — лейтенант Береговой охраны США в секторе Нового Орлеана, уроженец штата Орегон, который вырос на водопаде Селестиал и гонял по нему, пока аттракцион для байдарочников не прикрыли. Какой-то кретин из Нью-Йорка запутался в спасательном жилете и удавился насмерть, пытаясь транслировать спуск в прямом эфире, так что Дюшайн Адебайо зашел с другой стороны, поступил на флот — что Хук мог оценить, — и нашел отличное применение навигационным талантам на шлюпке Пятого флота в Персидском заливе. Ходили слухи, что Дюшайн не просто охранял морские границы, но в свободное время во мраке ночи пробирался на сушу за поставками опиума и местной девчачины для развлечухи раскисших морских волков. Теперь Дюшайн смотрел сквозь пальцы на дела Айвори

в другом заливе, правда, это «теперь» подошло к концу. Отныне лейтенант остался не у дел и на законном окладе, а прожить на то, что отслюнявила СБО, могли немногие.

«Этот тип изголодался по сверхурочной работе, — подумал Хук, — а у меня как раз открылась вакансия».

Итак, состав был следующим:

— офицер Цзин Цзян, вся в шмотье из каталога «Джей Крю», выглядит на двадцать два, хотя Хук знал, что ей сорок;

— патрульный офицер Джузелл Харди, младшенькая, вся в спортивном, а-ля сестра Ивана Драго;

— и лейтенант Адебайо, с камуфляжной жилеткой, бейсболкой орегонских «Бобров» и миной настолько кислой, что молоко свернется.

«Ничего-ничего, — подумал Хук. — Я мигом подбодрю эту компашку».

Он ждал, что компашка будет играть в молчанку — на случай прослушки, — хотя Харди в силу возраста, вероятно, могла бы малость раскрыть рот. Однако не сдержалась Цзин Цзян.

— Какого хера тут происходит, Хук? — вопро-сила снайперша, усаживаясь напротив. — Что за мутные послания? Созыв? Какой, мать его, созыв? Ты что, военачальник-самурай до фига? Надо было прихлопнуть тебя еще с парковки. Епт, к обеду была б уже в Новом Орлеане, с муфулеттой в зубах.

«Снайпер — и чтоб горячая голова? — подумал Хук. — Странно».

— Не знаю, не знаю, — сказал он вслух. — В это время на мосту не протолкнуться. Можно и застreyть.

Смешок Джузелл Харди походил на скрежет бревна в дробилке.

— Хук прав, пробки на мосту — та еще мразота.

«Молодежь», — подумал Хук, проникаясь к Харди симпатией.

Дюшайн Адебайо сел — человек с напряженным взглядом, острым лицом, седыми завитками в козлиной бородке и блестящим от пота высоким лбом. Дышлоротый, судя по звукам, что стало бы камнем преткновения, если б Хук планировал поделиться с ним снайперской шкуркой, но для работы на воде — не проблема.

— Это все херня, — заключил Дюшайн. — Ты нас тут пообтрясти решил, констебль?

Слово «констебль» он вбросил намеренно — дать Хуку понять, что его опознали.

— Нет, лейтенант, никто никого не обтрясывает, — отозвался Хук ровным тоном. — Тут у нас испытание огнем с последующим деловым предложением.

Что-то под столом вдруг уперлось ему в пах. Глушитель, сообразил констебль. Видимо, Цзин Цзян была не в настроении для преамбул.

Стараясь не думать о пуле в шести дюймах от его бубенцов, Хук перешел к сути:

— Ладно, народ, расклад такой. Айвори больше нет. Мы выходим на замену и для начала возим из Мексики черную смолу. Потом рвем связи

с Южной Америкой и переключаемся на оружие исключительно. Срезаем магистрали, используя реку Перл. Все просто. Распределяем между собой командование Ручными Легашами, как нас называл Айвори, и по-военному четко руководим всей операцией. Здесь, в записях Айвори, почти сотня имен. Я выбрал вас троих потому, что вы все немало нюхнули пороху. Все, что нам надо — это делать то, что и раньше, но больше. Никто же тут не считает, что Айвори из офицерского теста, верно? Все, что у него было — это наследство. Мелкий хрен вливал бабло в дело и в ноль-то со скрипом выходил. Мы за шесть месяцев можем стать миллионерами. За десять лет — миллиардерами.

«Миллиардерами» — вот главное слово. Слово, которое имело вес. Глушитель, давящий на бубенцы, малость сдвинулся.

Первой заговорила Джузелл Харди.

— Миллиардерами, хм? Спорим, подсчеты-то ты не делал, Хук. Спорим, это все агитка.

— Может, — не стал спорить Хук, — приблизительно. И я могу вручить по сотне штук налом прямо сейчас, за сегодняшние труды.

Он выложил на стол три конверта, не спеша, нарочито медленно.

— Сотня тысяч. Каждому, — уточнил констебль, похлопав конверты по очереди. — За двадцать четыре часа. После вы свободны, больше не побеспокою, но, возможно, вам нравится, как звучит перспектива стать миллиардером?

Харди хмыкнула.

— Даже печать констебля на конверты шлепнул. Симпатично.

— Чтобы не забыли, откуда они.

— А может, ты просто лживый хер, Хук, — Адебайо выдавил улыбку и стал как будто другим человеком. — Но сто кусков мне определенно нравятся. — Лоцман спрятал долю в карман. — Теперь расскажи-ка про это испытание огнем.

Пшик вернулся к складу гриль-бара.

«Все то же, все те же», — подумал он.

Кроме одного момента: на этот раз у него был ключ. Вернее, не просто ключ. Брелок.

Может, для остального мира, где у людей есть электрические ворота и автомобили-гибриды, брелоки — обыденная штука, но Пшик от души развлекался и клацал его до посинения, потому как держал в руках впервые в жизни.

— Брелок, — произнес он, улыбаясь как дебил. — Брелок. Заимел себе брелок.

Пшик понимал, что это глупо — пинать балду с электроникой, пока шеф чахнет в хижине, но большая часть пятнадцатилетнего Пшика оставалась на отметке девяти, а кнопки на пластиковой капле так нереально приятно жмякать — особенно, когда при этом еще и мигает огонек.

— Вот так-то, Чарльз-младший, — заявил он своему другу, которого даже в окрестностях не было, — ты и дальше играйся со своим хозяйством. А я завел себе многофункциональный брелок.

Потом Пшик побаловал себя тридцатисекундным приступом хохота, а после энергично взялся за дело. В конце концов, ему нужно было загрузить катер Боди Ирвина, разгрузить его у хижины, вернуться обратно и все это до зари.

«И без того многовато людей для Верна, — подумал Пшик. — Не хочу, чтобы кто-нибудь пристал с вопросами, почему это Боди позволяет мне таскать запасы на болото».

Пшик определенно надеялся, что, пока он занят, Верн не очнется. Вряд ли дракон придет в восторг, увидев в своей хижине незнакомых людей.

«Ну, по крайней мере, он не в состоянии сжечь мою маму, — подумал Пшик. — Тут я уверен».

Он был уверен в состоянии Верна как ни в чем другом, иначе ни за что не оставил бы матушку за главную вверх по реке.

«Начальник сейчас в том пограничном месте, о котором говорил, так что надо влить в него горючего, пока он не ушел на другую сторону».

Верн потратил столько жиров, что тело отключилось прямо посреди полета. Так что в ближайшее время никаких залпов — не раньше, чем вылакает пару бочек.

И вот Пшик оказался на складе, но с еще одним отличием, вторым, а именно — в этот раз он был в драконьей шкуре. Нацепил башку прямо себе на голову, как чешуйчатую маску Бэтмена, завязал руки на поясе, а остальное болталось сзади, как шлейф невесты.

«Для драконов такое, небось, оскорбление, — подумал Пшик. — Что, если я просто ничего не расскажу Верну?»

И все же он быстренько щелкнул сэлфи — чисто на случай, если когда-нибудь понадобится утереть нос Чарльзу-младшему.

У гриль-бара была собственная пристань для местных, которые обходили законы о вождении в нетрезвом виде и заплывали за пивком. Некоторые, тем не менее, так надирались, что не могли удержать лодку меж двух берегов и проводили ночь в своих лодках, привязанных к причалу, что объясняло такие тучи пьяных москитов. Боди Ирвин даже пошел дальше и заботился о завсегдатаях, запуская по ближайшим заводям алколодку.

«Три за, — все время повторял Боди, — заводь, застрявший, запивший: подбираешь таких и доставляешь к моему порогу. Пора и тебе, наверное, отработать смену на алколодке».

По всему, Пшику светила перспектива еще одной работы, если Верн когда-нибудь даст прдохнуть. Но сначала — главное, а именно вернуть шефа номер один в привычное сварливое состояние.

Пшик с брелоком прошел через задние ворота на пристань. На воде болталось единственное судно — алюминиевый плоскодонный катер Боди, с логотипом гриль-бара по обеим сторонам в диалоговых пузырях, выходящих из пасти авторского видения Чудовища Хани-Айленда в манга-стиле, которое, Пшик знал, выбесило бы Верна до чертиков.

«Так, все чисто, — заключил Пшик. — Ну что, по коням и вперед. Вернее, в моем случае — вперед и по драконям».

Мальчик снова рассмеялся, считая, что он все-таки куда смешнее, чем полагает Верн. Иногда шутки приходили ему на ум так быстро, что Джимми Киммел бы усился, но Верн только закатывал эти свои глаза с узкими зрачками, аж до самого мозга, и говорил что-то вроде: «Епт, пацан, я плачу тебе не за то, чтобы ты трепался, как в голову раненный. Тебе что, заняться нечем?».

Фонари погасли. Пшик помахал руками датчикам движения.

«Меньше думай, больше делай», — решил он.

Он справился, наверное, за полчаса — закатил полдюжины бочек по одной на тележку, докатил каждую до причала, выгрузил. Делу отнюдь не помогало то, что теперь ему не хватало уже четырех пальцев, и три обрубка ныли, хотя матушка набила носок его «конверса» ватой. Еще не помогало то, что тележка в последний раз видела струйку масла еще до Пшикова рождения, а причал был построен еще, наверное, во времена Гражданской войны, и с тех пор лишился кучи планок. Тем не менее, Пшик выстоял, потому что он — единственный в мире исполнительный помощник дракона, а за эту должность он намеревался цепляться всеми конечностями. Он, помучавшись, перетащил бочки на борт, и алколодка малость просела.

«Уйма пространства, — подумал Пшик. — Детка с легкостью примет еще пару и без проблем доплынет до Боар-Айленда».

Но часики тикали, и новую ходку вполне можно было сделать и на следующий день. Лучше отправляться. Мальчишка клацнул кнопку брелока, включая электрический забор, а потом стартовал с причала гриль-бара на низких оборотах, чтобы если кто и расслышал двигатель, то не понял, откуда лодка отчалила.

«Если за мной не следят через какую-нибудь оптику с ночным видением», — подумал Пшик и рискнул повернуть регулятор еще процентов на десять.

Хук и его новоиспеченные наркобароны, за вычетом Цзин Цзян, грузили снаряжение в надувную лодку Уилларда Карнахана у пристани Пети-Бато примерно в трех сотнях ярдов от гриль-бара, где Пшик разминал о брелок большой палец.

— Отменная, мать ее, лодка, брат, — заметил Дюшайн Адебайо, ладонью проверяя надувной баллон, бегущий вдоль планширя. — Сама стабильность. Славные размеры. Где отхватил такую детку, Хук?

Констебль вспомнил, как Карнахан пошел на корм болотным рыбам и как из мрака вынырнула огромная черепаха.

— Подарок, — ответил он.

— Ага, конечно, — отозвался Дюшайн, забрасывая свою снарягу в лодку. — Уверен, подарков ты получаешь много, а, Ридженс?

По правде говоря, Хук предпочел бы собственный катер, который казался куда существеннее, чем эта хваленая динги, но лейтенант весь разулыбался и раскивался, а в этом он знал толк. А еще катер остался похоронен в болотной грязи в двадцати футах от Хани-Айленда, и потому выбора у Хука особо-то и не было.

— Делай, что считаешь нужным, лейт, — отозвался он. — Как только явится Цзин Цзян, выступаем.

Констебль искренне надеялся, что Цзин Цзян сможет привести «вертушку», но снайперша высмеяла и его намек, и предложенный пятидесятый калибр, предпочитая забрать собственную винтовку из нештатных запасов.

«Заскочу кое-куда кое за чем, тогда сделаю дыру в новоорлеанском чудовище за тысячу ярдов от него», — прокомментировала она.

Хук в полной мере осознавал, что в рассказ о драконе команда не поверила. Все они видели съемку и слышали, что толковали в Квартале, но чтобы поверить в такого, как Верн, его нужно увидеть во плоти. Если вывернуть ситуацию так, что это самому Хуку втирали про драконов, он бы тоже прибрал к рукам нал и понаблюдал, как все разыграется — может, дорожка приведет к остатку куша, завалившегося после Айвори.

«Сегодня мы во всех смыслах прощупываем почву, — подумал Хук. — И, что самое главное, убийство дракона нисколько не нарушает закон».

Его взгляд привлекли вспыхнувшие галогенки Боди Ирвина, во дворе через дорогу. На тех, кто мог шнырять ночью позади забегаловки, Хуку было, в общем-то, плевать; явно же банальные вопросы права и порядка. А вот залетная обезьяна с гранатой в его собственных делах была совсем ни к чему. Формально, конечно, ничего противозаконного у них не происходило, но если эти причальные шашни получат внезапный стресс-тест, все замешанные лишатся работы — по меньшей мере.

«Видать, какой-то вор-дебил жарится на модном заборчике Боди», — подумал Хук, но решил, что будет разумнее все-таки проверить, потому как кто знает, что за чертовщина может твориться в этой тихой глухомани, где драконы одевались как люди и носили с собой мобильные телефоны.

«Вдруг найду единорога в чулках, не удивлюсь, — подумал констебль. — Или прикованного на парковке вампира».

Так что он похлопал по жилету, проверяя, не забыл ли монокуляр, метнулся на другой конец причала глянуть, кто там устраивает световое шоу, и уже через пару минут оказался этому невероятно рад. Потому как, по всему, госпожа удача улыбнулась ему куда шире кривой усмешки луизианской луны.

«А вот и пацан, тут как тут, в комбинезоне, что ли».

— Вот это, конечно, да, — произнес Хук вслух, восхищенный. — Хорошее, кажется, реально приходит к тому, кто умеет ждать.

— Чего? — возникла рядом Джузелл Харди. — Мы тут только час или около.

— Это такое выражение, Харди, — отозвался Хук, убирая монокуляр обратно и застегивая молнию. Такой ночью он все равно не слишком нужен. Иногда, если звезды горели в полную силу, река начинала сиять, словно всю гладь усыпало фосфором. А это выделяло все грани — даже тени становились резче. — Не могу ж я разжевывать все, что говорю.

— Просто поддерживаю разговор, босс.

— Тут нет боссов, — поправил Хук. — Здесь все партнеры.

Харди игриво пихнула его в плечо.

— Как скажешь, босс.

Констебль вдруг поймал себя на том, что все больше проникается к Джузелл Харди симпатией, а это ведь совсем на него не похоже.

— А ты мне нравишься, Джузелл, — сказал он. — Очень надеюсь, что эту ночь ты переживешь.

Харди задумалась.

— Так ты серьезно насчет этого типа дракона Верна, да, Хук?

— Ага, серьезно, — ответил констебль, продолжая следить за Пшиком.

«Пацан малость хромает».

— На три сотни кусов серьезно. А ты что думаешь, это такая мудреная подстава?

— Не-е, слишком сложно, никак не всеку, где подвох, — проговорила Харди. — Но, может, ты просто псих. Без обид.

— Должен сказать, что таки немного обижен. Но ты молодая, на первый раз держи поблажку.

Харди изобразила, как убирает невидимую поблажку в карман.

— Премного спасибо, шеф.

— И расслабь мозги, я не псих, но для вас было бы лучше обратное.

— Потому что, если ты не псих, значит, мне придется вынести дракона, верно?

— Верно, Джузел.

Харди вытянула руки и стиснула кулаки до хруста костяшек.

— Если твои ребятки отвлекут его огонь на себя, думаю, мы со стариной Верном славно оттянемся.

В этом Хук не сомневался. Хладнокровных убийц он узнавал с первого взгляда.

«Рыбак рыбака».

Тем не менее, Верн варился в этом котле столетиями.

— Насколько слышал, он владеет правой лучше. Еще может поймать крыльями. Попадешься — и все, адью.

Харди кивнула, запоминая.

— Вошла, ударила, отскочила, — наставлял Хук. — И дальше пляшешь. Умеешь, девочка? Здоровяки иногда не умеют.

— Нормас, — отозвалась Харди. — В стране пребывания как-то дралась с тигром. Слыхал?

Хук не сводил взгляда со двора гриль-бара.

— Ага, слыхал. А еще — что тому кошаку выдрали зубы и когти.

— Выдрали, но можно было и не. Все равно бы справилась.

— Надеюсь, девочка, потому как у Верна все зубы-когти на местах. Однако ж, до этого может и не дойти.

— А может и дойти, — заметила Харди. — На что я очень надеюсь.

«Детишки, — подумал Хук. — Все такие неуязвимые. У Джузэлл Харди кулаки чешутся сойтись врукопашную с существом, которое скорее всего ее прикончит».

Он вдруг понял, что совершенно не расслышал, как Харди приблизилась.

«Здоровячка и хитрюга. Что те троянцы в деревянном коне».

— Слыши, Харди, — произнес констебль, — видишь вон там пацана? На очередную бочку у него уйдет еще пара минут.

Харди усмехнулась.

— На шаг впереди тебя, Хук.

И она побежала по причалу.

Дюшайн Адебайо свистнул, и Хук, обернувшись, увидел, как Цзин Цзян спускается в лодку, прижимая к груди, как новорожденное дитя, футляр с винтовкой.

— Выступаем? — поинтересовался Дюшайн.

Хук снова проверил Пшика. Мальчишка вроде как загрузил все бочки, а Харди нигде не было видно.

«Масло бочками, — задумался констебль. — Бочками. Кажется, дракону понадобилось подзаправиться».

Что означает...

«Верн на нуле, — дошло до Хука. — Таких козырей больше не будет».

— Отчаливаем, шкипер, — скомандовал он, возвращаясь. — Планы малость сменились. Надеюсь, ты и на самом деле такой пронырливый, как говорят, потому что нам нужно проплыть вон за тем пацаном и чтобы он ничего не заметил. Сможем?

Дюшайн раздраженно нахмурился, мол, «и почему я все время, мать его, должен иметь дело с этими сухопутными крысами?».

— Просто ответь, Дюшайн, — произнес Хук, отмечая про себя, что замашки Адебайо в ближайшем будущем, возможно, придется подправить.

Дюшайн похлопал один из двигателей лодки.

— Эти детки с глушителем, констебль, поэтому все, что нам надо — малость отстать, и пацан за собственным движком ни черта не услышит. Только если решит обратно повернуть.

— Ну, тогда лады, — решил пока сохранить благоприятную атмосферу Хук. — Ты как, Цзян?

Цзин Цзян вырядилась в камуфляж с ног до головы, включая легкую балаклаву.

— Готова двигать. Займу позицию на носу, всажу в глаз этому так называемому дракону. Окажет-

ся мужиком в костюме, ну, спасибо за самую легкую сотню кусков в моей жизни.

— Послушай меня, Цзян, — медленно проговорил Хук. — Сперва мы подавляем тварь, потом по обстановке. Не убивать, пока я не дам знак. Ублюдок хранит золото мятежников, и я хочу, чтобы перед смертью они расстались.

Цзян сощурилась в прорези балаклавы.

— Постараюсь, Хук, но иногда решение должен принять палец, который спускает курок.

Хук сжал переносицу пальцами, мол, «я тут с трудом держу себя в руках».

— Цзян, девочка моя, у нас тут неофициальная операция. И в субординации только одно звено. Делайте то, что вам сказано, до последней буквы. Подавить и дать мне поработать. Ясно?

Однако Цзин Цзян вряд ли сумела бы стать лучшим в мире снайпером-женщиной, если б ее можно было легко запугать.

— Я тебя услышала, Хук. И я понимаю, что у тебя в похотливых яйцах тестостерон играет. Но если этот Верн — настоящий живой дракон, есть вероятность, что поработать он не даст. Есть вероятность, что мне придется принять мгновенное решение. Согласен, констебль?

Хук кивнул. Он знал, что убить с расстояния — лучший во всех отношениях вариант, но часть его не хотела закончить эту историю подобным способом, даже если б на кону не стоял большой куш.

«У нас тут библейское дело, — подумал констебль. — Будет обидно завершить его издали».

Последний дракон

В жизни ведь выпадает не так много эпичных ночей. Может, ему и этой девчонке Харди удастся забить Верна до смерти голыми руками.

«Забить дракона до смерти. Это точно будет нечто».

«А еще — похотливые яйца».

«Звучит».

Глава 19

Верн с помощью Боди Ирвина добрался до причала, который и назвать-то так было сложно, настолько он зарос узловатыми корнями кипарисов, разноцветными спорами и занавесями мха. Чинить его Верн не собирался — не хотел подавать идеи местным, что тут можно причаливать. Одной из любимых уловок дракона было лежать на мелководье и пробивать вмятины во всяком днище, что подплывало слишком близко. Уже сотню лет развлекался подобным образом. Делал «предупредительные выстрелы», как он их называл.

«Воды здесь коварны, ребятки — к сухе без перфораций не пройдете».

И поэтому экскурсионники обходили Боар-Айленд стороной ввиду небезопасной стоянки. Очень уж много подводных камней и корней. А если не достанут водные хищники, то справятся крупные

кошки с кабанами на самом острове. Как Бермудский треугольник для деревенщины — на Боар-Айленде и в окрестностях пропадали люди. И молва о чудовище Хани-Айленда ширилась.

Хани-Айленд, который вообще не при делах. Люди даже острова отличить не могли.

В общем, смысл был в том, что проход едва ли кто-то знал.

Лазейку знал Ваксмен, и теперь секрет передался юному Пшику.

Верн вздохнул.

Ваксмен.

Старый ублюдок, черт побери, стал хорошим другом. За меньше сотни лет Верн сблизился с могвааем куда больше, чем с кем-либо из своих. Многолетний опыт подсказывал: прежде, чем боль хоть сколько-то притупится, пройдут десятилетия, но и тогда скорбь его все равно не оставит. Особенно, если учесть, как именно сыграл в ящик друг.

«Я пробыл в печали дольше всякого живого существа, — подумал Верн. — Ну не жопа ли это».

Он поморгал внутренним веком, прочищая глаза от клейкого налета, за который надо было благодарить утечку у «Экксон» в семидесятых и химию, что пропитала каждую молекулу воды в штате и рассеется через миллион лет. Зрение прояснилось, Верн увидел рассекающую гладь посреди реки моторную «Жемчужину» и Пшика, который рулил так, будто плевать, кто смотрит.

— Постоянно ему говорю, — пожаловался Боди Ирвину дракон, — тише воды. В этом весь, мать его, смысл.

— Подростки, — отозвался Боди, поддерживая вес Верна плечом. — Только дай им в руки двигатель, и весь здравый смысл коту под хвост.

— Потому что звук над болотом разносится как та еще мразь, — продолжал Верн. — Пролетает как плоский камешек. Клянусь, мне почти каждую ночь музыку из твоего заведения слышно.

— Нравится? — спросил Боди, надеясь на положительный ответ.

— Тяжеловато, на мой вкус. У вас там, в музикальном аппарате, часом, не завалялось Линды Ронstadt?

— Думал о ней, — сказал Боди. — Немного скучновата, не кажется?

— Не кажется, — сказал Верн.

— Поставим в понедельник, — пообещал Боди. — «Блу байу» на повторе.

Пшик разыграл целую сцену, сбрасывая газ — видимо, узрел на берегу шефа.

— Ты глянь, кто нас заметил, — прыснул Верн.

— Джеймс, мать его, Бонд собственной персоной, — добавил Боди.

— Угадай, кого он дурит этим своим «смотрите, разве я не осторожен»?

— Никого.

— Именно, черт возьми. Надо б урезать ему плату, ей-богу надо. Но он привозит товары. И поверь мне, Грин Дэй, за это масло будет расплата.

Боди эта фраза не слишком понравилась.

— У слова «расплата» есть разные коннотации, Верн. Вы, случайно, не используете его в негативном смысле?

Верн рассмеялся, и это было приятно, хотя в груди заныло.

— Коннотации? Е-мое, Боди, а ты часом не лингвист? Не-е, не та расплата. Я нацелен с вами порешать.

«Порешать» прозвучало не шибко лучше, но Боди решил не обострять.

Верн проследил, как Пшик свернул с последнего отрезка реки в прямом смысле слова в едва заметный приток, ведущий к тому самому крошечному причалу. Малец знал свое дело, и тут можно было не сомневаться, постукивал по рычагу левой, управлял правой, и тут Верн вдруг осознал — чего-то не хватает. Не в мире в целом, но в его собственной голове, эдакого психологического эквивалента встающего дыбом загривка. Верн уже смирился, что пацан ему нравится, но теперь понял, что еще и верит в него.

«Может, что-то и выйдет, — подумал дракон. — Пацан молодой, с полвека у нас будет».

— Как тебе шум, достаточно, малец? — подал он голос, когда лодка ткнулась в полу затонувшие доски. — Да ты моих предков, черт возьми, перебудишь.

Пшик засиял улыбкой.

— Эй, шеф! Определенно рад видеть вас на ногах. Думал, вам кранты — а работа-то мне нужна.

— Негодный малый, а? — обратился Верн к Боди. — Щас покажу кранты.

И Верн, потратив драгоценные силы, расправил крылья.

— Что, похоже на кранты, мальчик? Я вас всех переживу, людышки.

И в ту секунду, вот так собравшись, он почуял кое-что на ветру — запах, похожий на выжженную землю.

«Гребаный Хук, — подумал дракон. — Придет ядерный холокост, останутся тараканы и он».

А потом он услышал звук, будто на другом берегу кашлянула старушка, и в крыльях пробило две дыры размером с обеденную тарелку. Или, может, первыми появились дыры.

Боди что-то говорил, но Верн его не понимал.

Старушка кашлянула снова, и Боди исчез из-под руки дракона, словно его дернуло обратно на банджи.

«Люди, — подумал Верн. — Явилась злобная толпа».

Он глянул на Пшика, который перебирался через нос лодки, отчаянно спеша на помощь хозяину. А потом дернуло и его — но не пулей, а рукой, обхватившей лодыжку, да так, что мальчишка кубарем улетел в реку. Выглядело смешно, будто в шутку, однако у них тут имела место вовсе не комедия. Там, где только что был Пшик, на пристань ринулся, словно разъяренный медведь, настолько крупный человек, каких Верн вблизи еще не видел. А драться с медведями ему приходилось,

и победа оказывалась нелегкой, даже когда он был в самом расцвете.

«Настал час драться или бежать, — подумал Верн, — и с побегом облом».

То есть оставался только первый вариант.

В хорошее время явившегося можно было бы назвать опрометчивым созданием — бросаться на Виверна, лорда Хайфаэра, имея из оружия лишь утяжеленные свинцовой дробью перчатки. Однако сейчас время уж точно не было хорошим. Виверн, лорд Хайфаэр, был продырявлен, контужен и лишен топлива, а значит пламени и полета, да и с равновесием возникали проблемки. Последние силы он направил в броню, чтобы, по крайней мере, забить на удары.

А удары не заставили себя ждать. Эта человечка двигалась так быстро, что Верн засомневался, сумел бы как следует ей насовать, даже если б у него все оставалось тип-топ. Впрочем, это не значит, что он не стал пытаться; Верн ударил когтями — вспорешь артерию, и прости-прощай противница. Однако женщина пригнулась, так что у дракона вышло только зацепить ее бритую черепушку одним когтем и оставить неглубокую царапину, малость кровоточащую, но и близко не смертельную. И, разумеется, Верн прозевал момент. Человечка прошла линию обороны.

Она принялась за дело с хирургической точностью, осыпая корпус Верна градом коротких ударов и хуков, выискивая слабые места. Нашла пярочку, и они заныли под давлением пластины.

«Давай уже, Хайфаэр, — сказал он себе. — Ты же не человекоручка, верно?»

Может, в данной ситуации оскорбление «человекоручка» было несколько неуместным. Потому как руки этой дамочки ломали его, словно старый стул. Треснула пластина над почкой. Дрогнуло солнечное сплетение.

«Рановато, — подумал дракон. — Соберись, Верн».

Женщина обработала ему почку, и дракона пропортили болью от бубенцов до глотки.

— Еб твою... — выругался он — и тут вдруг получил мимолетную передышку.

Может, эта женщина, сидя в засаде, не догадывалась, что слышала голос Верна. Может, Хук не упомянул о драконьем даре речи. В любом случае, матерное словцо заставило противницу остолбенеть, пусть и ровно на секунду.

— ...мать! — завершил ходовое выражение Верн и обрушил на голову женщины кулак. Удар вышел не то чтобы очень, зато подарил возможность дать задний ход и перевести дыхание.

Женщина упала на колено, потрясла головой.

— И все, мистер Верн? Весь порох? Бля, да я твою голову себе на стенку повешу.

Верн щелкнул зубами, пытаясь высечь искру, но ничего не вышло. Не осталось ни капли жира. Если б только добраться до бочек.

— А что с лицом-то, Верн? — поинтересовалась женщина, стискивая кулаки. — Истерика? Если хо-

чешь знать, кто тебе жопу дерет, так это Джузелл Харди. Не забудь, хорошо, малыш?

— Никто меня еще не дерет, Джузелл Харди, — отозвался Верн, — так что давай-ка ближе к делу.

Со стороны реки мелькнула вспышка. Верну в грудь, словно кузнечным молотом, ударила пуля — и расплющилась в блин. Стрелку не повезло, грудная пластина почти непробиваема. Но несмотря на неудачу в пробивании, воздух из легких Верна все равно вышибло, и он кверху хвостом полетел в кусты.

— Гуляй, Цзян! — выдала Джузелл Харди, что бы это на хрен ни значило, и прямо-таки окутала Верна, как дешевый одеколон, что так себе аналогия, ведь дешевый одеколон обычно не имеет привычки выбивать из того, кто его носит, всю дурь. Первым делом Харди прописала ему двоечку в голову, чтобы шарики за ролики закатить, а потом принялась ощупывать корпус, выискивать лазейку.

Глаза Верна закатились.

«Поверить не могу, что за неделька», — подумал он.

Болотная грязь чавкнула, пропитывая штаны.

Новые, мать их. Ну, почти.

— Лады-ы, — протянула Джэулл Харди, весьма зловеще.

Бойцовская баба обнаружила зазор у Верна в ребрах и ткнула туда пальцами, что вызвало щекотку. А потом достала из-за спины нож и попыталась пырнуть уже им.

«А это уже не пощекочет», — подумал Верн.

Кончик таки вошел — но случился неожиданный для всех побочный эффект. Сперва случилась вспышка обжигающей боли, что вполне ожидаемо, однако потом у Верна внезапно завелась нейромышечная система, которая запустила натяжение мышц и разбудила нервные рецепторы в сухожилиях, а это в свою очередь сбросило импульс спинному мозгу, который дал сигнал сократить мышцу, которая только что натянулась. Разумеется, в научной составляющей Верн не сек. Он понял только то, что его колено согнулось с такой силой, какую он сейчас в себе вообще не чувствовал, и врезало в спину Джьюэлл Харди так, что та улетела в заросли, а из легких вышибло весь воздух до последнего кубического дюйма.

— Черт, — охнул Верн. — Зверина, мать ее, а не человек.

Ему повезло, однако подобная женщина не собиралась разлеживаться только потому, что ей в спину прилетело коленом. Запал в ней еще не погас, тут хоть на последний бакс поспорь. И если только она не пырнет его в то же место, в загашнике было пусто.

— Верн, — раздался хриплый голос, и на мгновение Верну показалось, что с ним из рая, где драконы, по идеи, превращались в серафимов, заговорили предки.

— Это ангелы?

— Нет, ни хера не ангелы. По крайней мере, пока.

Верн скосил взгляд и увидел в каких-то трех футах Боди Ирвина. На его плече блестела кровь,

будто какой-нибудь мелкий ушлепок вывернул на него ведро смолы.

— Боди, — узнал Верн.

Боди похлопал себя по груди.

— Та же фигня, друг, — посочувствовал Верн, полагая, что ему ничего не стоит поиграть в сострадание, раз уж человек сейчас все равно откинется.

— Да нет, долбодятел. Дробовик.

«А-а, — догадался Верн. — Да, логично».

У Боди на спине висел дробовик.

Верн дотянулся, срезал лямку одним когтем и вытащил оружие из-под Боди.

— Ах ты ж черт, — выругался Ирвин. — Полегче.

— Прости, — отозвался Вер. — На «Лайфтайм» говорили, что по шкале боли пулевое ранение равняется деторождению, так что подбери сопли, Грин Дэй.

Одновременно с отповедью Верн сунул патрон в гнездо, так что когда пару секунд спустя Джуэлл Харди попыталась выхватить дробовик, дракон отстрелил ей ухо.

«Ну все, никаких тебе Битсов от Дре, дамочка», — подумал Верн.

И он бы ее прикончил. Если бы лодка Боди не взорвалась.

Пшику казалось, будто он неудачно вылетел из прямой кишki водяной горки. Он ударился о воду так жестко, что вот-вот весь бы лопнул, как пере-

спелый банан, но кожа почему-то уцелела. Даже, когда он через каких-то три фута врезался в речное дно.

Нет. Определенно не речное дно.

Болотный ил не скрипел и не брыкался.

Пшик с удивительным хладнокровием сумел наскрести две рациональные мысли.

Первая: «Кажется, я сломал жопу».

И вторая: «Ух, чтоб меня черти драли, не Хуко-ва ли это потонувшая лодка».

Полезное знание, на будущее. Если, конечно, будущее Пшику вообще светило, что пока было очень уж маловероятно.

Пшик обнаружил, что может стоять на киле. Как только легкие удовлетворились глотком воздуха, он смог выглянуть и оценить ситуацию. Вернее, ситуации.

Зон действий было, судя по всему, две:

- на берегу, где Верн боролся с дивой из реслинговой лиги;
- и в лодке на реке, откуда кто-то по ним стрелял.

И не то чтобы Пшик мог с этим всем что-то поделать.

«Это я их сюда привел, — подумал он. — Вот ублюдки, они за мной проследили».

Первым порывом было оставаться на месте, просто болтаться в воде, и пусть все проплынет мимо. Верн же справится — ему наверняка доводилось выбираться из переделок похуже. Однако порыв быстро сошел на нет, и Пшику стало стыдно.

«Мама на острове, и все из-за меня».

И он принял решение, исходя из отчаяния и солидной доли подросткового идиотизма.

«Проплыву к берегу, подстрахую шефа. Или, на крайняк, встану между этой воительницей и мамой».

Так что Пшик оттолкнулся от киля... и что-то схватило его за ногу.

«Гребаный аллигатор достал, — подумал он. — Дракон пощадил, зато сожрет аллигатор. Охренеть шуточки у вселенной».

Однако это оказался не аллигатор. Вокруг лодыжки просто плотно обмоталась то ли веревка, то ли шнур, то ли что-то вроде.

Пшик вдохнул поглубже и нырнул. Глаза он держал закрытыми, потому что смысла всматриваться в болотную муть даже ясной ночью все равно нет. Пшик уцепился за петлю и просунул между кожей и пряжкой большой палец, но тут кончился воздух. Вторым заходом он расширил петлю и высвободил ступню, а потом подумал, почему бы не прихватить эту штуку с собой, вдруг пригодится.

Как выяснилось позже — пригодилась.

Хук наблюдал, как метелят дракона.

«Воистину, Риджэнс, прекрасное время, — подумал он. — Так хорошо уже никогда не будет».

Что было правдой: если тебя заводит от того, как снайперы глухой ночью стреляют по драконам,

то прямо сейчас Боар-Айленд стал лучшим во всей вселенной местом.

Папаша как-то сказал ему: «В тебе нет ничего особенного, мальчик. Думаешь, все твои грешные выходки отличают тебя от других? Ты ничем не отличен. Таких дрошил, как ты, миллион».

Хук улыбнулся.

«Опять прогадал, папка».

Констебль наблюдал за возней на берегу через монокуляр. Джузелл Харди отлично справлялась, пока Верн не подловил ее выстрелом из дробовика.

— Срань господня, вот теперь она взбесится, — сказал Хук Дюшайну. — Давай-ка подберемся поближе.

Дюшайн сидел на надувном борту.

— Если ближе, то днище поцарапаем, — предупредил он каким-то странным тоном, малость глухим, будто лоцман слегка впал в шок. Что не стоило исключать.

До тех пор, пока лодка поддавалась управлению, Хуку было плевать.

— Похер на днище. Не моя лодка, сынок.

— Как я и думал, — отозвался Дюшайн и вдруг добавил: — Ушки на макушке.

«А это тут при чем?» — подумал Хук, гадая, про чью макушку идет речь и какие, к черту, ушки, но ответ пришел сам, когда Дюшайн поймал что-то, летящее с неба, и прижал к груди.

— Поймал, — сообщил он и гордо продемонстрировал Хуку гранату, будто та была золотым яйцом.

— Еб твою ж, — отозвался Хук.

До Адебайо дошло, что он держит; его перекосило, будто по морде прилетело невидимым кулаком. Хук уже знал, что будет дальше. Он сотню раз такое видел. Совсем не как в кино, где солдат, весь из себя, с квадратной челюстью и правильными убеждениями, хватал лимонку с ловкостью бейсболиста, швырял в сторону врага и уничтожал его танк, или спасал деревню. В реальном мире, если какому-нибудь кретину не повезло обнаружить гранату в непосредственной близости, он непосредственно же деградирует до дней, когда играл в «передай другому», и делает подлянку ближайшему же товарищу.

«Не сегодня», — решил Хук.

Он схватил Адебайо за лодыжку и одним рывком сбросил моряка в воду. И прикинул, что его собственный шанс выжить, наверное, процентов тридцать.

Как выяснилось, тело Адебайо неплохо прикрыло Хука от взрыва. В полете лоцман успел сделать полуоборот. А потом его кевларовый жилет покрошило на спагетти, а органы смяло в кашу. Его впечатало в киль, и останки медленно стекли вниз, в темноту, как мокрый носок по стене.

Он умер до того, как упал в воду. Аллигаторы получили горячий обед.

Хук отделался сечкой на предплечье и, судя по всему, звоном в ушах до конца дней, но в остальном остался жив-цел-орел. А вот Цзин Цзян не привыкла к боевым действиям ближе, чем в тыся-

че ярдов, и отреагировала на взрыв в собственной зоне комфорта цветистой цепочкой ругательств, за которой тут же выдала:

— Все, Хук, я решила, — бросила она через плечо и сменила свою винтовку на миномет, на котором Хук нацарапал маркером «НА КРАЙНЯГ» — через г, потому что солдаты очень любят коверкать слова.

Русский ПЗРК отличался более широкой средней частью, чем у старых трубчатых моделей, а его рабочий конец походил скорее на телеобъектив папарацци, чем на дуло, из-за чего точно прицелиться было нелегко, а цеплять аппаратуру — никогда. Однако Цзян явно решила, что все равно снесет большую часть горизонта событий, так что сказочке конец.

— Сдохни, Годзира.

Хук был уверен, что «Годзира» — это отсылка к японской культуре, а Цзян — китаянка, но обсудить этот межкультурный момент они могли и позже, да и, в любом случае, последний перезапуск фильма оказался чертовски хорош.

«И Джузелл, — подумал Хук, — она тоже умрет».

Но у него дергало руку и звенело в ушах, а потому если такова судьба Харди, то пусть.

— Давай.

— Как будто мне нужна твоя отмашка, — огрызнулась Цзян.

Она вскинулась на колени и, едва прицелившись, спустила курок — ровно в тот момент, как

в днище лодки врезалась толпа аллигаторов, которые передрались за останки Дюшайна Адебайо.

Лодка не то чтобы содрогнулась — никто даже не вывалился за борт, — однако нос нырнул вниз, и ракета булькнула под воду.

— Бля! — воскликнула снайперша, глядя, как в мутной воде исчезает огонек на хвосте. — Даже не знаю, рване...

После чего лодка «Жемчужина» взлетела на воздух, как будто под ней извергнулся вулкан. Последствий оказалось немало, причем самых разнообразных:

— крошечный вид водных лютиков, исконно растущих на болоте, стерло с лица земли. Но никто их не видел, и никто их не хватится — кроме лягушек-быков, которые ели эти цветочки из-за галлюциногенных свойств. Тысячи лягух в ломке будут надрываться от кваканья до конца лета;

— взрыв ракеты безжалостно перераспределил два миллиона галлонов болотной воды, взметнув шестифутовую волну, что поднялась подобно кулаку Посейдона и подбросила на поверхность десятки ошалевших аллигаторов, которые остались там болтаться, аки здоровые куски дерьяма;

— лодка Боди Ирвина, кувыркнувшись изящнее школьницы-гимнастки, приземлилась прыжком на Верна, как будто в фильме Бастера Китона;

— Пшик попытался удержаться на перевернутом киле, но мини-цунами сорвало с места как его,

так и кусок «Элоди», и мальчишка в буквальном смысле пролетел тридцать футов на доске, как на серфе, и очутился на надувной лодке констебля;

— старина Козлобород, легендарный трехсот-футовый сом, который годами изводил рыбаков, получил ракетой в мозг и помер;

— ГРОХОТ;

— масса совпадений и случайностей — однако они следовали за Виверном, мифологическим драконом, по пятам сквозь века.

Верн вдруг очутился в темноте, зато от него, по крайней мере, эта чокнутая баба-воин временно отстала.

Лодка над ним содрогнулась, взревела прямо в лицо, словно в гигантскую раковину дунул сам океан. Еще и грязью всего облепило.

«Что за херь?» — подумал Верн, но затем чешуеки непроизвольно раскрылись, чтобы ее впитать, и он понял.

Масло.

«Ну наконец-то, лорду Хайфаэру перепало отдохнуть. А теперь минутку на обработку».

Но эту драгоценную минуту ему не предоставили, и как только звуковая вибрация стихла, в перевернутый борт вцепились чьи-то пальцы.

«Чьи-то, — фыркнул Верн. — Угадай с трех попыток».

Нормальному человеку лодку ни за что не поднять, однако у дракона возникло ощущение, что

у той женщины случился внезапный прилив сил. Как будто лодка была упавшим деревом, и под ним зажало ее ребенка.

«И мамашка одержима желанием этого ребенка угрожать».

Не то чтобы привычный сценарий.

Масло, тем временем, впитывалось в нутро.

«Еще пара секунд, и к бою готов».

Короткому бою — никаких воздушных кульбитов, никакой показухи, только короткий всплеск. Но, как выяснилось, секунды ему тоже не светили, потому что лодка со стоном и неохотой, с которой открывают рот в кабинете стоматолога, приподнялась. В щель хлынуло свечение, заблестело масло, просачиваясь в бороздки.

«Давай, жирок. Делай свое дельце».

С последним рывком и детородным воплем Джузэлл Харди подтолкнула лодку к точке невозврата, и обнаружила под ней распластертого Верна, покрытого маслом из разбитых бочек Боди.

— Секундочку, — произнес Верн. — И я весь твой.

— Смерть не стоит в очередях, — выдала Джузэлл Харди, что прозвучало довольно-таки неплохо.

И, надо отдать девчонке должное, с ободранной половиной лица и окровавленным торсом она и правда выглядела эдакой предвестницей. Верн даже почти поверил, что настали его последние мгновения, как вдруг Харди получила сзади веслом и тут же сложилась пополам.

— Да что еще? Вот что, блядь, еще такое?

За ней обнаружилась Элоди Моро, которая пришла из хижины на помощь, подвергнув себя опасности ради шефа своего сына.

— А ну оставь старого дракона в покое, — заявила она. — Никакого уважения к исчезающим видам!

Что буквально на блюдечке преподнесло Джузелл Харди ее панчайн.

— Дамочка, — произнесла она, выпрямляясь, — ты тут сама сейчас исчезающий вид.

Элоди ударила снова, но Харди перехватила весло и врезала им ей по лбу. Матушка Пшика рухнула на траву рядом с Боди, и они остались лежать, словно утомленные любовники.

— Споки-ноки, сладкие, — фыркнула Джузелл. — Я на секунду.

Она развернулась к дракону.

— Сорян, что заставила ждать, мистер Верн.

— Не проблема, — отозвался тот и высек искру.

Джуэлл Харди, должно быть, ее видела, потому как попыталась убраться подальше от буквальной линии огня. Большой части это даже удалось, но ее оказалось недостаточно для совместимости с жизнью. Волна воющего пламени испепелила Харди ниже пояса, и сердце ее испустило дух прежде, чем она шлепнулась в грязь.

«Хватит еще на разок, — оценил силы Верн. — И я как раз знаю, кому он светит».

Пшик выронил гранатомет и, уносясь сквозь залитую лунным светом ночь на куске киля,

вспомнил свою любимую книжку. Называлась она «Принцесса-невеста», и в ней был фрагмент, где после череды практически невероятных событий один персонаж говорит другому, мол, сдается, не то ты значение вкладываешь в слово «немыслимо».

«Агась», — подумал Пшик, хотя по большей части он просто орал.

Поднятая ракетой волна вынесла его прямиком на лодку, которую он пытался потопить, и оставила там хватать воздух ртом, как рыба на сушке. Лодка выдержала, лишняя вода вылилась сквозь прорези в днище, а вот Пшик, несмотря на прозвище, протиснуться в них все же не мог, поэтому остался лежать и смаргивать с глаз налипшую грязь.

— Приятный нежданчик, — раздался голос. — Немыслимо.

«Хук жив, и он умеет читать мысли», — подумал Пшик — и ни капельки не удивился.

Хуку нравилось считать себя безбожником, но когда сама природа подбросила ему под ноги пачана, он невольно подумал, что ему явно благоволит некая темная сила, а значит, должна существовать и светлая в противовес.

— Приятный нежданчик, — произнес констебль. — Немыслимо.

Малец представлял из себя жалкое зрелище, весь уделанный грязью и потрепанный недавними событиями, но это отнюдь не пробудило в Хуке никакого сочувствия, и подумал он вот что:

«Хватит страдать херней. К черту стратегию. Просто положу всех и дело с концом».

И попытался схватить Пшика.

— Иди-ка сюда, мелкий.

Пшик сдал назад, но удирать, кроме воды, было особенно некуда, да и этот вариант Хук намеревался обрубить.

«Пристрелю, — решил констебль, но передумал: — Нет, лучше не надо, в надувной-то лодке».

— Пойдем, сынок. Дела не ждут.

И он, склонившись, схватил сильными загребущими лапами Пшика за лацканы.

Нет, не лацканы. А какую-то похрустывающую шкуру.

— Это что?.. — удивился Хук. — Ты что, костюм из дракона себе отхватил?

Девятипалый мальчик проявил некоторую ловкость и сунул большой палец в бабий узел, которым закрепил шкуру на поясе. Узел поддался с одного рывка, что удивило Хука почти в той же мере, что и существование костюма само по себе.

— Такого я еще не видел. Дэвид, мать его, Копперфильд недоделанный.

Пшик проскользнул между его ног и сиганул за борт так быстро, что Хук успел только хмыкнуть.

— Ну, справлятся аллигаторы, — произнес он, но без особой веры. У проклятого пацана жизнью по числу пальцев. Тот еще гребаный таракан.

«С другой стороны, тараканов я уже убивал», — добавил он про себя.

Цзин Цзян слезла с носа. В ее глазах стояли слезы.

— Я потеряла Тимберлейка, — плаксиво заявила она.

— Твое оружие? — спустя секунду сообразил Хук.

— Оружие? — повторила Цзян. — Оружие?! Тимберлейк был моим другом. Он был другом всей этой гребаной страны.

За плечом Хука, на острове, вспыхнул огонь.

«Охо-хо. Мы пробудили зверя», — подумал констебль.

И набросил на плечи драконью шкуру.

— Я потеряла Тимберлейка! — заорала Цзин Цзян. — А ты в переодевания играешься?!

Хук натянул на голову капюшон из Верна и подумал:

«Как пить дать, выгляжу здоровым, мать его, дьяволом».

— Слава Сатане, — бросил он. — Убью Верна по старинке.

И последовал за Пшиком за борт.

Вышло случайно — нет, не с бортом, тут он специально.

И не с убийством Верна, тут он был как иногда искренен. Из серии «даже, если это станет последним, что я сделаю».

О Сатане. Это он выдал несерьезно.

Риджес Хук не поклонялся никому, кроме себя.

Верн сумел выдать трехсекундный поток.

Прицел малость барахлило, и сперва он срезал ирландский мох с линии кипарисов аж на Хани-Айленде, но в последнюю секунду пламя все-таки угодило в лодку Хука и оставило от нее и тех, кто мог на ней быть, лишь воспоминания. Одна секунда, может, и кажется чем-то незначительным, но не когда ты в огне, что, вероятно, подтвердила бы Цзин Цзян, если бы к тому моменту не сгорела. Справедливости ради стоит сказать, что Цзян не столько сгорела, потому что на последней секунде Верн малость запыхался, как часто с последними секундами случается, и температура значительно упала, а значит на самом деле Цзин Цзян скорее задохнулась из-за плавленого пластика, чем пропеклась. Не то чтобы это, конечно, ее хоть как-то утешило.

Пламя дракона — легкая смерть. А вот утонуть в коконе жидкого пластика?.. Не очень.

Верн продолжал, пока челюсти не начали высекать искры вхолостую, как пустая «Зиппо», а потом перевернулся на спину в грязи и поболтал конечностями, как будто хотел сделать болотного ангелочка.

Боди Ирвин, который хлопотал над Элоди, не смог промолчать.

— Верн, чувак, хорош. Меня тут вообще-то подстрелили, Элоди без сознания. Прекращай свои детские шалости. Ты меня хвостом лупишь.

— Будь благодарнее, Грин Дэй, — отозвался Верн, хотя хвост придержал. — Я твой хипарьский зад спас. И ты не умираешь, если что. Иначе уже бы умер. Вон, вообще шум поднимаешь.

— Шум — это несколько предложений, что ли? — не согласился Боди. — Сам-то не особо помалкиваешь.

Верн фыркнул.

— Еще минуту назад ты меня боялся. Эх, какие были времена, уже скучаю.

— Ну, знаешь, пробитое тулово заставляет взглянуть на все с другой стороны.

Верн похлопал себя по животу, теперь впалому.

— С другой стороны, Грин Дэй? Это с какой такой стороны драконы не страшные?

— Страшные, Верн, но я тут больше беспокоюсь.

— Об Элоди? — прыснул Верн.

Боди пихнул дракона локтем.

— Иди на хрен.

— Огонь женщина, если питать страсть к вашему виду.

Боди убрал челку со лба Элоди, всмотрелся.

— Сейчас не время, Верн. Меня подстрелили. Ты почти в скелет превратился, а Элоди без чувств.

— Последи за ней тогда, — сказал дракон. — Сейчас, еще минутку, и я сгоняю за нашим папаном.

Боди, как бармен, умел проверить общее состояние пострадавшего, так что вскоре с удовлетворением убедился, что хоть кто-то из них точно в ближайшее время не собирается умирать. Хотя матушке Пшика грозило красоваться с убедительного размера синяком и, наверное, даже наложить пару швов на переносицу.

— Видел, что с Пшиком? — спросил Боди дракона.

Верн приподнялся на локтях, размышляя о масле, которое наверняка еще осталось под лодкой, или натекло куда-нибудь лужицами, и если бы он проглотил бы пару-тройку кварт...

— Ушел под воду. А после меня немного отвлекли.

— Дык, а сейчас глянуть?

— Ага, определенно гляну, если ты перестанешь задерживать меня разговорами.

Боди не стал возражать. Он предпочел улечься рядом с Элоди и зажать собственную рану. Господь свидетель, он уже думал о том, как бы они так лежали вместе, но без дырки от пули и здоровенного синяка.

— Вот, думаю, и схожу посмотреть, — продолжил Верн, перекатываясь на живот. — Вернее, потащу эту старую тушу.

Но тащить ничего не пришлось, потому что Пшик и сам вынырнул из воды у разбитых досок причала.

— Мама? — позвал он. — Мам? Верн?

— Хе, — хмыкнул дракон. — Ты даже в круг доверия не входишь, Грин Дэй.

Затем он вяло поднял руку.

— Ага. Все живы, Пшик. Я их всех спас. Видел бы ты меня.

— Аллигаторы болтаются как говно, — заявил Пшик.

Мальчик был определенно близок к полномасштабной истерике.

— Хочу обнять маму, но щас, секундочку.

«Секундочку? — удивился Верн. — Зачем ждать?»

Пшик присел на корточки, уперся локтями в колени, что в его возрасте выглядело весьма грациозно, а потом испортил весь образ, вытошнив кварту болотной воды на перевернутую лодку Боди. В такие моменты даже усилий прилагать не надо, просто открыл рот да извергайся водопадом.

— Черт, малец, — отозвался Верн. — Ты, видать, воды с обоих концов нахватал.

— Меня дважды выбросило, — пояснил Пшик. — Не внутренности уже, а болото.

Верн не мог не захохотать. Нет ничего смешнее, чем блюющий подросток. Жаль, конечно, что Пшик не пьет, тут дракон тоже поделился бы премудростями. Но тошнилово тоже сойдет.

— Давай, сынок, не держи в себе.

Пшик вытер губы.

— Не-е, я все.

— Уверен? Иногда бывает по второму кругу.

Пшик не согласился, и Верн оказался вынужден столкнуться с неприятной действительностью, в которой он вот так, в открытую, лежит посреди эпичного погрома, когда федералы одним окру-

гом южнее именно такие вспышки и высматривают на радарах.

«Хайфаэр, сынок, — подумал он, — ты не хочешь переставать быть мифом и начинать быть реальностью».

Потому что «быть реальностью» стояло в шаге от «вымереть». Распростершись в грязи, с продырявленным крыльями, с раной на башке, Верн признался себе, что шаг между ним и вымиранием этим прекрасным утром, когда солнце вот-вот явит лучи, казался меньше некуда.

— Мама, — позвал Пшик. — Мама... лицо...

— Выглядит хреново, — подал голос Верн, — но вопрос косметич...

И тут дело снова приняло жопный оборот, потому что из воды полезло Болотное чудовище. Правда, это было не чудовище, а Ридженс Хук, который нацепил шкуру Верна, как плащ, а сам весь почернел.

На сие явление Верн отреагировал следующим образом. Он вывалил наружу свое хозяйство и пустил струю. Арочкой.

Болотное чудовище стряхнуло кожу из водорослей и превратилось в, разумеется, констебля, хоть и покрытого копотью и ожогами — но самым невыносимым образом бесспорно живого.

Хук ощущал жар драконьего пламени за мгновение до прыжка в воду, и от самой страшной уча-

сти его спасла Вернова шкура. И все же штаны на нем запеклись, а руки выжгло до черноты.

«А могло быть, Риджэнс, куда хуже, — сказал он себе. — Костюм из дракона? Охереть же».

Хук не был величайшим пловцом, но старательно погреб сквозь болотную муть, пытаясь не обращать внимания на тусовку обалделых аллигаторов неподалеку от своего левого борта.

«Вот это сюжет для “Дискавери”, — подумал констебль. — Епт, а может, вообще оседлать одну тварь».

Но рисковать и будить крупных ящериц не хотелось. Было бы досадно — собирался навалять дракону, а скормился по пути аллигатору.

В любом случае, уже через пару гребков его ноги коснулись дна, и на пути к берегу осталось преодолеть лишь полосу препятствий из торчащих корней и ям. Хук старался не высовываться — только чтобы глотнуть воздуха. Такой вымокший видок убивал всякое присутствие духа, так что хорониться было несложно. Он увидел, как Пшик, этот мелкий гемор на его заднице, выполз на берег и вывернулся наизнанку. Видел, как первые лучи солнца зацепили морду Верна. Парниша вымотался как тварь и не смог даже приобнять своего фамильярчика. А еще там оказался Боди Ирвин, до фига расстрелянный. Выживет, не выживет, главное — что сейчас кулаками махать не сможет.

«Вот он, Риджэнс, твой шанс, — сказал он себе. — Вот же она, золотая возможность, о которой говорят люди».

Да, план а-ля подразделение «Дельта» провалился в глубокую задницу, но впереди забрезжил шанс все исправить.

Хук досчитал до пяти — и вышел на берег.

Пшик его даже не услышал. Слишком был занят тем, что блевал и причитал над дражайшей мамочкой. Но Хук знал, что этот девятипалый ублюдок будет докучать как гнус, если его не прихлопнуть, так что на ходу придумал маневр — из тех, что наверняка сработает.

Хук мог представить все в деталях.

«Будет круто», — подумал он и протолкнул массивную руку под планширь лодки Боди. Поднял его — от коленей, это важно — фута на три, потом свистнул.

— Эй, пацан.

Пшик осекся ровно настолько, чтобы обратить внимание на свист — и Хук тут же дернул его под лодку и уронил ее обратно, как крышку гроба захлопнул. Перевернутый киль уже второй раз стал клеткой.

— Охо-хо! — возликовал Хук. — Красота-а! Что скажешь, Верн?

Ответом дракона было эпично отлить.

— Что за херня, Верн? — удивился констебль.

Его заклятый враг не должен был умереть вот так, поливая своих друзей.

— Ты меня нервируешь, констебль Хук, — ответил дракон, — а когда нервничаю, я писаю.

— Ага, — кивнул Хук, но не купился, а кое-что заподозрил. — Писаешь.

Он огляделся, ожидая удара исподтишка, но все было чисто. Мальчишка колотил по лодке, орал про матушку и калечил себе ушные перепонки. Боди Ирвин истекал кровью. Красавица Элоди Моро определенно подрастеряла эту свою красоту. А могучий Верн сидел на заднице и ссал на Боди и Элоди.

— Давай быстрее, ящерица. Изливай уже душу, или я сам из тебя все выбью.

Боди, откопав где-то каплю сообразительности, нащупывал рядом дробовик.

— Нет, сэр, — Хук выхватил оружие и проверил заряд. Пусто. — Хватит с меня неприятностей. Просто полежи смирно, и я обещаю убить тебя быстро.

— У тебя что, души нет, Риджэнс? — прохрипел Боди, побагровев от негодования. — Он последний из своего вида. Хочешь украсть у мира магию?

Хук сплюнул в грязь.

— Магию? Магию, старик? Твоя магия сидит жопой в болоте и ссыт тебе на бок. Кажется, без таких чудес от мира вообще не убудет.

Замечание было справедливым, и как бы Боди ни хорохорился, ни хрипел, ответ он не вымучил.

— Так я и думал, — заключил Хук.

Он развернулся, высматривая что-то в занимающихся лучах летнего утра, в растекающемся алоей кровью по небу над заливом солнце, среди комарья, которое разлеталось по домам после ночного очередного банкета.

— Ага! — воскликнул констебль, словно киношный псих, который как раз обнаружил на кухне

самый большой ножик. Правда, обнаружил он не нож, а верхнюю половину Джузел Харди в кустах, обескровленную до бледности.

— Черт, Верн, — произнес Хук, стягивая с нее утяжеленные перчатки. — Эк ты ее сделал. А она мне нравилась, так что и за это с твоей жопы спрошу.

— Конечно, Хук, — отозвался Верн, который явно опять выжал из себя все соки. — Ты прям избранный. После стольких лет, один только Риджэнс Хук. Мечтать не вредно, констебль.

Хук натянул перчатки, насколько позволили массивные руки.

— Немного О-Джеем повеяло, да? Знаю. Но мне-то все равно хватит сил, чтобы добить. У тебя ж ничего не осталось. Ни дохнуть, ни взлететь. Епт, даже ссать-то уже нечем.

Верн слабо улыбнулся, и на его зубах запузырилась кровь.

— Кое-что осталось, мразь.

Констебль занял позицию — уперся ногами в крылья Верна, опустился на корточки — и прописал в челюсть хук с правой.

— И что там, ящерица? Что там за кое-что? Не скажешь «друзья», правда? — Он расхохотался. — Потому что друзья твои в точно такой же жопе. Проломлю тебе башку, а потом сразу же разберусь и с ними, и при этом обстряпаю все так, будто виноват был ты. А я стану, мать его, героем, шерифом чего только пожелаю. Ух, вообще в мэры, может, подамся.

Хук осыпал голову Верна градом ударов, болтая ее из стороны в сторону, проливая все больше крови. Лицо дракона все покрылось алыми струйками.

Его глаза закатились, и он как будто попытался что-то сказать, но из горла вырывался только типичный для рептилий рокот.

Хук пришел в восторг.

— Твой дружок откатывается к дефолтным настройкам, Боди. Щас я его до Юрского периода допинаю.

Боди не то чтобы мог особо разговаривать. Все его силы уходили в гнев, от этого кровь вытекала еще быстрее.

— Ты... ты...

— Агась, — Хук еще никогда в жизни не был таким счастливым. — Я... я.

Верн снова что-то пророкотал и закашлялся.

— Что ты там говоришь, Верн? — поинтересовался Хук, наступая дракону на челюсть. — Зовешь драко-мамочку?

Верн сплюнул кровь и выбитый клык, который Хук подобрал и вытер о штаны.

— Не-а, — выдохнул дракон. — Зову свое «кое-что».

Хук не уловил тон — слишком зашкаливал адреналин.

— Я скажу, что у тебя осталось. Надежда, которая дохнет последней, вот что, Виверн.

Дракон пророкотал горлом еще раз, а потом сказал:

— Нет, Риджэнс. У меня остались подданные.

— Подданные? — удивился Хук и хохотнул. — Подданные, мать их. Ну ты и кадр, Верн. Да конечно, еб твое величество.

Дракону, должно быть, надоело выслушивать безжалостные подколы, и он с демонстративным клацаньем втянул причиндалы.

— А ты мудила, Риджэнс. Но это ненадолго.

Теперь Хук заскучал. Невероятно, что можно устать даже от избиения дракона, но эта гонка уже, можно сказать, состоялась, и констеблю хотелось двигаться дальше. Надо было подправить картину вокруг — пока не явились федералы с этими их палатками и барабаном. Расставить все точки над ё и утопить свидетелей.

— Так вот, Верн, — продолжил Хук, — думаю, вот штука, которая уж точно пробьет драконье сердце, если ты, конечно, уже закончил ссать на друзей.

Он стиснул выбитый клык обратным хватом.

Верн как будто стал чуть бледнее обычного.

В утреннем свете все казалось красным, но он продолжал огрызаться до последнего вздоха.

— Что, Хук, никогда не смотрел «Дискавери»? Никогда собаки не было? Я не ссал на друзей. Я их метил.

Верн снова зарокотал, что дало Хуку паузу на пораскинуть мозгой о том, что значит «метил».

Бред — таков был его вердикт.

— Не гони бред, Верн. Моча не полезнее четок. Она никого от меня не спасет.

Верн едва открыл рот.

— Не от тебя, кретин. Ты — ничто.

«Оки-доки, — подумал Хук. — Одному поехавшему дракону пора на выход».

Констебль на пробу взмахнул клыком.

«Удобно, — оценил он. — Отдам на огранку. Приделаю детке рукоять. С этого дня буду убивать только драконьим зубом».

Констебль Ридженс Хук улучил минутку полюбоваться обстановкой. «Живи мгновением» — разве не так говорят все гуру и прочие?

— Такого мгновения больше не повторится, Ридженс, — сказал он себе.

Все необходимые для уникального воспоминания элементы на местах:

1. Умирающий дракон.

2. Женщина с разбитым лицом.

3. Сын в ловушке под перевернутой лодкой.

Включать в такой список истекающего кровью хиппи было почти унизительно, однако Боди тоже был частью картины, так что Хук выразил признание, подмигнув ему.

«Никогда собаки не было?»

Что это за херня-то? Предсмертный бред?

Тем не менее, собаки у Хука действительно никогда не было, из-за папаши, категорического противника. Зато в свое время Ридженс про них читал и знал, что собаки мочатся, чтобы пометить территорию. Отпугнуть других псов.

«Но здесь нет других псов, то есть, собственно, драконов».

А потом что-то вцепилось ему в лодыжку, и он все понял.

Блядь.

У Верна все-таки были подданные.

Опустив взгляд, Хук увидел, как его ботинок жует здоровенный аллигатор с будто обожженной башкой. Зубы твари еще не пробили плотную кожу, но это был вопрос времени, так что констебль всадил ему промеж глаз клык, и тот вошел как шпажка в хлеб с хрустящей корочкой, то есть сперва немного споткнулся — а потом нырнул в губчатое вещество внутри. Проблема заключалась в том, что обратно он уже так легко не вытаскивался, а по скользкой болотной траве сюда подбиралась целая толпа ящеров.

— Ну ты сука, Верн, — выругался Хук. — Какая ж, мать твою, сука.

Первый аллигатор не разжал хватку, даже когда помер. По правде говоря, челюсти даже стиснулись еще сильнее, и в лодыжке хрустнула кость.

Никаких разговоров. Никаких угроз. Хук понимал, что на спасение из этой аллигаторовой заварушки придется пустить все силы до последнего джоуля, так как твари наступали жилистой волной, некоторые до сих пор наполовину обалделые после взрыва, вращая глазами, раззевая пасти, словно сатанинские секаторы.

Хук дернулся за клык еще пару раз, потом бросил.

«Лучше, наверное, Риджэнс, вообще временно бросить всю операцию».

Однако первым делом нужно было высвободить ногу. Хук затопал тяжелым ботинком, пока не сплющил аллигатору морду, а потом вывернул ступню из зубастого капкана. Сломанная кость болела как адская тварь, но это пришлось задвинуть на скамейку запасных. Можно отыграться на ком-нибудь потом, когда на этом богом забытом острове подохнут все, кроме него.

Хук попытался бежать, но после трех прыжков понял, что еще два и рухнет в грязь, и развернулся для драки.

Оружие?..

Почти все запасы утонули в болоте, однако при нем по-прежнему оставался верный нож-потрошитель, так что Хук в темпе вооружился. Аллигаторы хлынули на него волной с такой синхронностью, какой констебль еще никогда в них не видел, и его заднице, видимо, можно было сказать прости-прощай.

И все-таки, если помирать, то красиво, и потому констебль храбро бросился кромсать первого аллигатора в надежде, что после смерти вожака стая разбежится. И только когда твари не обратили никакого внимания на тело собрата, а попросту затоптали его, добираясь до Хука, тот вдруг понял: «Я целил не в то существо. Их вожак — Верн».

Однако разобраться с ним констебль уже не успел. Его настигла блестящая мешанина шишек и зубов, которая принялась разрывать жертву со всем рвением демонов, встречающих новоприбывших в царство Аида. Хук пронаблюдал, как ему

оторвало руку и брызнула, словно масло из носика бутылька, кровь, потом увидел, как аллигатор выгрыз кусок размером с баскетбольный мяч из живота, и наружу вывалились кишки.

«Прямо через жилет, — подумал констебль, — как будто его и не было».

А потом он оказался на спине, отбиваясь уже отсутствующей рукой, и это заставило рассмеяться — как выяснилось, очень зря, потому что аллигатор нацелил нижнюю челюсть прямиком в его открытый рот. Необычный ход для этих тварей, но чертовски эффективный: как только зверь захлопнул пасть, череп Хука треснул в ней, как арбуз под молотком.

Верн ожидал какого-то мрачного удовлетворения. Вот смотришь, как твоего заклятого врага рвут на части, и должно же стать хорошо, правда?

«Ка-айф!» — вот, как надо реагировать.

Однако Верн с удивлением понял, что не чувствует ничего и близко похожего на веселье. Слишком уж зверская смерть это была, даже для такой мрази вселенских масштабов, как констебль Ридженс Хук.

И все же.

На этот раз он определенно сдох.

Верн пронаблюдал, как Хук полностью скрылся под морем тел, потом порокотал и дважды коротко свистнул.

Аллигаторы отступили так, будто их отдернуло на резинках, оставив неестественной грудой на потоптанных камышах изувеченный труп Хука, который как будто мясник вывалил из мешка. В шести футах или около лежал Кнопка. Когда рябь на воде устаканится, за ним вернутся дружки.

«Наверное, хорошо, что Кнопка тоже откинулся, — подумал Верн. — Вдруг снова бы наехал на короля, и на этот раз корона б ему таки досталась».

На собственные оправдания Верн, впрочем, не купился. Кнопка убит — вот и весь сказ.

Верн судорожно вздохнул, и даже это причинило боль. Видимо, Хук все-таки мог добиться своего даже с того света, если Пшик не подтянет свой зад в строй и не начнет делать свою работу.

— Боди, — позвал дракон. — Ты тут, чел?

Ответ раздался не сразу.

— Более-менее, Верн. Думаю, ненадолго.

— Как насчет Элоди?

— Храпит. Нос, видать, сломан.

— Внутри она все еще прекрасна, не смей забывать.

— Иди на хрен, ящер, — огрызнулся Боди, судя по всему, считая, что все равно умирает.

— Ох-ох, — умилился Верн. — Грин Дэй отрас-тил бубенцы.

И он закрыл глаза.

Пшик знал, что происходит снаружи его лодочной тюрьмы. Он уже слышал, как аллигаторы ло-

мились в хижину Верна, и сомневался, что однажды позабудет эти звуки. Если нужно сравнить, как для школьного сочинения или типа того, Пшик сказал бы, что набег аллигаторов звучит как миллиард разом проткнутых шин — только не обычных, это важно, а огромных, как у монстр-траков.

«Шеф вызвал кавалерию, — дошло до Пшика. — Аллигаторы порвут Хука на кровавые лоскуты».

И, скорее всего, маму. И мистера Ирвина.

Именно мысли о том, как аллигаторы наползают на мать, и придали Пшику сил. Даже вымотавшись сверх меры со всеми этими болотными злоключениями, он метнулся к планширю и потянул, прикладывая новообретенные сверхъестественные ресурсы до последней капли. Борт сдвинулся на, может, полдюйма.

«Думай, Эверетт Моро, — приказал он себе. — Думай».

Пшик вытер ладони о штаны, что нисколько их не высушило, и расстегнул липучку на кармане жилета. Как от средства связи толку от телефона не будет, все-таки мертвая зона, но, по крайней мере, появится свет — если, конечно, недавние встряски не сыграли с электроникой злую шутку. Удача таки улыбнулась, и вскоре лодочную пещеру озарило зловещее свечение.

Снаружи продолжалось наступление. Пшик слышал, как ублюдки полезли за кем-то через лодку.

— Мама! — крикнул он, охрипнув от страха. — Я сейчас!

Какие бы плоды ни принесло вмешательство могучего Пшика. Но попытаться он был обязан.

Сдвинуть лодку — без шансов, тут уяснили, но выход должен был быть. Пшик прошелся фонариком по периметру планширя снова, но лодка стояла плотно и кое-где даже провалилась в грязь. При наличии часа времени и удобной лопаты он мог бы выкопаться, но ни на то, ни на другое рассчитывать не приходилось. Сквозь прорезь у двигателя сочился утренний свет, однако протиснуться там смог бы разве что крысеныш.

«Если только не снять двигатель», — вдруг сообразил Пшик.

Движок на пятьдесят лошадей крепился парой больших зажимов, и мальчишка с упоением бросился скручивать первый. К счастью, Боди тщательно следил за своим оборудованием, и гайка сдалась почти без боя, прокручиваясь в пальцах. Удача задержалась в гостях еще ненадолго, когда второй зажим не выдержал веса двигателя в одиночку и свалился сам. Даже «Бу!» говорить не пришлось.

Теперь у Пшика появилась лазейка размером с коробку хлопьев. В кой-то веки то, что среди своего поколения пацан считался заморышем, вот-вот должно было окупиться.

«Окупиться, — подумал Пшик. — Ну, если перспектива быть сожранным болотным аллигатором — то, что пацану и надо».

Тем не менее, к чести Пшика, он не стал колебаться, а нырнул в лазейку, словно с другой сто-

роны его ждала страна чудес, где местные ждут не дождутся короновать его принцем. Протискиваться пришлось с трудом, конечно. Грязь забилась во все щели, и Пшику начало казаться, что он уже больше никогда не отмоется, хотя какая, к черту, разница, если через пару секунд он все равно умрет.

«Зароют в грязь, как и не было».

Руки слепо шарили в поисках внешнего мира. Ощущив пальцами ветерок, мальчишка забеспокоился, что какой-нибудь глазастый аллигатор примет их за червяков и откусит, однако ампутаций не случилось, и вскоре Пшик Моро оказался на ногах снаружи, щурясь и моргая в утренней дымке.

Он принял искать маму, шефа, еще одного шефа, и обнаружил их, лежащих бок о бок. Картина вырисовывалась довольно безмятежная, если бы Пшик мог закрыть глаза на раны, синяки и кровь, а он не мог. Мальчишка рухнул на колени в чаекнувшее болото и замахал руками над головой матушки, как эксперт по бесконтактному массажу.

— Мам? — позвал он. — Ты умерла?

Отвечать Элоди отказалась, ведь ей совсем недавно прилетело веслом от медведицы, но по крайней мере она продолжала дышать, а это уже что-то, хотя опухший нос очень уж свистел в процессе.

— Нос, мам, — продолжил Пшик, указывая пальцем. — Твой нос.

— Да мальчишка ж просто гений, — подал голос Верн.

— Юное дарование, чтоб его, — согласился Боди, который настолько глубоко провалился в шок, что решил, почему бы и не поговорить так, будто ничего особенного не происходит.

Пшик вытер со своего носа слезу.

— Что мне делать, шеф? Все умирают или ваще совсем умерли. Боевая готовность на максимуме моей лажи.

Умничанье Верн воспринял нормально, а вот принятие решений по существу оказалось за пределами его изголодавшегося по маслу мозга.

— Э-э, — отозвался дракон. — Эм-м. Дай-ка пересплю с этой мыслью.

И действительно провалился в кататонию.

— Жопа, — прокомментировал Пшик, переползая к Боди, который будто бы посмеивался над неизвестной шуткой, пока у него на груди пузырилась кровь. — Мистер Ирвин, ну пожалуйста, планы — это вообще не мое. Столько раз доказывал.

— Прости, малец, — сказал Боди. — Я тут еле за мир живых цепляюсь. Если что-то скажет, может, запомню.

Пшику вдруг показалось, что облепившая его грязь пришла в движение, превратилась в крошечных существ, и они задумчиво пережевывают кожу. На кону стояли жизни, которые нужно спасти, и трупы, которые придется объяснять. Все умира-

ли, и Пшик должен был это как-то исправить — и все без мобильного.

— Все умирают, мистер Ирвин, — в отчаянии произнес он.

И тут у Боди случился проблеск интеллекта.

— Никто не умирает, Пшик, кроме меня, наверное. И судя по звукам, помочь уже в пути.

Пшик задумался. Никто не умирает. Срочная помощь нужна только Боди, а вой сирен на воде предвещал, что кавалерия уже несется вверх по течению. После кипеша в Новом Орлеане сюда летела, наверное, целая флотилия законников, защелкивая на себе кевларовые жилеты.

— Ладно, — заключил мальчишка. — Ладно, кажется, есть идея. Безумная, но не настолько, как правда.

И он рассказал Боди свой план.

— Агась, — согласился Ирвин. — Прям-таки самая большая куча...

И он присоединился к остальным двоим в беспамятстве, и Пшику осталось только понадеяться, что шеф собирался сказать что-то вроде «прям-таки самая большая куча гениальности из всех, что я слышал».

Что вполне расхожая фраза, верно?

А если нет, то у Пшика не оставалось ни выбора, ни помощи, ни мыслей получше, так что тут или пора действовать, или пора ждать копов.

«Как бы поступил Верн?» — спросил Пшик себя.

Последний дракон

Ответить было легко. Верн бы малость посквернсловил, почесал пятую точку и взялся действовать.

Ну, что ж.

— Итить-колотить, — выдал Пшик, почесывая вымокшую задницу джинсов, а потом подхватил свою матушку под руки и потащил к пироге.

Глава 20

Верн проснулся с ощущением, что его пропустили через жуткую давилку, которая не могла присниться и Стивену Кингу. Было так плохо, что, казалось, он на самом деле умер и попал прямиком в драконий ад. Память и личность в таком состоянии не имели никакого значения; все заполняла лишь мучительная тяжесть боли. Нет, не правда — дело было не только в агонии. Некоторые части его тряслось и штормило. Например, мозг. Верн сказал бы, что его мозг полностью обнажен. Что для последнего, в общем-то, ничем хорошим никогда не кончается. А еще обнаженной чувствовала себя задница, что обычно не сулит и заднице ничего хорошего тоже.

У Верна не было выбора, кроме как терпеть, чем он и занимался полдня, пока клетки не регенерировали достаточно, чтобы перевести хо-

зяина из состояния «ожидаем лодку Харона» до «поездка откладывается». И, возможно, еще где-то через полдня он таки обрел контроль над своими способностями. Правда не над всеми, но все же достаточно подкопил сил, чтобы воскликнуть:

— Да чтобы вас пульсирующим жезлом Азазеля!

В свое время это было популярным ругательством.

Он приподнял разные веки с ощущением, будто под каждое сыпнули песка, и обнаружил, что на него сверху вниз с озабоченным выражением лица смотрит Элоди Моро.

— День сурка, — пробормотал Верн. — Я застрял во сне, где вы наблюдаете, как я поправляюсь.

— Это не сон, мистер Верн, — сказала Элоди. — Мы оба уж точно не спим.

— И от одного из нас несет, как от фритюрницы, — заметил Верн. — Сдается, что это от меня.

Элоди сунула ему в рот соломинку непроливайки и, пока дракон пил, продолжила:

— Ага. Мы вливали в вас масло всеми возможными способами. Вы его глушили во сне. А еще Пшик позаимствовал для вас мою кисточку для смазывания. Вы сейчас как рождественский гусь. Без обид.

— Какие обиды, мисс Элоди? Дела, похоже, пошли в гору.

— Мы замочили бинты для ваших крыльев, — поясняла дальше Элоди. — Я подумала, для таких

нежных тканей нужно что-нибудь помягче. Так что Боди достал кокосовое масло высшего сорта.

— Чтобы я всегда так жил, — произнес Верн. — У меня тут регулярный спа-салон.

Он оглядел небольшую комнату:

— Кстати, где тут? Сегодня никакой пены с эффектом памяти?

Элоди заулыбалась, слегка смущенная.

— Видите ли, мистер Верн, вы в нашей ванне. Решили, что это самое удобное место, где вас можно более-менее полностью погрузить. Я выложила ее полотенцами, для шеи приспособила дорожную подушку.

Верн пошевелился. Вокруг захлюпало масло.

— Прекрасная идея. Ваша?

— Нет. За всех нас думает Эверетт. Один Бог знает как, но мой мальчик затащил нас обоих в свое каноэ и привез домой, миновав всех представителей правоохранительных органов, которые явились штурмовать ваш остров. Вы бы видели его сейчас. Как в Диснейленде — куча огней и людей в скафандрах.

Верн вздохнул.

— Еще одно убежище рассеялось, так сказать, как дым. Как Боди?

— Мистер Ирвин в полном порядке, — ответила Элоди. — Настоящий герой. Он всегда подозревал, что констебль Хук перевозит по реке наркотики. И в ходе своих раскопок — тут мы солстяпали маленькую ложь во спасение — он попал под перекрестный огонь продажных копов. Всем

заправлял Айвори Конти, если верить записной книжке, которую нашли у Ридженса Хука. Так что мистер Боди Ирвин был приведен к присяге в качестве констебля единогласным решением городского совета.

Верн присвистнул.

— Грин Дэй молодец. А Пшик?

— Весь план целиком принадлежал моему мальчику. Он разрывается, и в баре работает, и сюда масло возит. Я очень рада видеть, что этот молодой человек, наконец, научился хоть какой-то ответственности.

Верн обмяк в масляной ванне, оставив на поверхности только морду и крылья. С каждой секундой он чувствовал себя все лучше, живот рос на глазах.

— Ваше лицо неплохо выглядит, — сказал он Элоди.

Мама Пшика глянула на себя в зеркало.

— Ох, боже, эта женщина меня основательно потрепала. До сих пор звенит в ушах. А лицо выглядит так, как будто я в клетке дралась.

Верн хмыкнул.

— Готов спорить, Грин Дэю все равно. Клянусь, мужик сражен вами наповал.

— Я сама малость сражена, мистер Верн, — призналась Элоди. — Мы так давно знакомы. И теперь, когда Хук не метит территорию...

И тут Верн вспомнил, как он сам пометил мисс Элоди.

— Да, территорию, — пробормотал Верн, погружаясь чуть глубже. — Об этом...

Элоди отмахнулась от предстоящих извинений.

— Нет же, господи, мистер Верн. Вы же нас спасали. Теперь я это понимаю. И в любом случае, я была без сознания. Джинсы только слегка вылиняли. Но неплохой узор вышел, кстати, как петли переплетаются. Теперь называю их своими драконоджинсами.

«А она забавная, — подумал Верн. — Теперь ясно, откуда Пшик понабрался».

Он полностью ушел под липкую поверхность.

«Похоже, всем хорошо, кроме старины Хайфаэра. Сел в лужу, да не в ту, где обычно булькает».

Верн поморгал, наблюдая, как искажается ванна Моро сквозь золотистую пленку.

«А можно чутка тут задержаться, — размышлял Верн, — впитать еще немного жира».

И он в тысячный раз твердо решил выяснить кое-что о своем организме.

«Нельзя же дракону всю жизнь оставаться невеждой».

В Гнездовые были лекари, но Верн пренебрегал занятиями наукой ради походов, ведь ужасно хотел доказать младшему брату Джубелу, что он не пустое место на поле битвы. А теперь спрашивать не у кого.

«Насколько я знаю».

Может быть, настало время найти другого дракона и принять более активное участие в соб-

ственном будущем, чем просто бездельничать. Но, для начала, надо увязать все концы здесь.

«Нужно хорошенько все обдумать», — рассудил Верн и закрыл глаза.

Полностью очухался Верн только через неделю. К тому времени, по его сведениям, болотные дела оказались в общем и целом уложены. Одним вечером дракон проснулся и увидел, что ванна высохла, а его крылья прорвали повязки. Тогда он решил поразмять старые косточки вокруг хижины Моро. Первый раз вылезти из самой ванной комнаты. После позорного падения на кафель, он обнаружил, что причудливая ванная не совсем точно давала представление о доме Моро, так как остальной домишко был сплошным деревом и потертым жаростойким пластиком, простым, но чистым, кроме тех мест, где по юности отметился Пшик. Следы жизнедеятельности мальчика в виде разных зарядных устройств были разбросаны по всем поверхностям, бутылки с водой стояли во всех возможных местах, куда их только можно было пристроить, и в паре тех, куда бутылка влезала только в сильно помятом виде.

— Ну, черт возьми, ребенок, — пробормотал Верн, — вон же мусорка стоит.

Домишко был пуст, но Верн чувствовал запах Пшика совсем рядом.

— Все еще пользуется тем мылом, — пробурчал дракон, снимая с крючка дождевик и набрасывая его на плечи.

Крылья втянулись и даже не дрогнули, и Верн возблагодарил свою счастливую звезду за исцеляющую силу жира.

«Я не знаю, как магия работает, Горец, — подумал он. — Я просто рад, что она есть».

Верн выглянул через сетчатую дверь, проверяя, нет ли опасных незнакомцев, но в пределах видимости был только один человек: Пшик, лежащий в отключке в шезлонге с газетой на ногах.

«Газета, — подумал Верн. — Их что, еще выпускают?»

Он выбрался наружу, сел напротив Пшика и прочитал заголовок вверх ногами.

OKA3A1OCP LP3HPIW K03T0ME
VTHN-ANNEHIA XAHN-ANNEHIA

— Хех, — хмыкнул Верн. — Красота.

— Часть моего плана, — подал голос Пшик, который, видимо, не спал. — Красиво все оформить для легавых. Видосы про чудовище? Да всего-то коп в костюме дракона пугал людей, чтоб держались подальше от его наркопровода. В реке нашли тонну улик, а я отправил в «Таймс-Пикаун» фото Хука в коже, чтобы подлить масла в огонь.

— Умно, — сказал Верн. — И что, федералы купились?

Пшик потер глаза.

— Не. Слишком много дыр. Типа зачем Хук устраивал маскарад в Новом Орлеане? И так далее.

— Народ-то счастлив?

— Да. Кажется, гораздо проще им в вас не верить. Верн закинул ноги на маленький садовый столик.

— Ага. И мне это нравится. — Потом кое-что пришло ему на ум. — Фото? Когда это ты сделал фото Хука в моей шкуре?

Пшик помычал, помямлил, но признался.

— Это был не Хук, шеф.

— Это был ты, — закончил Верн. — Не устоял, а?

— Ну вы же знаете нас, молодежь, — ответил Пшик. — Не можем не устроить фотосессию.

— Надеюсь, ты этой фоткой под собственным ордером на арест не подписался.

Пшик отмахнулся.

— Не-е. Я распечатал ее на бумаге, сунул в масло, пропустил через сушку и скопировал на принтере. Там теперь не разберешь, но для народа, думаю, все и так очевидно.

Верн покосился на Пшика.

— То есть все это время ты валял дурака в моей шкуре?

Пшик потянулся и сменил тему.

— Так вот, пока вы лечились в ванне, я кое о чем думал. Разумеется, как убежище остров спалили. Федералы натыкали там дюжину камер, транслируют двадцать четыре на семь, а еще пара агентов до сих пор при «Жемчужине» живут. Прям как Малдер и Скалли, у дамочки даже рыжие волосы. Представляете?

Верн насвистел тему из «Икс-файлов» и понял, что выбитый клык снова начал расти. Пока коротковат, но дело поправимое.

— Именно, шеф, — кивнул Пшик.

— Мне нравился сериал, пока у них были монстры недели, — произнес Верн. — А потом они углубились в картину, мать его, мира, и я потерял интерес.

— С политикой перебор, — поддержал Пшик, но не потому что сам смотрел «Икс-файлы», а потому что они уже топтались по этой теме.

— Да, перебор, — кивнул Верн. — Просто пристрелите уже чупакабру, ради всего святого, и избавьте меня от этого парня с сигаретами.

— Сдохни, чупакабра, — изобразил пальцами пистолеты Пшик.

— Так вот, малец, я тебя перебил. Что ты там думал?

— Я думал: на острове пока слишком жарко, но сколько еще эти агенты будут тратить деньги государства? Пару месяцев от силы, и мы снова в деле. Хайфаэр и Моро, часть два: возвращение ожога.

— Отличный заголовок. Так и вижу афишу, — сказал Верн.

Пшик воодушевился:

— Мама сказала, что вы можете оставаться, пока дым не рассеется или опустится, или что там с ним будет. Можете занять мою кровать. А к Рождеству уже будете плавать с аллигаторами. Что думаете, шеф? Логично ж?

— Почти, — ответил Верн. — Если смотреть вполглаза. И не слишком пристально.

Пшик на минуту задумался.

— Шкура, — наконец произнес он.

— Агась, — Верн кивнул. — Шкура. Федеральная мадама Скалли проведет анализ и узнает, что это не аллигатор. Так что, как минимум камеры в ближайшее время никуда не денутся.

Пшик не собирался отступать так просто.

— Я могу с ними разобраться. Может, кабаны зады им показывать. Или ломать раз в пару недель.

— Не-а, — мотнул головой Верн. — Только внимание привлечешь. Оглянуться не успеешь, как спутник из космоса снимков нашелкает.

— Ладно, тогда мы переезжаем на Хани-Айленд. Прогулка по островам, да, так все знаменитости делают.

— Никак нет, сынок. Мне нужно расстояние — где-то к югу от границы.

Пшик знал, к чему все идет. И боялся этого.

По правде, Верн тоже.

— Значит, нам придется уехать? — спросил мальчик.

Верн почти согласился. Почти. Но фишка с изгнанием работала, только если отправляться в него соло.

— Нам? Хорошо б если, малец. Правда, было б славно. Но я должен улететь отсюда в режиме стелс. Никаких пассажиров, слишком дальнее расстояние.

Пшик закрыл лицо руками, и Верн задумался, что там за ними творится.

— И когда? — глухо спросил мальчишка.

— Скоро, — ответил Верн. — Власти будут шнырять дальше, а мы на реке первая остановка.

— Куда вы полетите?

Верн причмокнул.

— Пока не уверен. Думаю, в Южную Америку. Подальше от юрисдикции, знаешь ли. Звучит разумно. К тому же, хочу убедиться, что я действительно последний, и Южная Америка может стать хорошим местом для старта. Всегда считал, что интернет-слухи — это полная чушь, как кот, который играет на пианинке. Но после собственного разоблачения я немного изменил мнение. Время расследовать.

Пшик слегка раздвинул пальцы и показал глаза.

— А моя работа?

— Все будет хорошо, — сказал Верн. — Я знаю, Ваксмен оставлял тебе свой дом. Там дворец целий. И все, что там спрятано, теперь ваше с матушкой.

Пшик кивнул. Он надеялся, что Элоди переедет к Ваксмену вместе с ним, но судя по свежеиспеченному роману, это маловероятно. И все же, теперь у него появилось свое место на воде и новый мир перспектив и возможностей.

— А вы, шеф? С вами будет все хорошо? Вы друга потеряли. Старина Вакс был тем еще кадром.

Верн пожал плечами.

— Я уже давным-давно не в порядке, малец. Но мне чертовски лучше, когда на меня работаешь ты.

— Так оставайтесь, — сказал Пшик. — Можете рассказывать про Ваксмена. Мы все проработаем. Я типа как за психотерапевта буду.

Верн рассмеялся.

— Я не могу себе позволить психотерапевта.

Пшику замечание не понравилось.

— Я не про деньги, шеф.

— Знаю, малец. Просто шутил. Ты для меня бесценен. У меня никогда не было такого фамильяра. Я бы даже сказал, что ты у меня партнер. Младший партнер, конечно.

Пшик уронил руки и немного улыбнулся.

— Младший партнер? Мне нравится.

— На самом деле, — продолжал Верн, — в обязанности младшего партнера входит присмотр за моими коммерческими делами, пока меня нет в стране.

— У вас есть коммерческие дела, шеф?

— А как же. Например, недвижимость.

Пшик рассмеялся.

— Вы же не про хижину?

— Про хижину. Но у меня и капитал есть, и я его забирать не буду.

— Капитал? Типа, наличка?

Верн усмехнулся.

— Типа налички, но блестящей. Конфедерационной.

Тут Пшик просек фишку.

— Минуточку, шеф. Вы сказали: «пока вас нет в стране». Из чего я умозаключаю, что вы вернетесь.

— Ты умозаключаешь? Итить-колотить отсюда и до обеда, — произнес Верн с самым серьезным видом. — Мне казалось, это термин мисс Ингрэм. Может, если ты умозаключаешь, то я подразумеваю? Как тебе? Не такой уж я и тупой, каким кажусь.

— То есть, вы вернетесь.

— А разве я этого не сказал?

— Не уверен, шеф.

— Я тоже. Но планирую вернуться. Или забрать тебя к себе, когда закончится учеба.

Пшик моргнул.

— Учеба? Школа?! Вы что, в добрые католики заделались?

Верн подался вперед, словно собираясь поделиться великой мудростью:

— Большинство школьного образования ни хрена не стоит, ни для кого не секрет. В целом, это сломанная система, которую увековечили преподаватели. Мол, у нас есть то, что вам нужно, так что будем вам это впаривать.

— Именно, — сказал Пшик. — Я повторяю это годами.

— Но, — продолжил Верн, поднимая палец, — мисс Ингрэм, похоже, молодец. Поэтому я хочу, чтобы ты получил диплом.

— Диплом?! — воскликнул Пшик. — Зачем? Заднику им подтереть?

На этом Верн не остановился.

— И...

— И? Что ж еще-то?!

Дракон откинулся на спинку и скрестил руки на груди, пережидая взрыв гнева. Примерно через минуту Пшик утих.

— Вот это сцена, — проворчал Верн с явным недоброением на морде. — Так себе поведение для младшего партнера.

Пшик надулся так сильно, что даже шею втянул.

— Ага, ну знаете ли, разговор-то про образование. У меня нет на него времени. У меня дел, на хрен, по горло.

— Ты чертовски прав, по самые гланы: будешь вести мои дела и узнавать все, что связано с моей драконностью.

— Нет такого слова.

— Может да, а может, нет, — уклонился Верн, — как раз это тебе и нужно выяснить. Насколько я могу судить, существует много знаний, в которые никто из нас не посвящен, а кому-то придется-таки посвятиться. К тому же, по состоянию рынка на сегодня, что ж я, дурак, нанимать младшего партнера без высшего образования.

Пшик чуть с шезлонга не рухнул.

— Высшего?! Это что, мне теперь в колледж идти?

— Чертовски верно, — кивнул Верн. — Мне нужно знать, что заставляет рынки тикать, и что заставляет тикать меня. Так что тебе придется освоить комбинацию: бизнес и драконоведение.

— Бизнес и драконоведение? А такое реально?

Верн закивал с нарочитой уверенностью.

— Разумеется. Сейчас вообще все реально. Хоть по Звездным войнам степень получай, Оби-ван, чтоб тебя, Моро.

— Круто, — выдохнул Пшик.

— Так что давай-ка, поучись у этой вашей Ингрэм, потом тащи свой тощий зад в новоорлеанский универ на пару лет. И чтобы все время мониторил мои данные.

— То есть прятал ваши сокровища в землю?

— Да, за вычетом оплаты твоего обучения и оклада. Веди учет, ясно? Чтоб каждый грош.

У мальчишки, не привыкшего загадывать дальше дня получки, случился перебор долгоиграющего планирования.

— Можно я подумаю?

Выражение лица Верна говорило «нет», как и голос.

— Никак нет, мелкий. У тебя тут, как говорят, возможность, которая выпадает только раз в жизни. Я мню себе какое-нибудь путешествие на годы, так что мне на стороне нужен парень с вышкой. Вот такие условия.

— Но шеф, я никогда не задерживаюсь на учебе, — заныл Пшик.

— Ты, мать твою, кто? Гек Финн? Соглашайся уже, — Верн протянул руку. — Эта рука уберется через пять секунд. Второго предложения не будет.

Пшик внимательно посмотрел на покрытую крупной чешуей руку и когти на каждом пальце, которые не так давно вот-вот и вспороли бы ему

глотку. Как будто в другом времени, и с другим Верном, и Пшик вдруг осознал, каким огромным шагом это предложение стало для дракона. И насколько этот шаг изменит его жизнь. А еще он понял, что если не пожмет ему руку, им придется рас прощаться, а это немыслимо.

Пшик выждал три секунды, а потом пожал руку.

— Епт, шеф. Колледж. Я-то думал мы будем как герои боевиков: одни интриги и спасения. Как вышло, что мне надо учиться?

Верн поймал настрой истинного наставника:

— Студенты — вот, кто настоящие герои.

И они оба согнулись от хохота едва ли не на минуту.

Когда Боди Ирвин выложил пункт первый их плана, Верн присвистнул через дырку от клыка. Она, к слову, становилась все меньше.

— Это какая-то дичь, — заключил дракон. — Ехать с наркоторговцами. И откуда ты всю эту муть знаешь, Грин Дэй?

Боди был горд и обижен одновременно, отчего на его лице застыло выражение, с которым обычно сдерживают газы.

— Завязывай с Грин Дэем. Теперь я констебль Ирвин. Я даже футболку с группой не надел, видишь? У меня теперь шляпа и прочее дерьмо. А всю эту муть знаю, потому что закон я представляю только со вчера, а травку где-то раздобыть всегда надо.

Они собрались в гостиной дома Моро, которая одновременно была и кухней, и спальней Элоди. Верн втиснулся в единственное кресло, сами Моро сидели на его подлокотниках с обеих сторон. Боди по-охотничьи присел на корточки, пока через несколько минут не заломило колени и не пришлось откинуться на кофейный столик. Элоди одарила Боди улыбкой. Он пытался, а усилия стоит поощрять.

— Если вы закончили с томными взглядами, — проворчал Верн, — то, может, вернемся к разговору? Тут говорят, федералы уже практически в дверь ломятся.

— Ой да помолчите, Верн, — сказала Элоди, уже вполне освоившись с драконом в своей гостиной-кухне-спальне. — Боди все еще восстанавливается.

— Да, Верн, — воодушевился, получив поддержку, Ирвин. — Не все же могут принимать ванну во фритюре.

— Ауч, — подал голос Пшик. — Подкололи, шеф.

Верн изо всех сил постарался удержать невозмутимое лицо.

— Закройся, кладезь мудрости. Мы еще не выбрались из болота. Будешь шутить и изгаляться, когда я окажусь в безопасности в Мексике.

— Вообще-то, не в Мексике, — вмешался Боди. — В планах была Колумбия. Мексика для тебя вообще сейчас ни хрена не стоит, простите мой французский, мисс Элоди.

И будь все проклято, но Элоди покраснела.

— Я могу простить вам сейчас все, что угодно, Бо.

— Бо? — оживился Пшик, — а вы уже перешли к уменьшительно-ласкательным?

Верн хлопнул его по колену.

— Мой тебе совет, малец: купи шумоподавляющие наушники или получишь травму на всю оставшуюся жизнь.

Пшик заерзal. Он уже не был ребенком во многих смыслах, но когда речь идет о маминых шашнях — маленькими становятся все.

— Колумбия, шеф, — произнес он, возвращая разговор в безопасное русло. — Потому что я нашел видео. Я несколько дней искал по «достопримечательности драконы», но попадалась только херня. А потом попробовал поискать «горгулью».

— Черт побери! — воскликнул Верн. — Горгульи даже не настоящие существа. Они статуи. Чтобы увидеть горгулью, надо просто поехать в Новый Орлеан и глаза разуть, и все, и все.

— Как бы там ни было, с тех пор, как партизаны подостыли, все больше и больше туристов едут в джунгли смотреть Затерянный город.

— Ла Сьюдад-Пердида, — произнесла Элоди, с сильным акцентом, специально для Боди.

— Мам, ну хватит, а! — возмутился Пшик. — Я тут работаю.

— Прости, сынок, — извинилась Элоди.

— Больше туристов — больше видео. В прошлом году появилось вот это.

Пшик выстучал что-то в телефоне и разок провел по экрану, выводя ролик с Ютуба. Изображение было темным и дрожащим, но показывало, как

что-то рептилиеподобное метнулось в сторону деревьев. Что-то большое, с головой в форме наковальни.

Верн выпрямился в кресле.

— Может быть.

Пшик прокрутил еще раз.

— Возможно.

— Возможно, что херня, — сказал Боди.

— Именно, — ответил Верн. — Но выбора у меня все равно нет.

«Мне все равно надо улететь, — подумал он. — Так почему бы, черт дери, не отправиться с целью?»

Верн был более чем взволнован. Он не искал своих уже долгое время и знал, что его скорее всего ждет жестокое падение со скалы разочарований. И все же...

— Ага, — сказал он. — Агась, лады. Так что, когда я отправляюсь?

— На следующей неделе, — ответил Боди, — если готов лететь.

— Да твою ж мать, Грин Дэй, — огрызнулся Верн. — Я рожден летать.

Глава 21

Пшик рассчитывал, что за неделю-то подберет нужные слова, но уже через пару дней ситуация обострилась. Боди получил по внутренним каналам известия, что драконью шкуру проверили на огнеупорность, и ФБР высыпает еще двадцать агентов — прямо ковровое бомбометание своими людьми устроили. Так что новоиспеченный констебль решил ускорить отлет. В результате, отправление было перенесено на ту же ночь. Поэтому Пшик и Верн сидели на борту «Зодиака» в пятистах метрах от охраняемого заповедника Пас-а-Лутр в заливе Гарден-Айленд. Верн был закутан в толстовку с эмблемой «Пеликанов» на три размера больше и капюшон, так что любой проплывающий мимо запоздалый рыбак не обратил бы на него внимания.

— Помнишь тот пень перед хижиной, который смахивает на Дэнни ДеВито?

Пшик засмеялся.

— Помню, стремный такой. Дэнни, мать его, ДеВито. Люблю этого парня.

— Конечно. Кто ж его не любит. Самый смешной хрен во всем мире.

Пшик чувствовал, что дело тут не просто в приятном воспоминании об актере.

— Так а что там с пнем?

— Присмотрись к нему.

— Вашу ж мать, шеф. Вы мне еще и работу подкидываете? Я думал, мне в школу надо ходить.

— Надо. Потом в колледж. То, что под пнем, все обеспечит. Вдруг захочешь слегка приукрасить дом — внимание не привлекай, но малость кабельного не повредит. Может, даже широкополосный доступ. И ради всего святого, диван.

— Новая приставка? — спросил Пшик.

— Макбук, — поправил Верн. — И занимайся в перерывах между играми. Я не хочу, чтоб золотые слитки пропали даром. Конфедераты с таким трудом с ними расстались. Отдавай их Боди по одному. Он выбьет по хорошей цене.

— Под пнем ДеВито, да?

— Ага. На цепи.

Они сидели под небом насыщенного синего цвета, усеянным особенно яркими россыпями звезд, трепались о пустяках, не переходя к серьезным темам. «Зодиак» покачивался на якоре, что напомнило Верну недавнюю надувную лодку.

— Помнишь лодку Хука, малец?

Пшик был рад зацепиться:

— Помню ли? Шеф, чтоб вас, я едва успел зад за борт вынести, как вы ее взорвали.

— А у тебя от всего происходящего травмы не случится?

— До сих пор же не случилось, — ответил Пшик. — Может, позже. Тогда у меня будет депрессия и все такое.

— Бум, — хмыкнул Верн. — Я поджег этого сунка прямо там.

Пшик чувствовал неловкость из-за грядущего прощания, но не мог придумать, с какой бы стороны подступиться.

Верн, по всему, чувствовал себя так же, поэтому произнес:

— Нам же не нужно страдать всякой прощальной ерундой, потому что мы знаем, что к чему, так, малец?

— Так, — кивнул Пшик.

— Мы с тобой, пацан, спасли друг другу шкуры. И так будет всегда.

— Конечно, шеф, — сказал Пшик.

Верн как будто пытался подобрать слова.

— И знаешь, вся эта тема, мол, шеф и малец. Может, так было в самом начале, но сейчас все изменилось. Теперь все по-другому. Такого еще никогда не случалось.

Прозвучало очень путанно, но суть Пшик уловил.

— Я пытаюсь сказать, пацан, держись пути и никуда не сворачивай. Понял?

— Понял, — ответил тот. — Всегда только вперед. Я потрачу ваше золото с умом и отчитаюсь за каждый слиток, когда вы вернетесь. И если я понадоблюсь...

— Я посигналю, — сказал Верн. — Рассчитывай. Пшик оглядел небо.

— Ничего пока не вижу. Он уже должен быть здесь.

— Как всегда, задержки, — ответил Верн. — Ты когда-нибудь видел, чтобы самолет вылетел вовремя? Даже с наркотой?

— Я в самолете-то никогда не был. Летал только с вами, и то все проспал.

— Я в самолете тоже никогда не был, — Верн подмигнул. — Это как-то откровенно неестественно — летать внутри чего-то.

— Вы уверены, что справитесь? Десять часов в воздухе?

— Должен, — уверил его Верн. — Передохну в Гаване, когда будет остановка.

— Тогда у аэропорта сверните направо.

Верн похлопал себя по карману шорт.

— Боди дал мне навигатор, так что не промахнусь. Не беспокойся за меня, малец. Летать — это мое дело.

— А если вас увидят?

Верн пожал плечами.

— Наркоторговцы летают тихо. Они не сканируют все подряд. А если и увидят, ну, значит, чейто заработка не доберется до Колумбии.

— Надеюсь, вы найдете драконицу.

— Я тоже, — с чувством согласился Верн. — Очень на это надеюсь.

— Не забывайте питаться жиром, — вздохнул Пшик.

— Ага. А ты наоборот.

Верн услышал шум двигателей где-то в семи тысячах футов над ними. Осмотрел небо ночным зрением, пока не обнаружил силуэт темнее остальной синевы и не наступило время для последних оревуаров.

— А вот и попутка, — сказал Верн, снимая толстовку.

Дракон осторожно встал. Пшик схватился за уключины.

— Напишите мне свой адрес, если получится, — попросил Пшик. — Пришлю вам пару футболок с «Флэшдэнсом».

— Может быть, мне больше не понадобится вдохновение, — ответил Верн.

Дракон низко присел, а затем стремительно прыгнул вверх и расправил крылья в самой высокой точке, за мгновение до того, как в игру вступила гравитация. Несколько секунд он хлопал ими, как сумасшедший, что требовало уйму сил, но не подал виду. А потом мембранны крыльев вздулись. Дракон поймал воздушный поток и с одним чудовищным взмахом унесся, как ракета. Осталась

только рябь от нисходящего потока и легкое покачивание «Зодиака», как доказательство, что дракон тут вообще был.

— Вот же блин, — с благоговейным трепетом произнес Пшик, вглядываясь в небо. — И это мой шеф.

Он не мог разглядеть ничего, кроме звезд, но знал, что где-то там, в вышине, летит легкомоторный самолет картеля, и под его брюхом путешествует дракон. Если кто-то и может проскочить незамеченными — это наркосы. И единственный раз, когда они тащили на хвосте настоящего дракона, а не тащились и видели драконов под кайфом.

— Хех, — хмыкнул Пшик. — Видели драконов под кайфом. Да я же шутник, шеф.

Пшик включил тягу, и маленький, в пять лошадей, подвесной мотор заурчал. Боди ждал в грузовике на берегу, краем глаза приглядывая за охраной, и готовый сверкнуть значком, если кто-то заметит, что лодка пропала. Но пока все было тихо. Вторым глазом Боди следил за Элоди, которая составляла ему компанию в кабине. Одному богу известно, до чего у них все дошло.

«Даже знать не хочу, — думал Пшик, направляя «Зодиак» к берегу. — Эти двое как подростки».

И потом:

«Младший партнер, а?»

Виверн, лорд Хайфаэр, мог не беспокоиться. Эверетт Пшик Моро позаботится, чтобы его деловые интересы не пострадали.

Последний дракон

По правому борту пролетел журавль.
«Держись пониже, приятель, — подумал Пшик. —
Верн может возжелать острых крыльышек».

Через пару недель, вернувшись после смены
в «Жемчужине», Пшик обнаружил дома на столе
открытку.

Набросок, контур дракона.
И все хозяйство наружу.

БЛАГОДАРНОСТИ

С благодарностью всем тем, кто протянул мне руку, ногу, глаз или зуб помохи, пока я вытаскивал эту книгу из головы. Единственная причина, по которой моя ирландская самооценка позволяет гордиться «Последним драконом» — это чудесные люди, которые участвовали в процессе.

Йон Колфер

ОБ АВТОРЕ

Йон Колфер — автор серии мировых бестселлеров про Артемиса Фаула, а также серии WARP; «Воображаемого Фреда» в соавторстве с Оливером Джейферсоном; удостоенного премии романа «Собака, потерявшая лай» совместно с Пи-Джеем Линчем; «А вот еще...», официального продолжения серии Дугласа Адамса «Автостопом по Галактике»; нескольких самостоятельных и двух взрослых криминальных романов, включая «Замаранные», который был номинирован на Книжную премию Лос-Анджелес Таймс. Живет в Ирландии с женой и двумя детьми.

**Литературно-художественное издание
әдеби-көркем басылым**

Серия «Шедевры магического реализма»

**Йон Колфер
ПОСЛЕДНИЙ ДРАКОН**

Зав. редакцией С. Тишков

Ответственный редактор Е. Березина

Редактор Т. Шифрина

Технический редактор Н. Чернышева

Компьютерная вёрстка А. Лытава

Корректор Л. Богданова

Подписано в печать 26.03.2021 Формат 84x108/32

Печать офсетная. Гарнитура. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,52

Тираж 2500 экз. Заказ № 8021.

Произведено в Российской Федерации

Изготовлено в 2021 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, Российская Федерация,

г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1,

комн. 705, пом. I, этаж 7

Наш электронный адрес: WWW.AST.RU

Интернет-магазин: book24.ru

Общероссийский классификатор продукции

ОК-034-2014 (КПЕС 2008);

58.11.1 — книги, брошюры печатные

Отпечатано в ПАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 83.

www.oaoimpk.ru, тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»

129085, Мәскеу к., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-күрылыш,
705-бөлме, I жай, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Казақстан Республикасындағы импорттаушы

«РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий
на продукцию в республике Казахстан:

ТОО «РДЦ-Алматы»

Казақстан Республикасында дистрибутор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы к., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2021

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірілген мемлекет: Ресей

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!

https://vk.com/ast_mainstream

https://www.instagram.com/ast_mainstream

<https://www.facebook.com/astmainstream>

Было время, когда, паря в небесах, он поливал огнем разъяренные толпы, теперь же он прячется от туристических речных теплоходов и крайне неохотно покидает свое кресло. Это некогда великолепное огнедышащее создание ныне обитает в рыбацкой хижине, где прикуривает «Мальборо»

от сыплющихся из носа искр и пьет «Абсолют».

Более того, он давно и плотно подсел на «Нетфликс»... На протяжении веков Виверн, лорд Хайфайр, вселял страх в сердца людей. Теперь его зовут просто Верн. Он выжил, но даже моря алкоголя не могут заглушить тоску в его душе — последний в своем роду, последний дракон. Дни славы Верна давно прошли. Или нет?

«Настоящий детектив» встречается с «Болотной тварью» в неонуарном триллере о ворчливом драконе в Луизиане — от автора «Артемиса Фаула». *Guardian*

В новом романе Йона Колфера для взрослых читателей еще больше той буйной фантазии, за которую его так полюбили преданные читатели.

В жизнь дракона, который любит водку, фильм «Танец-вспышка» и свое кресло, внезапно влезает назойливая болотная крыса.

Entertainment Weekly

Автор популярных детских книг про Артемиса Фаула, Йон Колфер обратился к взрослой аудитории и сделал это блестяще. Он написал восхитительно забавный роман, от которого нельзя оторваться... В его книге звучат грубые, подлинные голоса настоящего Юга. Просто потрясающие персонажи. Не говоря уж обо всех этих аллигаторах...

Booklist

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

КНИГИ ДЛЯ ЛЮБОГО НАСТРОЕНИЯ ЗДЕСЬ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

www.ast.ru | www.book24.ru

- vk.com/izdateilstvoast
- instagram.com/izdateilstvoast
- facebook.com/izdateilstvoast
- ok.ru/izdateilstvoast

